

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 1 (209) 2018 год

Выходит два раза в год

Минск 2018

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, доцент, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Дормешкин О. Б., доктор технических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Кунтыш В. Б., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Долгова Т. А., кандидат физико-математических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Файгле В., доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Флорик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Шадурский В. Г., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Забавский Н. М., доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32;

главного редактора серии – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 1 (209) 2018

Published biannually

Minsk 2018

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Associate Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Dormeshkin O. B., DSc (Engineering), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Kuntyshev V. B., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Dolgova T. A., PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torshchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Barcik Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Faigle W., DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Shadurskiy V. G., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Zabavskiy N. M., DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 226-14-32;
managing editor (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 316.722: 930«1991...»

В. Е. Козляков

Белорусский государственный технологический университет

КОНЦЕПЦИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

В статье анализируются взгляды многих историков, философов, политологов России и Беларуси, излагающих свои мнения по поводу социокультурного феномена «русская цивилизация». Отмечается, что данный феномен призван стать альтернативой западно-либеральным идеям, охватившим значительную часть постсоветской элиты. Многие философы и историки рассматривают содержание таких важных компонентов «русской цивилизации», как созидательный труд, стремление к справедливости, прежде всего в оценке его результатов, приоритет духовных начал над материальными, сущность патриотизма, соборность. Подчеркивается важное значение указанных компонентов для современных условий развития общества. Делается вывод о том, что русская цивилизация как ядро восточнославянской цивилизации, представляющей собой уникальную совокупность способов жизнедеятельности народов в экономике, политике и культуре, может и должна стать основой для евразийской интеграции, а также для формирования будущей мировой цивилизации реального гуманизма.

Ключевые слова: цивилизация, русская цивилизация, русская культура, созидание, справедливость, духовность, соборность.

U. Ye. Kazliakou

Belarusian State Technological University

“RUSSIAN CIVILIZATION” CONCEPT IN POST-SOVIET HISTORIOSOPHY

The views of many historians, philosophers, political scientists of Russia and Belarus about socio-cultural phenomenon of “Russian civilization” are presented in the article. This phenomenon may become an alternative to Western liberal ideas that have engulfed a significant part of the post-Soviet elite. Many philosophers and historians consider the content of such important components of “Russian civilization” as creative work, striving for justice, primarily in assessing its results, the priority of spiritual principles over material, the essence of patriotism, spiritual collegiality. The importance of these components for the modern conditions of the society’s development is shown. Russian civilization as the core of the East Slavic civilization is a unique set of ways of people's life activity in the economy, politics and culture, can be the basis for Eurasian integration, as well as for shaping the future world civilization of real humanism.

Key words: civilization, russian civilization, russian culture and creativity, justice, spirituality and collegiality.

Введение. Распад СССР, безбрежная демократия, свобода рыночных отношений, казалось, знаменовали наступление эры либерализма. Отрешившись от старых догматов, заимствуя западные рецепты, постсоветская элита рассчитывала удовлетворить свои собственные амбиции и привить основной массе населения частнособственнические инстинкты. Однако жизненная практика преподнесла жесткие уроки: оказалось, что заимствованные западные лекала не дают ожидаемого эффекта. Все чаще политики, философы, историки, политологи стали задумываться о собственных путях развития страны.

Основная часть. В политической мысли постсоветского пространства выявилось несколько направлений возможного цивилизованного развития своих стран. Получили широкое распространение идеи либерализма западного образца, следуя которым можно, но не сразу, добиться желанного успеха. Другого варианта, дескать, не существует. При этом Российская империя изображается «отсталым, деспотическим государством», принесшим все беды народам, проживавшим на ее территории. Один из столпов американского либерализма Пайпс Р. еще в начале 80-х гг. XX в. пытался

доказать, что «российская государственность с самого начала приобрела решительно вотчинный характер, нормы которого... лежат между сеньором и полусвободной силой его поместья». А Ленин и его соратники, придя к власти, воссоздали «полицейское государство», такими же «чрезвычайными мероприятиями – точно так же, как думало царское правительство» [1, с. 70, 94, 415]. Об «отсталости и дикости» России, повторяя нравоучения Р. Пайпса, не раз писал «отец» современных реформ Гайдар Е. Т. Например, в одной из своих работ он утверждал: «Россия оказалась культурно, религиозно, политически, идеологически отделенной от центра инноваций, которым все больше становится Западная Европа. Следствие – нарастающее ограничение культурного обмена, возможного заимствования нововведений, подозрительность, изоляционизм» [2, с. 264]. Однако реформаторы умалчивают, что многие богатства Запада возникли за счет грабежа колоний и других «нецивилизованных» стран, а «западные инновации» типа «Дранг нах Остен» были в свое время решительно остановлены сначала Александром Невским, потом другими русскими полководцами.

Причины «отсталости» и «дикости» России попытался объяснить последователь Е. Т. Гайдара, профессор Васильев Л. С. По мнению автора, «всему виной являются деревенские общины, сохранившие свою мощь и не очень откликнувшиеся на вроде бы благоприятные для них перемены». А проблема заключалась в непреодолимом противоречии – между архаичной общинной «матрицей» и «вестернизированным» городом. Автор высказывает сожаление, что большинство населения «стало выступать против реформаторов, стремившихся построить новое общество, основанное на либерально-демократических идеях и институтах передового Запада и законах свободного рынка» [3, с. 464, 468, 476].

Однако в этих условиях значительная часть интеллектуалов России, осознав пагубность гайдаровских реформ, сосредоточилась на поисках серьезных альтернатив. Коллективистские ценности, верность Отечеству, протесты против разбазаривания природных богатств страны заставили многих деятелей обратиться к истокам и сущности социокультурного феномена «русская цивилизация». В течение 90-х гг. XX в. представители гуманитарного знания стали осмысливать идеи и положения, высказанные в свое время Н. Я. Данилевским, И. А. Ильиным, К. Н. Леонтьевым, Н. А. Бердяевым, Н. Е. Трубецким, другими русскими учеными, известными деятелями культуры.

Для русского народа характерно государственное сознание, верность своей земле, стремление к единению Руси. Величие русской цивилизации заключалось в том, что она никогда не полагалась на насилие (это, конечно, не означало полный отказ от его использования). Всем народам, входившим в Российское государство, давались права, равные с русским народом, и вместе с тем сохранялись их многие древние права. Русское государство не уничтожало правящие иерархии малых народов, а включало их в состав правящего класса. Более того, Русское государство освобождало представителей некоторых народов от обязанностей уплаты налогов и рекрутской повинности.

При этом русские люди, первопроходцы, в большинстве своем, с уважением относились к традициям, быту и культуре других этносов. Впоследствии огромное количество дворянских родов (а дворянство в течение долгого времени было сословием, определявшим лицо страны) имело нерусское происхождение. Но русский народ всегда являлся стержнем государства, потому что русские в системе страны оставались единственным евразийским народом. Евразийство русского народа заключается в том, что с самого начала своего существования он серьезно и глубоко контактировал как с европейскими, так и с азиатскими народами. По замечанию многих экспертов, лишь попав «в магнитное поле России», другие народы тоже приобретали евразийские черты.

Современные авторы, стараясь раскрыть процесс формирования русской цивилизации, резонно указывали на трудности ее развития в непростых природно-климатических условиях. Русскому крестьянину приходилось проявлять чудеса изобретательности, находчивости, стараясь получить необходимый урожай для своего пропитания, содержания домашнего скота, когда земледельческий цикл был весьма ограничен. Историк Милов Л. В. убедительно показал, что в этих условиях крестьянская община стала важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей. В свою очередь крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная территория Русского государства не способствовала увеличению плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками необходимость оттока населения на новые территории в поисках более пригодных для земледелия климатических и природных условий [4, с. 12, 534, 566].

Но даже в этих условиях крестьянская община сохранялась как важный институт совместного коллективного труда в развитии земледелия, обращения в сельскохозяйственный оборот, казалось, непригодных для этих целей угодий. Попытки самодержавия превратить общину в послушный орган так называемого «крестьянского самоуправления» в итоге привели к ее разрушению, хотя общинные традиции сохранялись еще долго и сохраняются по сей день.

Общинные традиции вырабатывали у каждого крестьянина трудолюбие, бережное отношение к земле и созданным благам. Отношение русского человека к труду вырабатывалось в упорной борьбе за освоение новых земель с бесконечным дремучим лесом, в противостоянии ордам многочисленных кочевников. Именно в этой борьбе за выживание складывался характер русского человека. Этот характер в устойчивой, традиционной семье культивировался созданием и поддержанием в сознании всех членов семьи образа идеального трудолюбивого предка, служившего примером ныне живущим членам семьи. Этот важнейший компонент русской цивилизации отметил известный ученый Платонов О. А.

При этом в сознании русского народа, прежде всего крестьян, жило обостренное чувство справедливости, причем не просто материального воздаяния, компенсации. Чувство высшей справедливости – жить по душе достойно, вознаграждать по совести. Сформировался народный идеал справедливости, который был в душе русского крестьянина своего рода компасом в море жизни. Вот почему проявления откровенной несправедливости, унижения, гнета рождали мощные народные протесты, о чем свидетельствуют крестьянские восстания В. Булавина, С. Разина. Е. Пугачева.

Однако вряд ли доказательным звучит тезис О. А. Платонова о том, что негативные тенденции, проявляющиеся в характере русского народа, связаны с «парадигмой чужебесия», которую автор связывает с воздействием западного мира, прежде всего католицизмом, протестантизмом и масонством [5, с. 57–59, 115]. Отрицательные черты, негативные тенденции могут дать знать о себе во многих цивилизациях, а от противоречивых явлений не может избавиться ни одно общество. Быть верным цивилизационным принципам – не означает идеализировать архаичные устои.

Преобладание духовного над материальным – одна из главных характеристик русской цивилизации. Об этом не раз писали русские философы конца XIX в. В русской цивилизации духовные ценности занимают более значимое место

по сравнению с западной, где преобладают материальные, потребительские интересы. Не алчные, эгоистические инстинкты, а сострадание, готовность помочь людям, попавшим в беду, поиск истины – эти качества присущи русскому народу.

Многие современные историки, философы, публицисты отмечают глубокую специфичность русского язычества, стройную систему воззрений о мире. Но если язычество было связано с поклонением людей Природе, то православное христианство обращалось к самому Человеку, страдания и поучения Христа были понятны простым людям. Поэтому принятие христианства в его православной сущности было назревшим, закономерным и прогрессивным явлением, оно отвечало духовным нуждам, нравственным чертам и устремлениям русского народа. Об этом пишет известный российский философ Троицкий Е. С. [6, с. 21].

Высокую нравственную роль православия оценил другой известный российский философ – А. С. Панарин. «Православие есть религия сострадательности к слабым – и как таковая она представляет собой восстание против духа новой сегрегации, нового расизма, неожиданно завладевшим «передовым человечеством», – писал философ [7, с. 486]. Это не означает консервацию патриархальных традиций. Позитивную перспективу имеет лишь всестороннее развитие русской цивилизации с должным, строго избирательным и достойным для национальной чести и государственных интересов использованием зарубежных передовых технологий, научно-технических достижений, эквивалентной торговли, о чем писал Е. С. Троицкий [8, с. 52]. Эту же мысль развил и А. С. Панарин: «Замечательный архаизм Православия является шансом человечества – одной из гарантий того, что творческий, цивилизованный постиндустриализм еще может быть спасен в наступающем глобальном мире» [9, с. 493].

Е. С. Троицкий один из первых в современной российской историософии возродил важную категорию русской цивилизации – соборность. Существуют разные определения этого всеобъемлющего понятия, но главное заключается в том, что понятие «соборность» прямо противоположно понятию индивидуализма. Соборность – это не только принцип организации православной деятельности. Это еще и принцип организации национальной, общественной, культурно-нравственной, экономической жизни, утверждение добра, справедливости, гражданского согласия, свободы, благосостояния этноса, его гармоничного взаимодействия с другими народами. Как считает автор, «соборность – это

деятельность сообща, интеграция ума и души, столь долгожданное слияние русского человека с природой». Соборность охватывает глобальный комплекс взаимосвязей и отношений. Без возрождения собороспособности, полагает автор, нельзя возродить ни русский, ни белорусский, ни украинский народы [10, с. 7, 104].

Некоторые ученые, публицисты, политики все чаще задумываются о перспективах дальнейшего развития русской цивилизации. По мнению известного экономиста Делягина М. Г., она сможет выполнить стоящую перед ней историческую задачу при условии своей идентичности. Оздоровление русской цивилизации, ее модернизация требуют воплощения в жизнь ряда ценностей и их синтеза, объединения в четко осознаваемую и ясно выражаемую идеологию. К числу этих ценностей М. Г. Делягин отнес: социальную справедливость; всеобщую ответственность как доминанту общественной жизни; честность; патриотизм; права личности, в той степени, в которой они не подрывают и не ущемляют общих прав; позитивно ориентированную терпимость, уважение различий ценностей и образа жизни представителей различных народов и культур; неутомимое и изобретательное использование этих различий для выработки и достижения общих целей.

Отмечая необходимость повышения патриотического сознания, М. Г. Делягин заметил, что российское общество отвечает на нарастающее национальное унижение ростом самосознания, пробуждением национальной гордости и укреплением внутренней солидарности. Это проявляется в уважении к своему прошлому, к своей истории, восстанавливающейся вопреки валу враждебной не только внешней, но и внутренней пропаганды, идущей со стороны части либерально настроенной интеллигенции [11, с. 49–50, 57]. В самом деле, возвращение Крыма, празднование 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, преодоление различных санкций со стороны Запада – все эти события вызвали мощные проявления патриотизма в России. Но главное заключается в том, что значительная часть российского общества начинает осознавать свою ответственность за судьбу великой страны.

К исследованию феномена «русская цивилизация» подключились белорусские ученые. Минский философ Криштапович Л. Е. указал на ряд ее характерных признаков, являющихся одновременно сущностными определениями национального самосознания белорусского народа. По мнению ученого, русская цивилизация есть многоаспектная этническая общность, в основе которой лежит национальное

ядро белорусов, великороссов и украинцев [12, с. 129].

Подобные идеи разделяет и гродненский исследователь Кирвель Ч. С. Ученый отмечает влияние природных факторов на процессы цивилизационного развития восточнославянских народов. Он указывает на свойства восточнославянских народов: негативное отношение к несправедливо полученному богатству и осуждение накопительства, приверженность к аскезе и этике самоограничения, коллективизм, соборность, служение Отечеству, приоритет общественных интересов над личными заботами, постоянное стремление к справедливости и духовности. Эти качества вырабатывались в суровых природно-климатических условиях существования и были жизненно необходимы этим народам [13, с. 47].

Продолжая раскрывать качества и традиции восточнославянских народов, другой ученый из г. Гродно Романов О. А. пришел к выводу о необходимости реабилитировать те культурные ценности и практики, которые были реализованы незападными культурами. Ученый считает необходимым организацию равноправного диалога принципов и идеалов разных культурных традиций, их продуктивный синтез. И в этом диалоге роль восточнославянской культуры может оказаться решающей. «Наши народы, издавна находясь на границе Запада и Востока, – подчеркивает О. А. Романов, – сформировали удивительную способность творчески синтезировать этнокультурный опыт, создавать жизнеспособные формы общественного бытия, избегая крайностей» [14, с. 296–297]. Именно восточнославянским народам, прежде всего русскому и белорусскому, предстоит сыграть роль посредников между различными цивилизационными типами, преодолевая односторонность этих типов, и тем самым проторить дорогу в посттехногенное (экологобезопасное) общество.

Заключение. Таким образом, подводя итоги рассмотрения главных тенденций, выявившихся во взглядах многих представителей постсоветской историософии, можно прийти к выводу, что социокультурный феномен – русская цивилизация как ядро восточнославянской цивилизации – представляет собой уникальную совокупность способов жизнедеятельности народов в экономике, политике и культуре. Русская цивилизация включает в себя следующие компоненты: созидание материальных и духовных благ на основе многоукладности экономики, трудолюбие, выработанное в непростых природных условиях,

стремление к социальной справедливости и свободе во властных решениях и распределении результатов труда, патриотизм как верность и готовность защищать свою Родину и ее интересы, преобладание духовно-нравственных начал над материальными и соборность, воплощающая единство свободы и ответственности. Указанные компоненты проявились на

всех этапах существования Русского государства, Российской империи, СССР. Русская цивилизация как ядро восточнославянской цивилизации, как социокультурный феномен может и должен стать основой для евразийской интеграции народов, а также для формирования будущей мировой цивилизации реального гуманизма.

Литература

1. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
2. Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. 655 с.
3. Васильев Л. С. Метаморфозы истории России. Том 1. От вынужденного отставания к самодержавию, дворянам и крепостным. М.: КДУ, 2017. 486 с.
4. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
5. Платонов О. А. Русская цивилизация. М.: Культурно-просветит. центр «Рада». 1992. 181 с.
6. Русская цивилизация и соборность: сб. ст. / рук. коллектива, сост. и авт. вступит. ст. Е. С. Троицкий. М.: АКИРН, 1994. 250 с.
7. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
8. Троицкий Е. С. Русский народ в поисках правды и организованности. М.: Ассоциация по изучению русской нации, 1996. 462 с.
9. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
10. Троицкий Е. С. Что такое русская соборность. М.: Ассоциация по изучению русской нации, 1993. 104 с.
11. Делягин М. Г. Созидание Российской цивилизации // Свободная мысль. 2006. № 2. С. 46–63.
12. Криштапович Л. Е. Беларусь как русская святыня. Минск: Ковчег, 2013. 136 с.
13. Кирвель Ч. С. Природные факторы социальной эволюции // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, педагогіка, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. 2005. № 2 (32). С. 46–71.
14. Романов О. А. Восточнославянская цивилизация в горизонте открытой истории. Гродно: ГрГУ, 2014. 334 с.

References

1. Payps R. *Rossia pri starom rezhime* [Russia under old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1993. 424 p.
2. Gaydar Ye. T. *Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii* [Russia in the world: feature articles of economical history]. Moscow, Delo Publ., 2005. 655 p.
3. Vasil'yev L. V. *Metamorfozy istorii Rossii. T. 1. Ot vynuzhdenogo otstavaniya k samoderzhaviyu, dvoryanam i krepostnym* [Russia metamorphosis. Vol. 1. From forced backlog to autocracy, nobles and serfs]. Moscow, KDU Publ., 2017. 486 p.
4. Milov L. V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 573 p.
5. Platonov O. A. *Russkaya tsivilizatsia* [Russian civilization]. Moscow, Kul'turno-prosvetitel'nyy tsentr "Rada" Publ., 1992. 181 p.
6. *Russkaya tsivilizatsiya i sobornost'* [Russian civilization and collegiality]. Moscow, AKIRN Publ., 1994. 250 p.
7. Panarin A. S. *Pravoslavnnaya tsivilizatsia v global'nom mire* [Orthodox civilization in the global world]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 496 p.
8. Troitskiy Ye. S. *Russkiy narod v poiskakh pravdy i organizovannosti* [Russian people in search of truth and organization]. Moscow, Assotsiatsiya po izucheniyu russkoy natsii Publ., 1996. 462 p.
9. Panarin A. S. *Pravoslavnnaya tsivilizatsia v global'nom mire* [Orthodox civilization in the global world]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 496 p.
10. Troitskiy Ye. S. *Chto takoye russkaya sobornost'* [What is the Russian collegiality]. Moscow, AKIRN Publ., 1993. 104 p.

11. Delyagin M. G. Creation of the Russian civilization // *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2006, no. 2, pp. 46–63 (In Russian).
12. Krishtapovich L. E. *Belarus kak russkaya svyatynya* [Belarus as a Russian shrine]. Minsk, Kovcheg Publ., 2013. 136 p.
13. Kirvel' Ch. S. Natural factors of social evolution. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta. Ser. 1, Gistoriya, filasofiya, palitalogiya, satsialgiya, pedagogika, psihalogiya, pravaznaustva, filalogiya* [Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1, History, Philosophy, Political Science, Sociology, Pedagogy, Psychology, Jurisprudence, Philology], 2005, no 2 (32), pp. 46–71 (In Russian).
14. Romanov O. A. *Vostochnoslavjanskaya tsivilizatsiya v gorizonte otkrytoy istorii* [The East Slavic civilization in the horizon of open history]. Grodno, GrGU Publ., 2014. 334 p.

Информация об авторе

Козляков Владимир Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Information about the author

Kazliakou Uladzimir Yegoravich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Поступила 31.03.2018

УДК. 2-1/-9(364.1);94(476)

К. В. Шолков (протоиерей Кирилл Шолков)
Московская духовная академия

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПОПЕЧЕНИЯ В БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В данной статье исследуется процесс зарождения и дальнейшего развития традиций попечения Белорусской православной церкви с X по XX в. Дается периодизация данного явления с определением основополагающих принципов каждого из них. Указывается на то, что в начальной стадии своего развития попечительство выступало в форме так называемого «нищелюбия», однако с закатом эпохи раннефеодальных княжеств и возникновением централизованного государства, в котором господствующей религией становится католицизм, попечительская деятельность православной церкви на территории ВКЛ, а затем и Речи Посполитой постепенно сосредотачивается в руках православных братств. После присоединения белорусских земель к Российской империи в попечительской деятельности Православной церкви происходят существенные изменения. В особенности это становится заметно после 60-х гг. XIX в. с принятием законодательства о церковных братствах и церковно-приходских попечительствах, допускавшего и регламентировавшего церковную благотворительность в Российской империи, что привело к значительной активизации церковно-попечительской деятельности на территории Беларуси. По размаху церковной попечительской деятельности белорусские земли находились на одном из первых мест в Российской империи.

Ключевые слова: попечение, Православная церковь, православные братства, приходская благотворительность, Беларусь.

K. V. Sholkov (Archpriest Kirill Sholkov)
Moscow Theological Academy

HISTORICAL TRADITIONS OF CARE IN THE BELARUSIAN ORTHODOX CHURCH

The process of origin and further development of the traditions of the care of the Belarusian Orthodox Church from the Xth to the XX centuries is being investigated in this article. Periodization of this phenomenon is given with the definition of the fundamental principles of each of them. It is pointed out that in the initial stage of its development, the guardianship acted in the form of so-called “poverty”, but with the decline of the era of early feudal principalities and the emergence of a centralized state where Catholicism, the patronage of the Orthodox Church in the territory of the GDL, and then of the Polish-Lithuanian Commonwealth gradually concentrates in the hands of Orthodox brotherhoods. After the accession of the Belarusian lands to the Russian Empire, significant changes are taking place in the guardianship of the Orthodox Church. In particular, it becomes noticeable after the 60s of the XIX century. after the adoption of legislation on church brotherhoods and parochial guardianship, allowing and regulating church charity in the Russian Empire, which leads to a significant activation of church-guardianship activities in Belarus. On the scale of church guardianship, the Belarusian lands were at one of the first places in the Russian Empire.

Key words: custody, Orthodox Church, Orthodox brotherhoods, parochial charity, Belarus.

Введение. История православного попечительства в Беларуси имеет многовековую традицию. При рассмотрении данного явления можно выделить пять основных этапов, которые характеризуются собственным содержанием понятия попечительской деятельности.

Первый (X–XIII вв., древнерусский) – для этого этапа характерно восприятие попечительства через понятие «княжеского нищелюбия», роль церкви тогда сводилась в основном к побуждению власть имущих к благотворительной деятельности, на нее же (церковь) возлагались распорядительные функции.

Второй (XIII–XVIII вв.) – связан с периодом феодальной раздробленности и вхождением

белорусских земель сначала в Великое княжество Литовское, а затем в Речь Посполитую, он характеризуется усиливающимся давлением на православие со стороны католичества и необходимостью ведения борьбы за отстаивание своей религиозной идентичности.

Третий, после включения белорусских земель в состав Российской империи, – связан с ликвидацией унии и расцветом благотворительности и попечительства во второй половине XIX – начале XX в.

Остановимся более подробно на каждом из них.

Основная часть. С распространением на территории Беларуси христианства в конце X – начале XI в. в общественное сознание начинает

настойчиво внедряется мысль о необходимости братской любви к ближнему, помощи обездоленным и нуждающимся. Эти идеи находят свое отражение в творчестве первых белорусских святых, таких как Евфросиния Полоцкая и Кирилл Туровский.

Как свидетельствует житие Евфросинии Полоцкой: «Была она помощницей обиженным, скорбящим – утешением, нагим – одеянием, больным – посещением, и, просто сказать, для всех была всем» [1, с. 179].

Фактически она являлась первой белорусской меценаткой. На ее средства и по ее заказу в 50-х гг. XII в. была построена церковь Святого Спаса – вершина полоцкой архитектурной школы. Благотворное влияние подвижница оказала на преодоление вражды между Полоцким и Киевским княжествами. Преподобная Евфросиния основала женский и мужской монастыри, которые стали центрами благотворительности в Полоцке.

Особое место в развитии идей христианского милосердия, благотворительности и попечительства занимает творчество Кирилла Туровского. Среди значительного литературного наследия святителя выделяется притча «О человеческой душе», в которой по аналогии с мировым деревом жизни дается классификация христианских добродетелей «Что такое древо жизни? Смирениюмудрие, начало которому покаяние. “Признаюсь же, – сказал, – в беззаконье моем, и ты простил мне нечестье сердца моего”. Ствол того корня – благоверие. “Вера же твоя, – сказал, – спасет тебя”, все же верующему дается. От того ствола много различных ветвей, много ведь, сказано, видов покаяния: слезы, пост, чистая молитва, милостыни, смирение, воздыхание и прочее. Тех ветвей добродетели плод: любви, послушанье, покорение, нищелюбие – суть путь спасения» [2, с. 301].

Таким образом, попечительство выступает тут в форме «милостыни» и «нищелюбия» и является необходимым атрибутом спасения. Как справедливо заметил выдающийся российский историк Ключевский В. О. для человека древнерусской эпохи традиция милосердия, во внешнем своем проявлении направлялась преимущественно в одну только сторону: «человеколюбие на деле значило нищелюбие» [3, с. 3]. Это суждение дополняет исследователь проблемы Фирсов М. В., который отмечает, что К. Туровский таким образом раскрывает этический и онтологический смысл милосердия, а также «его социальную направленность, когда милосердие выступает необходимым атрибутом власти, принципом жизнедеятельности...» [4, с. 42].

В этой же традиции действовал святитель Симеон – седьмой в сонме епископов Полоцких,

и впоследствии первый епископ Тверской. По свидетельствам летописей, был он «учительный и хорошо знакомый с книгами; не боялся неприятностей и бед, вступал в спор с князем и вельможами, а нищим и сиротам благотворил» [5, с. 200]. Особо известно его дошедшее до наших дней наставление князю Константину, в котором он развивает сложившиеся в прошлые века идеи «княжеского нищелюбия» и усиливает их мыслью об ответственности князя за деятельность его подчиненных [6, с. 182]. Более полную версию данного наставления приводит в своей знаменитой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзин, в которой дошедший до нас текст дополнен, в частности, такими словами: «Но глаголю вам, Царем и Князем и Наместником: утешайте скорбящих, избавляйте многих от рук сильных» [7, с. 78]. Таким образом, на князя возлагается не только ответственность за помощь нуждающимся, но и содержится прямой призыв стать защитником обиженных и слабых.

Огромный вклад в дело развития церковного попечительства внесли епископы Полоцкие Мина, Дионисий, епископ Туровский Лаврентий, Елисей Лавришевский и многие другие. Однако с наступлением периода феодальной раздробленности перед церковью встают новые вызовы в деле развития попечительства, преодоление которых и составит содержание второго этапа.

Характеризуя период развития попечительской деятельности в Беларуси с XIII–XVIII вв., следует отметить, что содержательно он не однороден, так на протяжении XIII–XIV вв. ситуация значительно сходна с предыдущей эпохой, с той только разницей, что благотворительная деятельность постепенно переходит из рук князей в руки церкви. Несмотря на то, что верховная власть сосредоточилась в руках литовских князей-язычников, тем не менее, данное время характеризуется известной долей веротерпимости. Положение начинает меняться после заключения в 1385 г. Кревской унии, по которой Великий князь Ягайло обязался принять католичество, распространить его среди языческой части своих поданных и фактически превратить в государственную религию. Постепенно православное население начинает испытывать все возрастающее давление, которое усиливается после Люблинской унии 1569 г. и, особенно, после Брестской религиозной унии 1596 г. Эти процессы, на фоне ослабевающей роли православного духовенства, вызвали в жизни такой феномен, как православные братства. Как пишет известный исследователь истории православных братств Дорофеев А. Ф.: «Из различных форм православных братств наиболее

развиты и знамениты братства, которые существовали в славяно-литовских землях Речи Посполитой в XVI–XVII вв. Они имели ярко выраженные задачи охранения православия и являются типичным примером религиозно-оборонительных братств» [8, с. 100]. Однако братства, помимо защиты православия, ставили перед собой и благотворительные цели. Одной из важнейших задач братств было устройство «шпиталей», одновременно являющегося больницей, приютом и богадельней. Братские «шпитали» преимущественно для самих братчиков и членов их семей, являясь своеобразной формой социального страхования, одновременно с этим служили приютом для больных, сирот и вообще всех нуждающихся. В крупных объединениях такой «шпиталь» состоял, как правило, из 3 отделений: гостиницы, отделения для нищих, калек и сирот и дома для престарелых. Функции дома для престарелых выполняли также братские монастыри. Формы проявления благотворительности включали в себя пожизненное проживание в монастыре (богадельне), освобождение от уплаты за обучение ребенка в школе и т. д.

По замечанию Н. Н. Красовской: «XVI – конец XVIII в. в Беларуси можно назвать периодом “шпитального призрения”, когда монахи переписывали и распространяли медицинские книги, аптеки и лазареты были при многих церквях и монастырях. Наряду с престарелыми, вдовами и сиротами в шпиталих призревались слабоумные, калеки и прочие категории инвалидов» [9, с. 58]. О распространенности данного явления свидетельствует, например, то, что в Могилеве, по подсчетам Ф. Журдо, в середине XVIII в. было 13 «шпиталей», или по одному на каждую тысячу городских жителей [10, с. 109]. Это подтверждает и историк белорусской медицины Грицкевич В. П.: «В изученных нами источниках XVI–XVIII вв. упоминается более 350 шпиталей на территории Белоруссии. Скажем прямо, цифра немалая. Нашлись эти учреждения в самых различных уголках нашего края. В Бресте, Витебске, Гродно, Минске, Новогрудке, Пинске, Слуцке, Шклове их насчитывалось одновременно от трех до восьми в каждом городе» [11, с. 58]. Естественно, не все они были православными, но, судя по косвенным данным, их доля в Восточной и Центральной Беларуси была весьма высока. Однако с общим упадком православия в Речи Посполитой (к 1-му разделу Речи Посполитой (1772) на всей ее территории уцелело 40 православных монастырей и около 200 православных приходов, из них 130 – в Беларуси) заметно ослабевает и попечительская деятельность, которая переходит от монастырей и братств к приходам.

Положение постепенно начинает меняться после присоединения белорусских земель к Российской империи, что совпадает с третьим этапом в развитии православного попечительства в Беларуси.

Однако значительное время положение в деле попечительства оставалось без изменений и к середине XIX в. традиции церковной благотворительности прервались в связи с упадком социальной активности приходов, лишенных прав юридического лица. Вся благотворительная деятельность, которая существовала до 1861 г., была рассчитана на относительно небольшое число нуждающихся. Общее количество государственных, общественных и частных учреждений территории пяти белорусских губерний составляло 21 общество и 58 заведений, большинство из которых (около 60%) находилось под кураторством Министерства внутренних дел и Ведомства православного исповедания (27%). Незначительной частью ведали Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество и Министерство юстиции [12, с. 270].

Положение начинает заметно меняться в 60-х гг. XIX в., в связи с проведением ряда государственных реформ. В 1864 г. Александром II было принято законодательство о церковных братствах и церковно-приходских попечительствах, допускавшее и регламентировавшее церковную благотворительность. В соответствии с Положением о церковно-приходских попечительствах от 2 августа 1864 г. перед ними ставились следующие задачи: 1) забота о хозяйственных делах церкви; 2) устройство первоначального обучения детей; 3) благотворительные действия в пределах прихода [13, с. 115].

Православная церковь в Беларуси живо откликнулась на призыв правительства о создании церковно-приходских попечительств и уже к началу XX в. вышла на первое место в Российской империи по их количеству, о чем можно судить по нижеприведенным данным: если в среднем по Российской империи к 1902 г. количество церковно-приходских попечительств составляло примерно 50% от количества церквей, то в Беларуси – свыше 92% [14, с. 109].

С середины 60-х гг. XIX в. активизировали свою благотворительную деятельность и православные братства. Они выдавали бедным деньги, одежду, оказывали необходимую медицинскую помощь. Начиная с 80-х гг. активизировалась деятельность Православной церкви по открытию богаделен.

В 1897 г. в Минске было открыто Отделение попечительства о слепых. Оно занималось профессиональным обучением взрослых для дальнейшего трудоустройства, развитием

специализированных медицинских учреждений, оказанием денежной помощи слепым и их семьям. В структуру Попечительства входили также училища и заведения для обучения слепых детей из бедных семей, в которых они могли получить не только бесплатное образование, но и «призрение». В 1898 г. было открыто Попечительство для глухонемых. Главной задачей его являлось учреждение мастерских для глухонемых, домов трудолюбия, дешевых квартир, также создание богаделен для престарелых и калек, открытие школ и приютов для детей с физическими недостатками [12, с. 273].

Для приходской благотворительности на рубеже веков были характерны следующие основные формы: материальная помощь; медицинская помощь; просветительская деятельность. Распространенными формами социальной помощи стали выдача нуждающимся единовременных денежных пособий по случаю смерти близких, пожара, безработицы и т. п. Медицинская помощь осуществлялась через аптеки попечительств, из которых лекарства для бедных выдавались бесплатно или по низкой цене, иногда оплачивалась помощь врача [15, с. 384].

К 1899 г. в Беларуси действовало 105 благотворительных учреждений, принадлежащих ведомству православного исповедания. В большинстве своем они содержались на средства церковно-приходских попечительств. Духовное ведомство, а вместе с ним и церковно-приходские попечительства занимались «призрением» престарелых и инвалидов. К 1902 г. количество богаделен при православных церквях в Беларуси достигло 88, что составило 30,9% от всех

благотворительных заведений данного типа [15, с. 387].

Однако на практике все обстояло не совсем благополучно. Так, в статье «О деятельности церковно-приходских попечительств», в которой дается широкий анализ приходской и братской попечительской деятельности в Беларуси в конце XIX в., автор, скрытый за криптонимом Священник Н. О-ий, сообщает: «В нашей Минской епархии почти повсеместно по приходам имеются церковные попечительства, но у них, за редкими исключениями, вовсе нет денежных и материальных средств и для этого нет сбора пожертвований. Попечительство же без своих денежных и материальных средств не оправдывает своего прямого назначения, как учреждения благотворительного» [16, с. 101].

Но, несмотря на определенные трудности, попечительская деятельность православной церкви на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. становится заметным явлением в общественной жизни и занимает одно из ведущих мест в практике государственной-общественной помощи нуждающимся. Однако дальнейшее поступательное развитие данной деятельности было прервано трагическими событиями Первой мировой войны и революциями 1917 г.

Выводы. Таким образом, анализ исторических традиций и современных форм попечительской деятельности Православной церкви показывает, что в Республике Беларусь существует та духовная и нравственная основа, в русле которой необходимо возрождать и оптимизировать диаконическую и попечительскую деятельность людей.

Литература

1. Повесть жития и преставления святой и блаженной и преподобной Евфросинии. СПб., 1862. 221 с.
2. Туровский Кирилл. Притча о человеческой душе // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М.: Худож. лит., 1980. 704 с.
3. Ключевский В. О. Речь, прочитанная в пользу пострадавших от неурожая в Поволжье // Богословский Вестник. 1892. № 1. С. 3.
4. Фирсов М. В. История социальной работы в России. М.: Гуманитар. издат. центр «ВЛАДОС», 1999. 256 с.
5. Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству четьих-миней архиепископа Филарета Черниговского: в 2 кн. Июль – декабрь. М.: Сибирская Благовонница, 2011. 829 с.
6. Наставление Тверского епископа Семена // Изборник. Повести Древней Руси. М.: Худож. лит., 1986. 447 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. Т. IV. 496 с.
8. Дорофеев Ф. А. Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 251 с.
9. Красовская Н. Н. Возникновение социальной работы и специфика ее ранних форм и методов // Философия и социальные науки. 2014. № 4. С. 56–61.
10. Журдо Ф. История Могилевского Божоявленского братства. Могилев на Днепре: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1890. 112 с.
11. Грицкевич В. П. С факелом Гиппократ: Из истории белорусской медицины. Минск: Наука и техника, 1987. 271 с.

12. Кныш О. В. Развитие благотворительности на территории Беларуси в 60–90-е гг. XIX в. // *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Мінск: БДУ, 2009. Вып. 4. С. 269–276.*
13. Свод законов Российской империи. В 5 кн. Кн. 3. Т. 1. СПб., 1912. 404 с.
14. Максимов Е. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. 139 с.
15. Григорьев А. Д. Истории социальной работы. В 2 ч. Ч. 1 (до начала XX в.). Минск: ТетраСистемс, 2006. 464 с.
16. О деятельности церковно-приходских попечительств // *Минские епарх. ведомости. 1900. Ч. неофиц. № 6. С. 99–102.*

References

1. *Povest' zhitiya i prestavleniya svyatoy i blazhennoy i prepodobnoy Evfrosinii* [The tale of the life and revelation of the holy and blessed and reverend Euphrosyne]. St. Petersburg, 1862. 221 p.
2. *Turovskiy Kirill. Pamyatniki literatury Drevney Rusi: XII vek* [Monuments of the literature of Ancient Russia: XII century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980. 704 p.
3. Klyuchevskiy V. O. Speech read in favor of victims of a crop failure in the Volga region. *Bogoslovskiy Vestnik* [Theological Newsletter], 1892, no 1, p. 3 (In Russian).
4. Firsov M. V. *Istoriya sotsialnoy raboty v Rossii* [The history of social work in Russia]. Moscow, Gumanitarnyy izdatel'skiy tsentr "VLADOS" Publ., 1999. 256 p.
5. *Izbrannyye zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu chet'ikh-miney arkhiepiskopa Filareta Chernigovskogo. V 2 kn. Iyul' – dekabr'* [Selected lives of the saints in Russian, outlined by the leadership of the archbishop Philip of Chernigov. In 2 books. July – December]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2011. 829 p.
6. *Izbornik. Povesti Drevney Rusi* [The voter. Tales of Ancient Russia]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 447 p.
7. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 12 t.* [The history of the Russian state. In 12 vol.]. St. Petersburg, Tip. N. Grecha Publ., 1819, vol. IV, 496 p.
8. Dorofeev F. A. *Pravoslavnyye bratstva: genesis, evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye* [Orthodox brotherhoods: genesis, evolution, modern state]. Nizhniy Novgorod, Izdatel'svo NNGU Publ., 2006. 251 p.
9. Krasovskaya N. N. The emergence of social work and the specificity of its early forms and methods. *Filosofiya i sotsialnyye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2014, no. 4, pp. 56–61 (In Russian).
10. Zhurdo F. *Istoriya Mogilevskogo Bogoyavlenskogo bratstva* [The history of the Mogilev Epiphany Brotherhood]. Mogilev on Dnepr, Skoropechatnya i litografiya S. Fridlanda Publ., 1890. 112 p.
11. Gritskevich V. P. *S fakelom Gippokrata: Iz istorii beloruskoy meditsiny* [With the torch of Hippocrates: From the history of Belarusian medicine]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 271 p.
12. Knysh O. V. Development of charity in the territory of Belarus in the 60–90s. XIX century. *Pratsy gistarychnaga fakulteta BDU* [Work of historical faculty of BSU], 2009, issue 4, pp. 269–276 (In Russian).
13. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. V 5 kn. Kn. 3. T. 1* [Code of Laws of the Russian Empire. In 5 books. Book 3]. St. Petersburg, 1912, vol. 1. 404 p.
14. Maksimov Ye. *Osobyie blagotvoritelnyye vedomstva i uchrezhdeniya* [Special Charities and Institutions]. St. Petersburg, 1903. 139 p.
15. Grigor'yev A. D. *Istorii sotsial'noy raboty. V 2 ch. Ch. 1 (do nachala XX v.)* [Stories of social work. In 2 parts. Part 1 (before the beginning of the twentieth century)]. Minsk, TetraSistems Publ., 2006. 464 p.
16. On the activities of church and parish guardianship. *Minskiye eparkh. vedomosti* [Minsk diocesan lists. Jnoofficial part], 1900, no. 6, pp. 99–102 (In Russian).

Информация об авторе

Шолков Кирилл Владимирович (протоиерей Кирилл Шолков) – аспирант Московской духовной академии, председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению БПЦ, настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Всецарица» г. Минска (220089, г. Минск, ул. Грушевская, 50, Республика Беларусь). E-mail: ksholkov@yandex.ru

Information about the author

Sholkov Kirill Vladimirovich (Archpriest Kirill Sholkov) – PhD student, Moscow Theological Academy, chairman of the Synodal Department for Church Charity and Social Service of the BOC, rector of the church in honor of the icon of the Mother of God «Vsetsaritsa», Minsk (50, Grushevskaya str., Minsk, 220089, Republic of Belarus). E-mail: ksholkov@yandex.ru

Поступила 10.03.2018

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**САЦЫЯЛЬНА-ПРАВОВЫ СТАТУС НОСЬБІТАЎ ДВАРАНСКІХ
ТЫТУЛАЎ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У КАНЦЫ XVIII – СЯРЭДЗІНЕ XIX СТ.**

Дваранскія тытулы ў эпоху феадалізму былі важнай сацыяльнай прыкметай, якая вылучала іх з агульнай масы феадалаў. У эпоху панавання еўрапейскіх імперый тытулы працягвалі выконваць важную ролю ў стратыфікаваным грамадстве XVIII–XIX стст. Насельніцтва тэрыторый Рэчы Паспалітай, апынуўшыся пад суверэннітэтам Аўстрыі, Прусіі і Расіі, па-рознаму інтэгралася ў новую сацыяльную структуру. Тытулы па-ранейшаму працягвалі выконваць для дваран надзвычайную ролю ў іх адносінах з дзяржаўнай адміністрацыяй, у тым ліку пры прававым замацаванні сацыяльных, эканамічных і палітычных правоў. У гэтым кантэксце ў артыкуле аналізуецца асаблівасці выкарыстання дваранскіх тытулаў, атрыманых у Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: тытул, дваранства, сацыяльны статус, князь, граф, барон.

A. A. Damarad

Belarusian State Technological University

**NOBLE TITLES CARRIERS OF THE RECH POSPOLITAYA SOCIAL
AND LEGAL STATUS IN THE LATE XVIII – MIDDLE OF XIX CENTURY**

Titles of nobility in the feudal era was an important social feature that distinguishes them from the total mass of the feudal lords. In the era of the rule of European empires titles continued to play an important role in a stratified society XVIII–XIX centuries. The population of the territories of the Rech Pospolitaya, being under the sovereignty of Austria, Prussia and Russia differently integrated into the new social structure. Titles still continued to perform for nobles extremely important role in their relations with the public administration, including the legal consolidation of social, economic and political rights. In this context, the article analyzes the characteristics of the use of titles of nobility, obtained in the Rech Pospolitaya.

Key words: title of nobility, social status, Prince, Count, Baron.

Уводзіны. Падзелы Рэчы Паспалітай і далучэнне беларускіх зямель да Расійскай імперыі, Аўстрыі і Прусіі стварылі праблему сацыяльнай адаптацыі насельніцтва да новых умоў жыцця. Закранула гэтая праблема і вышэйшае саслоўе. Зразумела, што тытулаванія роды і асобы былой Рэчы Паспалітай не жадалі губляць свае прывілеі і нават шукалі магчымасці да іх пашырэння.

Усяго ў Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай і Смаленскай губернях налічвалася 65 тытулаваных шляхецкіх родаў. У параўнанні з агульнай колькасцю шляхты на адзначаных тэрыторыях – 6845 родаў – гэта толькі 0,95%. Падобныя лічбы атрымліваюцца таксама і па асобных губернях. У прыватнасці, у Магілёўскай губерні тытул баронаў насілі два роды (Брэмзены, фон Нолькены), графаў – чатыры (Грабоўскія, Талстыя, Сумарокавы, Цукатто), князёў – восем (Крапоткіны, Дандуковы-Корсакавы, 2 галіны Любамірскіх, Мяшчэрскія, Абаленскія, Паскевічы-Эрыванскія, Друцкія-Сакалінскія) [1, с. 13]. Іх колькасць складала каля 1% ад агульнай колькасці шляхецкіх родаў (1371). Аднак матэрыяльныя рэсурсы, якімі валодалі тытулаванія фаміліі, як

правіла, не ішлі ў ніякае параўнанне з магчымасцямі звычайных дваран. Для апошніх гэта былі сапраўдныя сацыяльна-саслоўныя лідары.

Асноўная частка. Паходжанне тытулаў шляхты беларускіх зямель патрабуе асобнага разгляду. Найперш, сярод шляхты беларускіх зямель, як у цэлым у Рэчы Паспалітай, здаўна адбывалася паступовая дэвальвацыя княжацкага тытула. Замест яго асаблівую значнасць набывае абазначэнне «пан» (магнат). Патлумачыць гэта можна тым, што, акрамя заможнасці, паны-магнаты займалі пасады, якія разглядаліся шляхтай як вышэйшыя за тытулы (асабліва калі апошнія не заўсёды сумленна атрымліваліся недзе за мяжой) [2, с. 134].

У беларускіх землях урэшце рэшт замацаваліся толькі тры дваранскія тытулы: князь, граф, барон. З пачатку існавання Вялікага княства Літоўскага адзіным тытулам быў тытул князя. На гэты конт Ф. Булгарын пісаў: «Толькі адны князья Рюрикава и Гедемінова рода сохранили княжеское звание, и таких родов было весьма немного» [3, с. 165]. Але А. П. Грыцкевічам спецыяльна была звернута ўвага на тое, што ў лацінскім тэксце знакамітага Гарадзельскага прывілея 1413 г. у дачыненні да Вялікага

Княства Літоўскага згадваюцца *barones* – бароны – у якасці раўназначнага беларускаму «паны», што значыць «старэйшыя» – знатныя – баяры. Гэта былі нашчадкі літоўскіх і заходне-рускіх «старэйшых» баяр, якія атрымалі буйныя зямельныя ўладанні ад самога вялікага князя [4, с. 65–67]. Як і прыбалтыйскія бароны-«фрайгеры» (ад ням. *Freiherg* – даслоўна – «свабодны спадар») у Лівонскім ордэне, іх суседзі і калегі ў Вялікім Княстве Літоўскім гэтак жа валодалі сваімі маёнткамі «с полным правом и панством». Практычная тоеснасць беларуска-літоўскіх паноў і нямецкіх фрайгераў увасаблялася ў выкарыстанні ў дачыненні як для тых, так і другіх аднолькавага лацінамоўнага тытула «*barones*». Але, у адрозненне ад Прыбалтыкі, у Беларусі ён не замацаваўся.

Тытул князёў насілі нашчадкі Рурыкавічаў князі Чацвярцінскія і Масальскія, нашчадкі Гедымінавічаў князі Сангушкі і Чартарыйскія, а таксама некаторыя іншыя роды, напрыклад, Глінскія [5, с. 5]. На працягу XV ст. – 1795 г. толькі тры разы княжацкі тытул надаваўся Соймам: у 1764 г. – Панятоўскім, у 1768 г. – Сапегам і ў 1773 г. – Панінскім. Атрыманне іншымі шляхецкімі сем’ямі гэтага тытула было звязана, перш за ўсё, з наданнем яго імператарам Свяшчэннай Рымскай імперыі. Такім шляхам тытул князя атрымалі Радзівілы (1547 г.), Асалінскія (1634 г.), Любамірскія (1647 г.), Сапегі (1700 г.), Ябланоўскія (1743 г.) і Сулкоўскія (1752 г.). Астатнія наданні княжацкай годнасці, асабліва пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, праводзіліся і іншымі замежнымі манархамі, напрыклад імператарам Напалеонам I.

Тытулы графаў і баронаў таксама атрымліваліся, у асноўным, за мяжой. У Рэчы Паспалітай толькі сем шляхецкіх родаў былі надзелены тытулам графаў або баронаў раней як у 1772 г. [2, с. 14]. З другога боку, Ф. Булгарын упэўнены, што графскага тытула ў Рэчы Паспалітай ніколі не існавала [3, с. 165]. Адзіным прыкладам узвядзення беларускага паходжанні магнацкага роду ў графскую годнасць з’яўляецца наданне тытула ў 1568 г. Жыгімонтам II Аўгустам роду Хадкевічаў, праўда, ужо пасля атрымання імі гэтага тытула ад імператара Фердынанда ў 1555 г. Увогуле, ва ўсёй Рэчы Паспалітай адрозны ад адзначаных тытул меў толькі адзін шляхецкі дом – маркграфамі Свяшчэннай Рымскай імперыі былі Мышкоўскія. З пачаткам падзелаў Рэчы Паспалітай новыя ўлады імкнуліся прыцягнуць на свой бок як мага больш уплывовых родаў таксама і пацверджаннем іх тытулаў. У Аўстрыйскай імперыі дваранства ўвогуле дзялілася на тытулаванае і звычайнае рыцарства (*die Ritterschaft*). Далучыцца да першай групы ўладаль-

нікам тытулаў з былой Рэчы Паспалітай было прасцей, чым яе шараговым шляхціцам трапіць у тое аўстрыйскае «рыцарства». Напрыклад, у 1782 г. аўстрыйскія ўлады вырашылі, што асобы, якія імкнуліся легалізаваць сваё шляхецтва, абавязкова павінны былі, акрамя дакументальных доказаў высакароднага паходжання, прадаставіць таксама яшчэ каляровую выяву герба і ягонае блазаніраванне (геральдычнае апісанне). У сваю чаргу ў Прусіі працэс праверкі тытулаў і шляхецкіх правоў пачаўся з 1777 г. Патрабаванні па пацверджанні тытулаў тут былі практычна аднолькавымі з аўстрыйскімі, але ў Прусіі дадаткова неабходна было валодаць маёнткам.

Неабходна адзначыць, што дастаткова вялікая колькасць суіскальнікаў прызнання тытула спачатку пацвярджала яго менавіта па-за межамі Расіі. Вядомыя роды князёў Друцкіх-Любецкіх і князёў Палінскіх пацвердзілі свае тытулы ў 1798 г. у Аўстрыйскай імперыі і ў 1818 г. у Каралеўстве Прускім адпаведна [6, с. 2–3]. Пазней яны пацвердзілі свае тытулы і ў Расійскай імперыі. Ужо ў 1809 г. Мінскі дваранскі дэпутацкі сход прыняў рэзалюцыю, паводле якой усе прадстаўнікі роду Друцкіх-Любецкіх прызнаны ў дваранскім і княжацкім статусе. Праўда, канчатковае прызнанне гэтага княжацкага тытула адбылося пасля загаду імператара Мікалая I толькі ў 1830 г. [7, л. 202].

Адам Казімір Чартарыйскі насіў тытул князя Свяшчэннай Рымскай імперыі, атрыманы ім ад імператара Іосіфа II у 1786 г. для сябе і нашчадкаў. Для старэйшага ў родзе дадаткова прадугледжвалася годнасць герцага каралеўства Галіцыі і Ладамерыі. Аднак, калі пасля трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай большасць маёнткаў А. К. Чартарыйскага апынуліся ў Аўстрыйскай імперыі, ён прысягнуў менавіта дзяржаве Габсбургаў, а не Раманавых [8, с. 35]. Іншыя прадстаўнікі роду Чартарыйскіх, браты Адам Ежы і Канстанцін Адам, вымушаны былі паехаць у 1795 г. у Пецярбург, каб захаваць уладанні, што належалі ім у Расійскай імперыі. Там яны дзякуючы сваёй адукацыі сталі ад’ютантамі вялікіх князёў Аляксандра і Канстанціна адпаведна. Канстанцін Адам, тым не менш, з часу аўстра-французскай вайны 1809 г. змагаўся на баку Напалеона як генерал герцагства Варшаўскага. Падчас вайны 1812 г. ён таксама быў у напалеонаўскай войску і нават вызначыўся ў Смаленскай бітве [5, с. 67].

Як і ў Прусіі, аўстрыйскія ўлады падпарадкавалі на захопленых землях царкву дзяржаве. Імператрыца Марыя-Тэрэзія, каб прыцягнуць на свой бок шляхту «каралеўства Галіцыі і Ладамерыі» (г. зн. Галіцыі і заходняй Валыні), практычна ўсім родам, сярод продкаў якіх былі

«старасты», надавала графскі тытул. Тым самым быў створаны вялікі па колькасці пласт «аўстра-польскіх графаў», як іх назвалі ў гістарыяграфіі XIX ст. Справа ў тым, што нямецкае слова «Graf» было эквівалентным польскаму «starosta» і азначала пасаду «ўрадніка» – кіраўніка пэўнай вобласці ў складзе Рэчы Паспалітай. Земля, якімі валодаў ураднік (намеснік манарха), надавалася назва «hrabstwa». Падкрэслім: гэта быў не тытул, як у той жа Аўстрыі, а толькі пасада па прадстаўніцтве юрысдыкцыі манарха князя. Аднак пасля падзеяў Рэчы Паспалітай, аўстрыйскія ўлады, ліквідаваўшы юрысдыкцыю «стараст», пакінулі за гэтымі асобамі графскі тытул як абазначэнне годнасці шляхецкага дому. Частка гэтакіх графаў на працягу XIX ст. пацвердзіла свае тытулы і ў Расійскай імперыі. Сярод такіх неабходна згадаць Александровічаў, якія атрымалі графскі тытул ад імператара Франца II у 1800 г. У Каралеўстве Польскім тытул быў прызнаны ў 1819 і 1838 гг., а ў Расійскай імперыі – у 1847 г. Акрамя таго, хадайнічаць аб графскім тытуле маглі былыя ваяводы і кашталаны, а аб баронскім – павятовыя чыноўнікі. Княжацкі ж тытул быў пацверджаны ўсім і яго носьбітамі без выключэння. Тытулавая шляхта, а таксама вышэйшае духавенства склалі саслоўе магнатаў. Шляхта, якая не мела тытулаў, ператварылася ў рыцарскі стан. Уся яна вызвалася ад ваеннай службы і захавала асобныя суды па цывільных і крымінальных справах. Да 1811 г. уладальнікі старастваў захоўвалі іх у сваёй маёмасці за спецыяльны падатак – дымідню, – які складаў палову прыбытку.

Аўстрыйскія ўлады захавалі бачнасць саслоўнага прадстаўніцтва для шляхты. Марыя-Тэрэзія абвясціла аб стварэнні ў 1775 г. для каралеўства Галіцыі і Ладамерыі пастулатнага сойма. У яго склад уваходзілі асабіста ўсе магнаты і тыя прадстаўнікі рыцарскага стану, якія плацілі не менш за 300 злотых падаткаў у год, а таксама два дэпутаты ад горада Львова. Гэты сойм павінен быў збірацца штогадова. Пад юрысдыкцыю сходу падпадала толькі вырашэнне шляхоў рэалізацыі імператарскіх законаў. Права заканадаўчай ініцыятывы пастулатны сойм не меў, за выключэннем магчымасці «пакорных прадстаўленняў» – г. зн. просьбаў да манарха. Аднак на практыцы землі былой Рэчы Паспалітай, далучаныя да Аўстрыйскай імперыі, жылі без саслоўнага прадстаўніцтва і кіраваліся выключна бюракратыяй. Прычым аўстрыйскі ўрад пайшоў па прускім шляху германізацыі краю, назначаючы суды нямецкіх чыноўнікаў і заахвочваючы да перасялення нямецкіх пратэстантаў. Талерантны патэнт 1781 г. якраз быў накіраваны на

рэалізацыю гэтых памкненняў. Каланістам раздаваліся былыя дзяржаўныя і езуіцкія маёнткі, на некалькі год яны вызваліліся ад падаткаў і ваеннага абавязку.

Прускія ўлады з 1796 г. усклалі на землеўласнікаў адказнасць за дзеянні сваіх прыгонных, а таксама абавязалі першых да 1 снежня 1796 г. вярнуцца ў свае маёнткі з-за мяжы. Выключэнне было зроблена толькі для тых, хто валодаў зямлёй таксама на тэрыторыі Расійскай ці Аўстрыйскай імперыі. У цэлым, першыя ж гады панавання дынастыі Гогенцолернаў на польскіх землях паказалі, што выезд землеўласнікаў за мяжу Прусіі вельмі абмежаваны. З другога боку, «Патэнтам адносна падтрымання спакою і парадку ў новаздабытых правінцыях» устанаўліваўся тэрмін працягласці шэсць тыдняў, у межах якога кожны безземельны шляхціц павінен быў з'явіцца да ўладаў і паведаміць, ці жадае ён застацца ў краі або выехаць за мяжу. Для гэтай катэгорыі шляхты прускія ўлады не чынілі ніякіх перашкод, а наадварот, заахвочвалі яе эміграцыю, паколькі лічылі яе схільным да рэвалюцый элементам. Вяртанне ў прускія ўладанні для безземельнай шляхты было амаль немагчымым. У цэлым «Патэнтам» улады стварылі атмасферу ўсеагульнай падазронасці, паколькі заахвочвалі даносы на ўдзельнікаў польскага нацыянальнага руху, у тым ліку сялян на сваіх паноў.

Увядзенне ў 1797 г. у польскіх правінцыях сістэмы прускага заканадаўства канчаткова абмежавала ўдзел шляхты ў кіраванні і грамадскім жыцці. Заканадаўства Рэчы Паспалітай было пакінута толькі ў спадчынным праве, а доступ шляхты да дзяржаўных пасадаў прадугледжваўся толькі ў якасці дарадцаў у судах па пытаннях, звязаных са старым заканадаўствам. Радзівілы, якія прынялі прускае падданства, пацвердзілі княжацкую годнасць толькі ў 1859 і 1861 гг. з тытулам «Светласць». Звязана гэта з тым, што, нягледзячы на шлюбны саюз з прускім каралеўскім домам, апошні расчараваўся ў Радзівілах і адварнуўся ад іх. Нават у Расійскай імперыі княжацкі тытул Радзівілы пацвердзілі раней – у 1845 г. Трэба заўважыць, што гэтакі парадак атрымання дыпламаў зусім не тыповы, паколькі большасць арыстакратычных родаў былой Рэчы Паспалітай, у выпадку пацвярджэння імі сваіх тытулаў па-за межамі Расійскай імперыі, рабілі гэта раней.

У Прусіі шляхта захавала права землеўладання, але з некаторымі абмежаваннямі. Так, безземельная шляхта магла набываць зямлю толькі пасля спецыяльнага каралеўскага дазволу. Такі ж дазвол патрабаваўся, каб атрымаць зямлю ў спадчыну, дар ці перадаць яе царкве. Акты куплі-продажу зямлі не мелі

юрыдычнай сілы без зацвярджэння мясцовага адміністрацыйнага органа – рэгенцыі.

На беларускіх землях у часы існавання Вялікага Княства Літоўскага жылі дваранскія роды, якія насілі тытул князя, але не былі нашчадкамі Рурыкавічаў ці Гедымінавічаў [9, с. 10]. Да такіх родаў належалі князі Гальшанскія, Гедройцы, Глінскія, Заблоцкія, Свірскія, Скірмунты і інш. Аднак з гэтага пераліку толькі князі Гедройцы змаглі пацвердзіць у Расійскай імперыі сваю княжацкую годнасць. На карысць адметнага становішча князёў Гедройцаў кажа той факт, што ў перапісе войска Вялікага Княства Літоўскага яны ўнесены ў спіс не разам з астатнімі князямі, а асобным «Рээстрам князей і баяр Гедройцкіх». На думку А. М. Нарбута, гэты факт звязаны з тым, што Гедройцы не займалі значных дзяржаўных пасадак (акрамя біскупскіх і ваяводы мсціслаўскага), таму не былі аднесены да магнатаў [10, с. 49]. З другога боку, вядома польскі спецыяліст па генеалогіі Е. Дунін-Баркоўскі паведамляе, што сярод фаміліі Гедройцаў у 1576–1796 гг. былі 33 сенатары [6, с. 20]. У Расійскай імперыі Рамуальд Уладзіслаў Гедройц, камергер імператарскага двара, пацвердзіў свой тытул у 1865 г. На гэта ў «Агульным гербоўніку дваранскіх родаў Расійскай імперыі» запісана, што Гедройцы «по присоединении Литвы к Российской державе служили Российской Престолу в военной и гражданской службе и награждены были чинами, орденами и другими монаршими милостями...» [11, с. 3]. Князь Адольф Гедройц, уладальнік маёнка ў Віленскай губерні, пацвердзіў свой тытул у 1875 г. [12, с. 22]. Ягоны сын Цэзарый стаў дваранскім маршалкам Трокскага павета Віленскай губерні. Аднак з гэтага роду найбольш праславіўся Рамуальд Тадэвуш, удзельнік паўстання 1794 г., член Ваеннага камітэта Варшаўскага герцагства і нават яго старшыня. Пасля таго, як ён быў захоплены ў палон і адбыў высылку ў Архангельску, стаў генералам у Царстве Польскім.

Іншыя Гедройцы ўпамінаюцца і ў радаводных кнігах Мінскай і Магілёўскай губерняў. Аднак унесены яны былі не ў пятую, а ў шос-

тую яе частку, паколькі княжацкім тытулам яны не валодалі. Яшчэ ў 1834 г. у Вілейскі уездны суд быў прадстаўлены дакумент, у якім пацвярджалася права ўласнасці Багуслава Гедройца на зямлю з прыгоннымі ў вёсцы Задворцы [13, л. 18]. Ён жа праз два гады падаў на імя імператара прашэнне аб зацверджанні яго шляхецтва, на што Сенатам быў выдадзены указ ад 16 чэрвеня 1844 г. Цікава, што сын Багуслава Гедройца, Восіп, нават і без княжацкага тытула добра інтэграваўся ў расійскае прадпрымальніцтва, выехаўшы ў Якуцкую вобласць на золаздабыўныя прадпрыемствы, дзе дабіўся вялікага багацця [13, л. 102].

Заклучэнне. Такім чынам, працэсы, якія ахапілі тытулаванае дваранства беларускіх зямель, мелі складаны характар. Відавочна, што носьбіты дваранскіх тытулаў так ці інакш імкнуліся інтэгравацца ў дваранства для таго, каб карыстацца прывілеямі ў адпаведнасці з законам, пачынаючы ад права мець уласны герб і завяршаючы правам не плаціць падаткі. У кожным канкрэтным выпадку галоўны матыў такога імкнення быў свой, аднак, назіраючы за гэтым працэсам, можна сцвярджаць, што ўступіць свае шляхецкія правы і тытулы ніхто не збіраўся. Інтэграцыя тытулаванай шляхты былой Рэчы Паспалітай у склад дваранства Аўстрыі, Прусіі і Расіі праходзіла паспяхова. Дзяржаўныя адміністрацыі выкарыстоўвалі мясцовае тытулаванае дваранства ў якасці сваёй апоры ў справе захавання імперскіх парадкаў на сваёй тэрыторыі. Тая частка тытулаванага дваранства, што звязала сябе з новымі дзяржавамі цывільнай ці вайскавай службай, шлюбамі з прадстаўнікамі мясцовых дваранскіх родаў, без асаблівых цяжкасцяў пацвярджала тытулы і захоўвала свой сацыяльна-прававы статус. Прадстаўнікі арыстакратыі, якія інтэграліся ў вышэйшае саслоўе Расіі, Аўстрыі і Прусіі, не толькі былі ўключаны ў склад дваранства, але і прынеслі новыя з’явы ў саслоўе – падштурхнулі ўлады да працы па стварэнні стройнай і ўпарадкаванай геральдычнай сістэмы, якая значна пашырылася менавіта дзякуючы шляхце былой Рэчы Паспалітай.

Літаратура

1. Алфавитный список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Могилевской губернии. Могилев: Типо-Лит. Я. Н. Подзенского, 1909. 23 с.
2. Konarski S. O heraldyce i heraldycznym snobizmie. Warszawa: Adiutor, 1992. 315 s.
3. Булгарын Ф. Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003. 592 с.
4. Грицкевич А. П. Формирование феодального сословия в Великом княжестве Литовском и его правовые основы (XV–XVI вв.) // Первый литовский статут 1529 года: материалы республиканской научной конференции, посвященной 450-летию Первого Статута. Вильнюс, 1982. С. 65–73.
5. Дворянские роды Российской империи. В 10 т. Т. 2 / авт.-сост. П. Гребеньский [и др.]. СПб.: ИПК «Вести», 1993. 262 с.
6. Dunin-Borkowski J. Almanach blekitny. Genealogie zyjacych rodow polskich. Lwow, 1908. 767 s.

7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 319. Воп. 2. Спр. 1890. «Дело о происхождении рода князей Друцких-Любецких».
8. Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czatarnastego wieku*. Warszawa, 1895. 473 s.
9. Долгорукий П. В. Российская родословная книга: в 4 ч. СПб., 1854. Ч. 1. 342 с.
10. Нарбут А. Н. Генеалогия Белоруссии. Вып. 2 (16–18 вв.). – М.: Изд-во «Анна», 1994. 168 с.
11. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Часть тринадцатая. СПб., 1885. 562 с.
12. Boniecki A. *Herbarz Polski*. 16 t. T. 13. Warszawa, 1909. 400 s.
13. НГАБ. Ф. 319. Воп. 2. Спр. 689. «Дело о дворянском происхождении рода Гедройцей».

References

1. *Alfavitnyy spisok dvoryanskikh rodov, vnesennykh v rodoslovnnyye dvoryanskiye knigi Mogilevskoy gubernii* [An alphabetical list of noble families included in the family history books of the Mogilev province]. Mogilev, Tipo-Lit. Ya. N. Podzenskogo Publ., 1909. 23 p.
2. Konarski S. *O heraldyce i heraldycznym snobizmie*. Warszawa, Adiutor, 1992. 315 s.
3. Bulgaryn F. *Vybranaye* [Favorites]. Minsk, Belaruski knigazbor Publ., 2003. 592 p.
4. Gritskevich A. P. [Formation of the feudal estate in the Grand Duchy of Lithuania and its legal basis (XV–XVI centuries). The first Lithuanian statute of 1529]. *Materialy respublikanskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 450-letiyu Pervogo Statuta* [Materials of the republican scientific conference dedicated to the 450th anniversary of the First Statute]. Vilnius, 1982, pp. 65–73 (In Russian).
5. *Dvoryanskiye rody Rossiyskoy imperii. V 10 t. T. 2* [Noble clans of the Russian Empire. In 10 vol. Vol. 2]. St. Petersburg, IPK “Vesti” Publ., 1993. 262 p.
6. Dunin-Borkowski J. *Almanach blekitny. Genealogie zyjacych rodow polskich*. Lwow, 1908. 767 s.
7. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 319. I. 2. F. 1890.
8. Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czatarnastego wieku*. Warszawa, 1895. 473 s.
9. Dolgorukiy P. V. *Rossiyskaya rodoslovnaya kniga. V 4 t. T. 1* [Russian genealogical book. In 4 vol. Vol. 1]. St. Petersburg, 1854. 342 p.
10. Narbut A. N. *Genealogiya Belorusii. Vypusk 2 (16–18 vv.)* [Genealogy of Belarus. Issue 2 (16–18 ct.)]. Moscow, Izd-vo “Anna” Publ. 1994. 168 p.
11. *Obshchiy gerbovnik dvorianskikh rodov Rossiyskoy imperii, nachatyy v 1797 godu. Chast' 13* [Common arms of the noble families of the All-Russian empire, begun in 1797. Part 13]. St. Petersburg, 1885. 562 p.
12. Boniecki A. *Herbarz Polski*. 16 t. T. 13. Warszawa, 1909. 400 s.
13. NHAB. Fund 319. I. 2. F. 689.

Інфармацыя пра аўтара

Дамарад Аляксей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і палітологіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: domorad@belstu.by

Information about the author

Damarad Aliaksei Anatolievich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: domorad@belstu.by

Пастыніў 02.03.2018

УДК 908(470.6)(=161.3)(091):355

О. В. Матвеев

Кубанский государственный университет (Российская Федерация)

**УРОЖЕНЦЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В РАЗВИТИИ
РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ**

В статье анализируется вклад уроженцев белорусских губерний в становление и развитие российского военного кавказоведения. На примере научного и творческого наследия И. Т. Раджицкого, М. Я. Ольшевского, Ф. П. Вояковского, А. В. Комарова, А. О. Махвич-Мацкевича и других автор не только характеризует развитие кавказской этнографии, археологии, картографии, истории, но и рассматривает деятельность этих исследователей как пример закономерно сложившегося и исторически оправдавшегося историко-культурного единства восточных славян и других народов, проживающих в России.

Ключевые слова: военное кавказоведение, народы Кавказа, выходцы из белорусских губерний, Кавказская армия, взаимопознание, контактная зона.

O. V. Matveev

Kuban State University (Russian Federation)

**BELARUSIAN PROVINCES NATIVES IN THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN MILITARY CAUCASIOLOGY**

The contribution of natives of the Belarusian provinces to the formation and development of the Russian military Caucasus studies is considered in the article. On the example of the scientific and creative heritage of I. T. Radozhitsky, M. Ya. Olshevsky, F. P. Voyakovsky, A. V. Komarov, A. O. Makhvich-Matskevich, etc., the author not only characterizes the development of Caucasian ethnography, archeology, cartography, history, but also considers the activities of these researchers as an example of the historically established and historically justified historical and cultural unity of the Eastern Slavs and other peoples living in Russia.

Key words: military Caucasus Studies, the peoples of the Caucasus, people from Belarusian provinces, Caucasian army, mutual learning, the contact area.

Введение. Российское военное кавказоведение в дореволюционный период не только добилося впечатляющих успехов, но и постоянно выступало как сближающая наши народы сила – знание породило доверие [1, с. 3]. Офицеры Российской империи своим научным творчеством создавали своеобразные контактные зоны, уникальное пространство взаимопознания. Независимо от личных оценок и пристрастий люди в погонах быстро переросли военно-разведывательное изучение народов Кавказа, поднялись на ступень серьезного этнографического, картографического, лингвистического изучения региона, заложив основы собственно научного, системного научного направления [2, с. 299].

Среди тех, кто выполнял благородную миссию выстраивания пространства взаимопознания на окраинах империи, имелось немало выходцев из белорусских губерний. Их вклад в становление и развитие российского кавказоведения отмечал в 1950-х гг. советский этнограф Косвен М. О. [3, 4, 5].

В наши дни изучает научное наследие военных на Кавказе, в том числе уроженцев белорусских земель, российская исследовательница

Колосовская Т. А. [6]. Растет интерес к этому вопросу и среди белорусских коллег [7, 8]. В данной статье предпринята попытка комплексной характеристики белорусского присутствия в сообществе военных кавказоведов империи.

Основная часть. В 1830 г. император Николай I дал офицерам Генерального штаба поручение составить подробнейшее описание горских народов. Эта работа была возложена на полковника Генерального штаба, уроженца г. Гродно, Валериана Емельяновича Галямина. Он родился в 1794 г., окончил Институт инженеров путей сообщения, служил в свите Его Величества по квартирмейской части, состоял помощником директора училища военных топографов, проходил по делу декабристов, затем оказался в Генеральном штабе. В. Е. Галямин отнесся к поручению императора весьма ответственно. Он обратился не только к архивным материалам военного ведомства, но и к фондам Коллегии иностранных дел, Министерства внутренних дел, Астраханского наместничества, составил специальную программу изучения горских народов [4, с. 181–182]. Согласно программе В. Е. Галямина,

собираемый офицерами материал систематизировался по географическим зонам: северная часть Кавказа, восточная часть Кавказа, западная часть Кавказа. Программа включала перечень названий народов на основе той информации, которой владело российское командование о горском населении к началу 30-х гг. XIX в. [6, с. 107].

Документ предусматривал систематизацию обширного историко-этнографического материала, описание взаимоотношений горцев и России и их последствий. Однако научные труды В. Е. Галямина были прерваны его назначением на должность главного адъютанта действующей армии. Завершение этой работы было поручено другому офицеру Генерального штаба И. Ф. Бларамбергу [6, с. 108].

Среди тех, кто первым вводил русское общество в романтический мир Кавказа, был уроженец Витебской губернии, известный кавказский литератор, этнограф и ботаник генерал-майор Илья Тимофеевич Радожицкий (1788–1861). Он окончил курс в Императорском Военно-Сиротском доме (впоследствии – Павловский кадетский корпус), служил в артиллерии, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русских войск.

С 1823 г. И. Т. Радожицкий служил на Кавказе, командовал артиллерийской бригадой в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В журнале «Отечественные записки» он публиковал ценные материалы по истории Кавказских минеральных вод, описания недавно возникших в Предкавказье российских городов.

В 1827 г. в «Отечественных записках» была опубликована работа И. Т. Радожицкого «Историческое известие о походе русских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командой графа В. А. Зубова». Это сочинение было написано на основе воспоминания одного из участников похода, к которым И. Т. Радожицкий добавил сведения о действиях персидских войск в Грузии и о смерти Ага-Магомет-Хана [7, с. 44].

Серьезное этнографическое значение имел очерк И. Т. Радожицкого «Законы и обычаи кабардинцев», напечатанный в 1846 г. в «Литературной газете». Согласно указанию автора, материал этот был собран во время его служебных поездок по Кавказу. В очерке автор привел легенду о происхождении кабардинцев, сведения о сословных отношениях, дал характеристику быта и обычного права восточных адыгов, поместил статистические сведения о населении Кабарды в 1825 г. Очерк Радожицкого вызвал критические замечания адыгского просветителя Султана Хан-Гирея, который откликнулся на сочинение Ильи Тимофеевича

в газете «Кавказ». Советский этнограф М. О. Косвен так характеризовал работу кавказского офицера: «В общем, при наличии возможных частных ошибок очерк Радожицкого представляет собою весьма оригинальный и ценный экскурс по этнографии кабардинцев. Отметим содержащееся здесь определение общественного строя кабардинцев как “феодалного управления”» [3, с. 309].

В 40-х гг. XIX в. командованием Кавказской линии было организовано широкое и систематическое собирание кавказских адатов. Цель этого действия носила практический характер, связанный с нуждами управления и руководства местными судами. В результате принятых мер в 1843–1845 гг. было составлено семь сборников адатов чеченцев, кумыков, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев, осетин и адыгов Черноморской линии. Капитану Генерального штаба Ольшевскому было поручено составить общий свод собранных адатов, что и сделал он в 1847 г. Выполняя эту работу, Ольшевский около года провел в Кабарде и на Кубани, где проверял имеющиеся показания и собрал дополнительный материал [3, с. 342]. Мелетий Яковлевич Ольшевский родился в 1816 г. Детство его прошло в родовом имении под Гродно. Он окончил Первый кадетский корпус, служил в артиллерии, окончил Императорскую Военную академию, которая готовила офицеров Гвардейского Генерального штаба, и 25 лет прослужил на Кавказе, имел чин генерала от инфантерии. Его статьи о горцах Кавказа получили признание мировой общественности. Еще в 1852 г., служа на Кавказе, Ольшевский был избран членом-сотрудником Русского географического общества.

Составленное Ольшевским описание чеченцев включено им в качестве отдельной главы воспоминаний, опубликованных впервые в 1893 г. в журнале «Русская старина». Автор указал, что материал с названием «О происхождении, образе жизни, обрядах и обычаях чеченцев» был собран им в бытность старшим адъютантом штаба Кавказской линии. Описание Ольшевского содержит общую характеристику управления и общественного строя чеченцев, военного дела и организации набегов, взаимоотношений с русскими в истории их завоевания. В работе Ольшевского мы находим интересные наблюдения о психологии горцев, о проблемах взаимопознания. О чеченцах он, например, писал: «Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковверным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что

они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой для них были жестки и оглушительны» [8, с. 65].

В работе по собиранию материалов обычного права кавказских народов принял участие и Ф. П. Вояковский. В 1865 г. он составил содержательный «Сборник адатов жителей Кумыкской плоскости».

Франц Павлович Вояковский происходил из дворян Гродненской губернии римско-католического вероисповедания, учился в Виленской медико-хирургической академии.

8 февраля 1839 г. был «признан виновным в соучастии в возмутительном обществе между студентами этой Академии и прочими лицами, назначен в военную службу и определен в Отдельный Кавказский корпус» [9, л. 129 об.]. Его сочинение дает интересные сведения по уголовному обычному праву ногайцев и кумыков.

Изучением обычного права дагестанских народов занимался также А. В. Комаров. Он происходил из дворян Витебской губернии, образование получил в Павловском кадетском корпусе и Николаевской академии Генерального штаба, служил в Дагестане в Закаспийской области, был участником похода в Венгрию в 1849 г., участвовал в Кавказской войне. Прослужив в регионе более четверти века, он хорошо узнал жизнь, историю и культуру кавказских народов, собрал ценные коллекции кавказских древностей (преимущественно железного века) и палеонтология, которые передал в дар Тифлискому музею. А. В. Комаров был действительным членом Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, в 1881 г. был избран председателем 5-го археологического съезда, проходившего в Тифлисе. Его научные труды по этническому составу, этнографии, картографии Дагестанской области выходили в «Известиях» и «Записках» Кавказского отдела Императорского Русского географического общества [10, 11].

А. В. Комаров выполнил общую характеристику судопроизводства по адатам, произвел сводку адатов по уголовному и семейному праву из записей, представленных окружными начальниками Дагестанской области, добавив собственные собранные данные [12].

Весомый вклад внесли белорусы в становление кавказской картографии. Ведущим военным геодезистом и топографом Отдельного Кавказского корпуса был Иосиф (Осип) Иванович Ходзько (1800–1881 гг.). Он происходил из дворян Минской губернии, принадлежал к римско-католическому вероисповеданию, окончил физико-математический факультет Виленского университета, после чего, по рекомендации

ректора, был определен к полковнику Теннеру, возглавлявшему триангуляцию Виленской губернии – первое в России геодезическое измерение. В течение 1820-х гг. Иосиф Иванович был одним из самых деятельных сотрудников геодезических измерений Виленской, Гродненской, Минской и Курляндской губерний, Валахии и Молдавии. Участвуя в геодезических и топографических работах, организуемых военным ведомством, Ходзько успешно продвигался по служебной лестнице. В 1840 г., уже будучи подполковником, он был вызван на Кавказ [13, с. 226–227].

На Иосифа Ивановича, как опытного геодезиста, командование возлагало большие надежды по проведению тригонометрического измерения, без которого невозможно было составление точных карт. В горной местности, да еще и в условиях военных действий, осуществить задуманное было весьма непросто. Порой топографам самим приходилось участвовать в перестрелке с горцами.

С учреждением в 1858 г. Военно-Топографического отдела Главного штаба Кавказской армии генерал-майор Ходзько был назначен его начальником. Пленение в 1859 г. Шамиля и завершение военных действий на Северо-Восточном Кавказе позволило вести продолжение триангуляции на Северном Кавказе через Дагестан. При этом самую трудную часть территории, а именно Нагорный Дагестан, взял на себя неутомимый Иван Иванович, которому было тогда почти шестьдесят лет. В 1864 г., после завершения войны на Северо-Западном Кавказе, Ходзько произвел рекогносцировку западной оконечности Главного Кавказского хребта, а в следующем году закончил свою геодезическую деятельность наблюдениями на самых возвышенных пунктах Кубанской области, завершив тем самым триангуляцию Северного Кавказа. Полевые наблюдения военных топографов, создававшие основу для картографии и в целом географии Кавказа, были по достоинству оценены научной общественностью России. В 1868 г., по окончании триангуляции Кавказа, И. И. Ходзько была присуждена высшая награда Императорского Русского географического общества – Константиновская медаль. Получив заслуженные чины и награды, Иосиф Иванович прекратил активную деятельность по службе, но, оставаясь состоять при Кавказской армии, всецело посвятил себя занятиям наукой. Он помещал в местных и иностранных изданиях статьи, касающиеся метеорологии и бальнеологии, обработал записки по орографии и гидрографии Кавказа. Своими 40-летними трудами он тесно связал свое имя с Кавказом и пополнил славную плеяду военных

исследователей, стоявших у истоков геодезии и картографии региона.

Активным членом Императорского Русского географического общества являлся подполковник Александр Осипович Махвич-Мацкевич [4, с. 228]. В 1864 г. в журнале «Народная беседа» он опубликовал обширный очерк «Абадзехи, их быт, нравы и обычаи», основанный, по видимому, на хорошем личном знакомстве с представителями этого адыгского субэтноса. Он подробно описал жилище, усадьбу, одежду, пищу, верования абадзехов. В очерке даны сведения об обрядах жизненного цикла, обычном праве горцев.

Заключение. Таким образом, уроженцы белорусских земель в погонах Российской Импе-

раторской армии сделали немало для того, чтобы российское военное кавказоведение не только добилось впечатляющих успехов, но и постоянно выступало как сближающая наши народы сила. Это отражало общую тенденцию великих держав, колониальных империй, связанную с интеграцией метрополий и окраин. Участие выходцев из белорусских губерний: поляков, белорусов, немцев, русских – наглядный пример интеграционного воздействия имперского ядра на полиэтничную периферию.

Заметный белорусский след в российском военном кавказоведении выступает важным свидетельством закономерно сложившегося и исторически оправдавшегося историко-культурного единства восточных славян и других народов России.

Литература

1. Кузнецов В. А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ: ИПП им. В. А. Гассиева, 2004. 186 с.
2. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 304 с.
3. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Часть I // Кавказский этнографический сборник – I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 265–374.
4. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Часть II // Кавказский этнографический сборник – II. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 139–274.
5. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Часть III // Кавказский этнографический сборник – III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 158–288.
6. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / под ред. А. А. Кудрявцева. М.: Изд-во «Каллиграф», 2015. 240 с.
7. Максимчик А. Н. Вклад уроженцев Беларуси в этнографическое описание Кавказского региона (XIX – начало XX в.) // Этнос и культура: развитие и взаимодействие темы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 9–10 июля 2016 г. Минск: БГУ, 2016. С. 70–75.
8. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 944.
10. Комаров А. В. Состав населения Дагестанской области по племенам // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1868. Т. IV. Отд. 2. С. 301–302.
11. Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1873. Т. VIII. С. 1–49.
12. Комаров А. В. Адамы (обычное право) дагестанских горцев и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 43–49.
13. Колосовская Т. А. И. И. Ходзько и его роль в географическом изучении Кавказа // Белорусы и Беларусь в системе координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред., сост.: Э. Г. Вартаньян, О. В. Матвеев. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2017. С. 226–233.

References

1. Kuznetsov V. A. *Vvedeniye v kavkazovedeniye (istoriko-etnologicheskiye ocherki narodov Severnogo Kavkaza)* [Introduction to the Caucasus Studies (historical and ethnological sketches of the North Caucasus)]. Vladikavkaz, IPP im. V. A. Gassieva Publ., 2004. 186 p.
2. Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. «*My na Kavkaze voevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatelya i uyti...*»: *Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoy armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov)* [«We did not fight in the Caucasus in order to beat the enemy and get away ...»: The socio-cultural activities of the Caucasian Army (according to the memoirs of contemporaries and Research)]. Stavropol, Izd-vo SGU Publ., 2011. 304 p.

3. Kosven M. O. Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. Part I. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collection – I]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1955, pp. 265–374.

4. Kosven M. O. Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. Part II. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collection – II]. Moscow, Izd-vo vostochnoy literatury Publ., 1958, pp. 139–274.

5. Kosven M. O. Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. Part III. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collection – III]. Moscow, Izd-vo vostochnoy literatury Publ., 1962, pp. 158–288.

6. Kolosovskaya T. A. *Rossiyskiye voennyye v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv.* [Russian military in the socio-cultural environment of the North Caucasus XVIII–XIX centuries]. Moscow, Izd-vo “Kalligraf”, 2015. 240 p.

7. Maksimchik A. N. [Contribution natives of Belarus in the ethnographic description of the Caucasus (XIX – early XX century)]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Etnos i kul'tura: razvitiye i vzaimodeystviye temy”* [A collection of materials of the International scientific and practical conference “Ethnicity and Culture: development and interaction of threads”], Minsk, 2016, pp. 70–75 (In Russian).

8. Ol'szewskiy M. Ya. *Kavkaz s 1841 po 1866 god* [Caucasus from 1841 to 1866]. St. Petersburg, Izd-vo zhurnala “Zvezda” Publ., 2003. 608 p.

9. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund 260. I. 1. F. 944.

10. Komarov A. V. The composition of the population of Daghestan by tribes. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society], St. Petersburg, 1868, vol. IV, dep. 2, pp. 301–302 (In Russian).

11. Komarov A. V. Population Dagestan region (with the ethnographic map). *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes Caucasus department of the Imperial Russian Geographical Society], Tiflis, 1873, vol. VIII, pp. 1–49 (In Russian).

12. Komarov A. V. Adat (customary law) of the Dagestan mountaineers and proceedings thereon. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders], Tiflis, 1868, issue 1, pp. 43–49 (In Russian).

13. Kolosovskaya T. A. [I. I. Hodzko and its role in the geographical study of the Caucasus]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Belorusy i Belarus' v sisteme koordinat Rossiya, Zapad, slavyanskiy mir: voprosy identichnosti istoriko-kulturnykh svyazey i mezhdunarodnykh otnosheniy”* [Materials of the international scientific-practical conference “Belarusians and Belarus in the system of Russian origin, the West, the Slavic world: identity issues, historical and cultural ties and international relations”], Krasnodar, 2017, pp. 226–233 (In Russian).

Информация об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: vim12@rambler.ru

Information about the author

Matveev Oleg Vladimirovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of Russian History. Kuban State University (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vim12@rambler.ru

Поступила 15.03.2018

УДК 37.09:27-725:37(476)«18/19»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧИТЕЛЕЙ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ И УЧИЛИЩ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматривается правовое и социальное положение учителей духовных семинарий и училищ Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что существовавшая нормативно-правовая база четко регламентировала процедуру приема на работу, круг обязанностей педагога, а также указывала на имеющиеся права. Показывается роль учителя в организации учебно-воспитательного процесса. Характеризуется материальное положение учителей и показываются пути его улучшения, а также раскрываются условия труда и быта. Сравняется социально-правовой статус учителей духовных учебных заведений и светских.

Ключевые слова: учителя, духовные семинарии, духовные и епархиальные училища, социально-правовой статус, учебный процесс, материальное положение.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

SOCIO-LEGAL STATUS OF TEACHERS OF THEOLOGICAL SEMINARIES AND COLLEGES OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

This article examines the legal and social situation of teachers of theological seminaries and colleges of Belarus in the second half of XIX – early XX centuries. It is emphasized that the existing regulatory framework to clearly regulate the procedure of employment, the responsibilities of the teacher, and also pointed to existing law. The role of the teacher in the organization of educational process is shown. The material situation of teachers is characterized and the ways of its improvement are shown, as well as working and living conditions are shown. Compares the socio-legal status of teachers of religious schools and secular.

Key words: teachers, seminaries, and diocesan spiritual school, socio-legal status, educational process, financial situation.

Введение. В конце XIX – начале XX в. в Российской империи, в состав которой входила и Беларусь, сложилась определенная система церковно-школьного образования, которая наряду с государственной и частной играла значительную роль в развитии народного просвещения. Общественно-политические и экономические отношения в период становления буржуазного общества требовали подготовки квалифицированных рабочих, повышения грамотности крестьянства. Расширялась сеть начальных и средних учебных заведений, стремительно росло количество учащихся. Вместе с тем в руках царского правительства образование являлось средством социального регулирования и контроля, поэтому данная политика была двойственной и непоследовательной. С одной стороны, образование служило власти, помогая развиваться капиталистическим отношениям в стране, но с другой, создавало явную угрозу существующему порядку – способствовало росту самосознания общества, изменению его социальной стратификации, просвещению народа и т. д. [1, с. 12]. В этой связи со всей остротой вставала проблема обеспечения учеб-

ных заведений необходимыми педагогическими кадрами, а также определения их социально-правового статуса.

Основная часть. Духовные семинарии, как средние учебно-воспитательные учреждения, действовали в основном с целью подготовки священников и церковнослужителей. Возглавлял семинарию ректор, который подчинялся Учебному комитету при Св. Синоде. С 1867 г. в семинариях занимались учащиеся 6 классов и получали как богословское, так и светское образование. Духовные и епархиальные училища относились к низшим духовно-учебным заведениям, программа которых включала как богословские, так и светские (в объеме трех классов классической гимназии) предметы. Управление было сосредоточено в руках смотрителей, с 1867 г. создавались училищные правления. Устав 1884 г. усилил власть епархиального архиерея, который осуществлял и кадровую политику.

Преподаватели семинарии определялись на должности в начале учебного года Св. Синодом, по представлениям академических советов, а в течение учебного года Обер-Прокурором

Св. Синода. По докладам учебного Комитета, это были лица с высшим образованием (как правило, это выпускники духовных академий – кандидаты богословия), а учителя физико-математических наук должны были иметь установленное свидетельство на право преподавания в гимназии по своим предметам. В училищах могли преподавать и имеющие среднее образование, а также студенты академии или семинарии. Для педагогов средних учебных заведений при назначении на службу обязательным было приведение к присяге. Она ко многому обязывала учителя, вступающего в должность. В начале «Клятвенного обещания» говорилось: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед святым его Евангелием... верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...». Присяга давалась в присутствии директора (ректора) учебного заведения и священника по написанному лично тексту, завершалась целованием «слов и Креста Спасителя» [2, л. 2].

В духовных учебных заведениях так же, как и в светских, господствовал дух формализма и мелочной регламентации. Согласно Правилам 1884 г., «Каждый наставник должен преподавать свой предмет по утвержденной Св. Синодом программе, заботясь как о своевременном выполнении ее, так и о том, чтобы все преподанное по программе было усвоено учащимися». Особый указ Св. Синода подтверждал, чтобы учителя «следовали строго нормальным программам и методам, указанным в объяснительных к программам записках».

Нужно отметить, что в решении педагогических вопросов в семинариях и училищах принимали участие лишь немногие из учителей. Такое положение существовало только в духовных школах, так как во всех других учебных заведениях каждый преподаватель имел право голоса на педагогических собраниях того заведения, в котором служил. Только при обсуждении более важных вопросов по учебно-воспитательной части на заседания Правления приглашались все училищные наставники с совещательным голосом. Это могло быть обсуждение четвертных, годовых и экзаменационных отметок, расписания занятий, тем сочинений и др. Так, в архиве сохранились «Журналы заседаний педагогического совета Могилевской духовной семинарии» за 1912 г., которые дают сведения о том, что педагогические собрания Правления проводились не менее двух раз в месяц под председательством ректора семинарии протоиерея Н. Зефирова, присутствовали также инспектор Ф. Преображенский, помощник инспектора П. Подольский и периодически

преподаватель П. Жадин. Заседания обычно проводились с семи до девяти часов вечером, на которых обсуждались вопросы учебно-воспитательной и хозяйственной деятельности, проведения экзаменов на звание учителя церковно-приходской школы и др. [3].

Материальное обеспечение учителей духовных семинарий и училищ, по мнению самих преподавателей, нельзя было признать достаточным. Каждый штатный учитель семинарии или училища, имевший диплом об окончании высшего учебного заведения, в течение первых 5 лет службы получал по 700 руб. в год и потом до конца своей службы – по 900 руб. Добавочные уроки оплачивались по 50 руб. в первое 5-летие службы, а потом по 60 руб. за каждый год. Не имеющие высшего образования получали в размере 420 руб. в год основное жалование и 20 руб. за дополнительные уроки. В 1895 г. были установлены два высших годовых оклада в семинарии: один в размере 1500 руб. и другой – 1250 руб., а в духовном училище – только один высший годовой оклад в размере 1250 руб. Такие оклады назначались только старшим и заслуженным преподавателям.

Например, «Список лиц, состоящих на действительной государственной службе в Витебской духовной семинарии», составленный 29 ноября 1894 г., отражает количество служащих, их классные должности и чины, вероисповедание, награды, образование, продолжительность службы и «оклад жалованья». Из 15 служащих все были православного вероисповедания, 14 имели высшее образование, как правило, окончив курс Духовных академий Москвы или Санкт-Петербурга. Инспектор семинарии – статский советник В. А. Решитовский – окончил курс Киевской духовной Академии со степенью кандидата богословия. На службе находился с 1871 г., был награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени и Св. Станислава 2-й и 3-й степени, имел IV класс должности и получал 1900 руб. «при казенной квартире». Практически все учителя находились в чине статского советника и имели VIII класс должности, а также все были награждены орденами через определенные интервалы времени «за усердное и похвальное прохождение службы». Подавляющее большинство учителей получало годовой оклад 900 руб. и дополнительную процентную прибавку в размере 180 руб. Трое учителей «вознаграждались» по 150–300 руб. в год за преподавание французского и немецкого языков. Преподаватель Иваницкий И. Ф., имевший диплом Санкт-Петербургского университета, вел также дополнительные уроки. Труд выполнения обязанностей секретаря Педагогического совета преподавателем

А. Г. Любимовым оплачивался в размере 400 руб. [4, л. 9–12]. Чтение и исправление многочисленных сочинений учащихся, заведывание библиотекой и физическим кабинетом возлагалось на учителей семинарий без вознаграждения.

По закону 12 июля 1913 г. повышалась плата за годовой урок. Св. Синод, согласно предложению Синодального Обер-Прокурора, «определил возвысить размер существующего вознаграждения» преподавателей духовно-учебных заведений за уроки по вакантным должностям с 1 сентября 1913 г.: «преподавателям наук, древних и новых языков в духовных семинариях из лиц с высшим образованием и таковым же преподавателям наук и древних языков в духовных училищах по расчету из 75 руб. в год за вычетом 4% на пенсии в размере 1 руб. 38 коп., преподавателям тех же предметов в духовно-учебных заведениях из лиц со средним образованием по расчету из 60 руб. в год, за вычетом также 4%, в размере 1 руб. 10 коп., за каждый действительно данный урок». Отдельно указывалось, что за годовой урок церковного пения устанавливалось вознаграждение в сумме 75 руб. «Производство экзаменов по исправляемым вакантным должностям» оценивалось для преподавателей с высшим образованием и для учителей церковного пения в размере 5 руб. 52 коп., а для преподавателей, имевших среднее образование, – 4 руб. 40 коп., считая каждый проведенный экзамен за 4 дневных урока [5, л. 1]. Уже в 1914 г. не только инспектор Могилевской духовной семинарии статский советник Преображенский Ф. В., выпускник Казанской духовной академии, имел достаточно высокий оклад – 2880 руб. в год, но и ряд других преподавателей (Четыркин Н. И., Прокливитантов Г. В., Петропавловский И. М., Адольф А. А.) – свыше 2200 руб. [6, л. 4].

Св. Синод указал епархиальным архиереям, с разрешения которых преподаватели получали разрешения «на занятия излишних, сверх штатного количества уроков» в том же учебном заведении, давать такое «с крайней осмотрительностью» и лишь в тех случаях, когда «не предвиделось» каких-либо «затруднений и препятствий к точному выполнению ими их прямых обязанностей». Часто высказывалось преподавателям пожелание «уменьшить свои сторонние занятия». Так, в 1915 г. 5 штатных преподавателей Витебской духовной семинарии имели возможность заработать дополнительно, преподавая по 3–5 уроков в неделю в Мариинской или Алексеевской женских гимназиях и в частной мужской гимназии Неруша [7, л. 32].

Следует отметить, что на рынке труда существовала серьезная конкуренция: даже педагоги

с высшим образованием не всегда могли найти «посторонние занятия». Как правило, учителям духовных учебных заведений приходилось «довольствоваться заработками» в епархиальных женских училищах, где труд учителя оплачивался в размере 35–40 руб. за годовой урок. Например, в 1903–1904 гг. начальница училища получала 800 руб. и 400 руб. столовых, инспектор за одно лишь наблюдение за учебно-воспитательным процессом – 500 руб. и еще жалование в должности преподавателя, а оклад для преподавателей с высшим образованием был поднят до 750 руб. [8, с. 90, 95]. «Учителям наук и языков», имеющим высшее образование, в светских учебных заведениях, по закону от 10 мая 1912 г. был назначен первоначальный годовой оклад в размере 900 руб. за 12 уроков в неделю. При этом учителя пользовались правом на 4 прибавки жалованья раз в 5 лет в размере 400 руб. Оплачивался труд за заведование учебными кабинетами, проверку ученических тетрадей, подготовку лабораторных работ по химии, даже за проведение ученических экскурсий. Вознаграждение за классное наставничество было повышено до 600 руб. Таким образом, учителя духовных семинарий и училищ были обеспечены хуже, чем их коллеги в светских средних учебных заведениях.

В губернских городах прожить на это «жалованье», в первую очередь семейным, было очень трудно. Поэтому приходилось искать дополнительный заработок в другом учебном заведении. Так, в разное время служащие Витебской духовной семинарии высказывали желание перейти на другую работу, обычно в светские средние учебные заведения: помощник инспектора Г. Иваницкий просил предоставить должность преподавателя естествознания в Витебской мужской гимназии, преподаватель К. Евсеев ходатайствовал о предоставлении должности преподавателя русского языка и словесности в одной из женских гимназий, а преподаватель В. Муравьев – должности инспектора народных училищ Виленского учебного округа. Надзиратель же семинарии титулярный советник Кудрявцев П. В. ушел в иную сферу деятельности и был утвержден на должность редактора «Витебских губернских ведомостей» [9, л. 6, 41, 8, 9].

Преподаватели светских средних учебных заведений имели «достаточные» пенсии и получали их даже тогда, когда все еще продолжали состоять на службе. В то же время даже прослужившие 25 лет в духовных учебных заведениях учителя не имели права получения пенсии, «если бы они захотели и могли продолжить свою службу». Согласно ст. 529 Устава Пенсионного (Свод Законов, Т. III, изд. 1896 г.),

«лицам, служащим по духовному ведомству и выходящим в отставку по расстроенному совершенно на службе здоровью или по тяжелой неизлечимой болезни, надлежаще засвидетельствованной, сроки для получения пенсий и единовременных пособий сокращаются» [10, л. 5].

Условия жизни преподавателей духовных семинарий примерно соответствовали сложившимся стандартам в средних слоях городского населения. Квартиры преподавателей, выходцев главным образом из «имущественных слоев населения», собственные или арендованные, были достаточно просторные. Все они пользовались услугами прислуги, которая выполняла работу по домашнему хозяйству. Также предоставлялось отдельным категориям служащих и бесплатное жилье. Так, в 1912 г. обсуждался проект строительства нового здания Могилевской семинарии. В отдельном строении предлагалось оборудовать квартиру для ректора (6 комнат с кухней и удобствами), для духовника (4 комнаты с кухней и удобствами) и для эконома (4 комнаты с кухней и удобствами). В самом же здании семинарии предполагалось отвести 8 просторных помещений для классных комнат, для ученической библиотеки, учительской, актового зала, гардероба и др. Одновременно предусматривалось строительство домово-церквей, больницы и бани. Это, несомненно, должно было качественно улучшить и условия труда педагогов [11, л. 150–152].

Служащие духовных учебных заведений имели право на отпуск. Но в случае, когда они уезжали в другие регионы (многие из учителей были уроженцами «великоросских губерний»), в обязательном порядке писали на имя епископа «покорнейшее прошение» с указанием времени и места пребывания. Так, например, учитель П. Полозов из Витебской духовной семинарии просил «разрешить отправиться на летние каникулы с 24 июня по 8 августа в Тверскую губернию» [12, л. 18]. Поступали также прошения «по случаю тяжелой болезни», «для поправки здоровья», «на пасхальные каникулы», «на рождественские каникулы», «по семейным обстоятельствам» и другие «с предоставлением отпускного билета». Как правило, они удовлетворялись [13, л. 2, 3, 4, 7, 8].

Преподаватели имели определенную общественную нагрузку и активно привлекались к выполнению функций присяжных заседателей в суде. В архиве сохранились «сведения о лицах, служащих в Могилевской духовной семинарии и имеющих право быть внесенными в списки присяжных заседателей по Могилевскому уезду на 1915 г.». В списке значились 11 служащих, из которых 6 уже в разное время привлекались к исполнению такой обязанности

[14, л. 4]. Годовые отчеты подтверждают, что учителя «весьма ответственно относились к своим должностным обязанностям», поэтому пропуски занятий осуществляли «исключительно по уважительным причинам: по болезни или присутствию учителей в судах в качестве присяжных заседателей».

Так же, как и «учащие» средней и начальной школы, преподаватели духовных учебных заведений освобождались от службы в армии в мирное время. В годы Первой мировой войны не призывались в действующую армию только штатные преподаватели средних учебных заведений, включая преподавателей духовных семинарий. Для этого учителя учебному начальству предъявляли документы о зачислении в запас, а правления семинарий направляли в военные присутствия также свидетельства, которые подтверждали данный факт: «действительно состоит преподавателем семинарии» [15, л. 7, 43, 72]. Учителя низших учебных заведений подлежали призыву.

Воспитательная функция учителей заключалась в том, что на них возлагалось «наблюдение во время уроков за порядком и тишиной в классе», причем учеников, нарушающих спокойствие, они или сами подвергали взысканиям или отсылали к инспектору. Многочисленные определения и узаконения Св. Синода и Учебного комитета только разясняли каждый шаг преподавателей в этой ограниченной сфере их деятельности. Классного наставничества в духовных семинариях и училищах во второй половине XIX в. не было, поэтому общение учителей с учениками ограничивалось только часами уроков: что делали учащиеся семинарий и училищ в остальное время, чем интересовались – было непонятно, то есть вся их внеклассная жизнь скрывалась от непосредственного наблюдения учителей [16, с. 128]. Институт классного наставничества появляется в начале XX в. Для надзора за поведением учащихся вводятся специальные «Дневники по воспитательной части», в которых ежедневно инспектор, классные наставники и дежурные учителя фиксировали свои наблюдения за подопечными не только во время учебных занятий, но и во внеучебное время: в ученических общежитиях, на улицах города, в общественных местах [17, л. 5, 11, 12, 14, 17].

Заключение. Таким образом, преподаватели духовных семинарий и училищ являлись частью педагогической интеллигенции России. Их социально-правовой статус определялся существовавшей законодательной базой, которая регламентировала процедуру приема на работу, привилегии, функциональные обязанности педагога и материальное положение.

В целом этот статус соответствовал положению преподавателей светских средних учебных заведений, хотя последние были несколько

лучше обеспечены не только в материальном плане, но и обладали более широким кругом привилегий.

Литература

1. Днепров Э. Д. Современная школьная реформа в России. М.: Наука, 1998. 463 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2261. Оп. 1. Д. 1.
3. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 18.
4. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 7.
5. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 50.
6. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 26.
7. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 92.
8. Пароменский П. В. Паричское женское св. Марии Магдалины училище духовного ведомства. СПб.: Синодальная типография, 1910. 135 с.
9. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 26.
10. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 92.
11. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 18.
12. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 26.
13. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 50.
14. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 26.
15. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 11.
16. Андреев Ю. О положении учителей духовных семинарий и училищ // Русская школа. 1900. № 1. С. 124–130.

References

1. Dneprov E. D. *Sovremennaya shkol'naya reforma v Rossii* [Modern School Reform in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 463 p.
2. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 2261. I. 1. F. 1.
3. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 18.
4. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 7.
5. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 50.
6. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 26.
7. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 92.
8. Paromenskiy P. V. *Parichskoye zhenskoye sv. Marii Magdaliny uchilishche dukhovnogo vedomstva* [Parichskoe female communication Mary Magdalene School of spiritual department]. St. Petersburg, Sino-dal'naya tipografiya Publ., 1910. 135 p.
9. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 26.
10. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 92.
11. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 18.
12. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 26.
13. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 50.
14. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 26.
15. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 11.
16. Andreev Yu. On the situation of the teacher seminaries and colleges. *Russkaya shkola* [Russian school], 1900, no 1, pp. 124–130 (In Russian).

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 11.03.2018

УДК 323.272«1917»(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**СОЛДАТЫ В ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯХ
В БЕЛАРУСИ**

В статье показана роль военнослужащих Западного фронта, Двинского и Минского военных округов в демократизации армейской жизни, создании и деятельности Советов, решении государственных и общественных проблем в Беларуси в период мирного развития Февральской революции. Обращено внимание на мирный, реформационный характер преобразований государства и общества, отсутствие антиправительственного движения в Беларуси, стремление общественности закрепить революционные завоевания с помощью Учредительного собрания. Отмечены негативные последствия политики Временного правительства и левых партий по отношению к армии (июль – октябрь 1917 г.), выразившиеся в ослаблении ее боеспособности, возрастании анархических процессов и угрозы для гражданского населения. Раскрыты причины сравнительно легкого захвата большевиками власти в Беларуси после Октябрьского переворота в Петрограде. Показан социальный и партийный состав новой власти в лице военно-революционных комитетов и новых Советов. Приведены данные об ухудшении морально-политической и экономической обстановки на местах. Отмечена недальновидная политика большевиков в вопросе о мире.

Ключевые слова: Беларусь, солдаты Западного фронта, Февральская революция, органы власти, Советы депутатов, революционная демократия, Октябрьская революция, военно-революционный комитет, гражданская война.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

SOLDIERS IN FEBRUARY AND OCTOBER REVOLUTIONS IN BELARUS

The role of the military of the Western Front, Dvinsk and Minsk military districts in military life democratization, establishing the Soviets and their activity, solving state and social problems in Belarus in the period of the peaceful development of the February revolution are shown. The author outlines the peaceful and reformational nature of state and society transformations, the lack of the anti-government movement in Belarus, the people's aspiration to secure the gains of the revolution with the help of the Constituent Assembly. Repercussions of the Provisional Government's and the left parties' policy towards the army in July – October 1917, i. e. weakening of its combat effectiveness, growing anarchy and threats to civilians, are noted. The reasons for the relatively easy assumption of power by the Bolsheviks in Belarus after the October Revolution in Petrograd are given. The article details the social and party composition of the new authorities in the form of the Military Revolutionary Committee and new Soviets. The data about the deterioration of moral, political and economic situation at the local level are quoted. The emphasis is placed upon the Bolsheviks' short-sighted peace policy.

Key words: Belarus, soldiers of the Western Front, the February revolution, authorities, the Soviets of Deputies, revolution democracy, the October revolution, Military Revolutionary Committee, Civil War.

Введение. Во всех советских республиках было написано множество монографий и статей о Февральской и Октябрьской революциях, а также о роли в них армии. По причине идеологической (в интересах правившей партии) заданности данных трудов научная значимость их невелика. Тот же изъян характерен для творчества белорусских, в том числе современных, авторов. Остаются достоверными разве что помещенные сведения о количественном составе войск, их дислокации, вооружении и т. д. Но важнейший вопрос о том, насколько общественно-политическая активность армии в 1917 г. отвечала людским и государственным интере-

сам, до сих пор остается открытым. Есть определенная целесообразность и возможности рассмотреть его на примере войск Западного фронта и Двинского и Минского военных округов, размещавшихся на территории Беларуси.

Основная часть. К началу 1917 г. войска фронта, насчитывавшие около полутора миллиона военнослужащих, мобилизованных главным образом из центральных губерний империи, активно готовились к летней кампании. В надежде на ее благоприятный исход в прифронтовую зону стали возвращаться беженцы. Несмотря на тяготы военного времени, существовавшая здесь социально-экономическая

и политическая обстановка не предвещала никаких коллизий. Поэтому штаб Западного фронта и начальствующий состав округов, которым, кроме прочего, принадлежала вся административная власть, четко и своевременно отреагировали на события в столице [1, с. 18–19].

Как известно, переход восставших солдат Петроградского гарнизона на сторону рабочих завершился 27 февраля 1917 г. арестом царского правительства. Судьбу же самодержавия решил высший генералитет Вооруженных Сил страны, сумевший убедить своего Верховного главнокомандующего Николая II в необходимости отречения от трона. Основной заботой профессиональных военных и патриотически настроенной элиты стали сохранение и улучшение боеспособности Вооруженных Сил.

До времени, пока последние Манифесты царя не были обнародованы, новый главковерх Н. Н. Романов приказал всем командирам удерживать «чинов армии и флота» в повиновении и направлять их энергию на совместную с союзниками борьбу против «грозного врага». В своем приказе от 4 марта главнокомандующий Западным фронтом А. Эверт потребовал от подчиненных, кроме поддержания дисциплины, «не заниматься политиканством» [1, с. 19].

С ведома и при участии военных в городах Беларуси сформировались «комитеты общественной безопасности», отряды милиции и прошли празднования «Дня Свободы». До середины марта командованию удалось удержать под своим началом всех военнослужащих и привести их к присяге новому правительству. Однако проникавшие в их среду призывы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (РиСД) о создании в воинских частях выборных комитетов как руководящих органов для рядового состава, помимо прочего, поспособствовали его вовлечению в политику. Чтобы предотвратить обозначившийся раскол между офицерами и солдатами, военный министр А. Гучков распорядился об устранении из армейской жизни порядков, унижавших достоинство «нижних чинов», а также о создании совместных офицерско-солдатских организаций. В целях укрепления доверия всех военнослужащих к Временному правительству военный министр назначил нового главнокомандующего Западным фронтом, а также главных начальников Двинского и Минского военных округов.

С 29 марта по 3 апреля 1917 г. в столице прошло Всероссийское Собрание Советов рабочих и солдатских депутатов с участием представителей Витебска, Гомеля, Двинска, Минска и Западного фронта [2, с. 16]. Его делегаты, отнеся себя к «революционной демократии», поддержали политику Временного правительства,

направленную на укрепление революционных завоеваний и решение всех проблем Учредительным собранием, а также на продолжение войны до заключения мира.

Данные резолюции Собрания были использованы активистами социалистических партий в целях демократизации армии. В результате состоявшегося в Минске с 7 по 17 апреля съезда солдатских и рабочих депутатов Западного фронта в районе его расположения возникло 7287 солдатских объединений во главе с Фронтовым комитетом (Искомзап) [3, с. 33].

Процесс демократизации армии ускорила утвержденная в мае 1917 г. «Декларация прав солдата-гражданина» [1, с. 75].

Инициаторы нововведений в армии из числа «революционной демократии» полагали необходимым исключить возможность использования ее в контрреволюционных целях, а также надеялись на повышение ее боеспособности в деле «революционной обороны» страны. Либеральная и умеренно-социалистическая часть общественности полагала, что предназначение армии – бороться до полного разгрома врага, а поэтому также выступала за укрепление в ней дисциплины и воли к победе. В обоих случаях общество было вправе ожидать от армии боевых успехов. Со своей стороны оно прилагало немалые усилия по оказанию ей моральной и материальной помощи. Так, весной – летом жители Беларуси активно подписывались на военный «Заем Свободы», жертвовали продукты, вещи и деньги в пользу окопников, боролись с дезертирством и т. д. [4, с. 34].

Лозунг большевиков «Долой войну!» хоть и не находил поддержки у основной массы военнослужащих, тем не менее вносил сомнение в целесообразность летнего наступления русской армии. В условиях возрастания влияния солдатских комитетов, ослабления управления войсками и безграничной свободы слова стратегические задачи армии стали предметом обсуждения общественности и самих фронтовиков. В результате дискуссий на предмет летней кампании и способов достижения мира среди готовившихся наступать так и не сложилось единого мнения. И в то время, как в городах Беларуси прошли манифестации в поддержку начавшегося наступления, а Искомзап и Минский Совет РиСД обнародовали аналогичные резолюции, войска Юго-Западного и (частично) Западного фронтов во многом под воздействием «преступной пропаганды большевиков» [5] отказались выполнять приказы командиров и с большими потерями были отброшены на прежние позиции.

К этому времени в Петрограде сконцентрировалась масса солдат, не желавших отпра-

ляться на фронт. 3–4 июля отдельные их части, возглавляемые большевиками и анархистами, попытались свергнуть Временное правительство. К счастью для всей России, у руководителей ВЦИК Советов РиСД хватило сил, чтобы ликвидировать путч. Вновь созданному Правительству спасения революции во главе с министром-председателем А. Керенским удалось консолидировать общество. Большую роль в этом оказала «революционная демократия» Беларуси в лице Советов, а также Западного фронта, представленного Искомзапом.

В середине августа в целях предупреждения анархических процессов А. Керенский и Верховный главнокомандующий генерал Л. Корнилов пришли к соглашению о необходимости замены большевизированных частей Петроградского гарнизона надежными войсками, главным образом казачьими эскадронами. Однако, испугавшись опасности военной диктатуры и отстранив Л. Корнилова от должности, А. Керенский тем самым спровоцировал новый политический кризис, который в конечном счете еще больше ослабил дисциплину в войсках и усилил влияние в них большевиков [1, с. 160].

В Беларуси солдатское нежелание воевать, помимо прочего, негативно отразилось на крестьянских поставках армии продовольствия и фуража, здесь участились случаи грабежей помещичьих имений и возросла преступность с участием военнослужащих. В ряде гарнизонов (Минск, Бобруйск, Витебск) усилились антиеврейские настроения, а в Речице произошел еврейский погром [1, с. 172].

Занятая предвыборной кампанией в Учредительное собрание, местная «революционная демократия» в целом вяло отреагировала на призыв о посылке на II Всероссийский съезд РиСД своих делегатов. Из Беларуси и с Западного фронта на него были направлены главным образом солдаты, требовавшие окончания войны и передачи власти Советам.

Вести о восстании большевиков в столице были встречены на местах с тревогой и осуждением. 25 октября съезд крестьян-солдат Западного фронта, заседавший в Минске, заявил, «что никому не позволит захватывать силой власть в республике без согласия большинства народа и сумеет в случае надобности обуздать силой тех, кто не захочет с ним считаться» [6].

Как и в дни «корниловского мятежа», в губернских и уездных центрах на базе Советов и городских самоуправлений возникли общественные комитеты. 27 октября в Минске созданный на базе Искомзапа Комитет спасения революции с помощью казачьих частей принудил большевиков Минского Совета РиСД передать ему захваченную власть [7, с. 2].

Местные советские и партийные лидеры ПС-Р, РСДРП, Бунда и т. д. не стремились к полному подавлению большевиков, а сосредоточив власть в «комитетах спасения», ожидали исхода борьбы в столице. Когда же поход на Петроград войск А. Керенского закончился их поражением, то властные и политические структуры, выступавшие против большевиков, были вынуждены свернуть свою деятельность.

Дальнейшее развитие событий в стране зависело от того, как поведет себя солдатская масса, привыкшая воспринимать их суть через резолюции столичных центров «революционной демократии». Теперь таким центром представлялся II Всероссийский съезд Советов РиСД. В числе его первых постановлений, принятых 26 октября, были декреты «О полноте власти Советов» и «Об армейских революционных комитетах», согласно которым, помимо прочего, надлежало ликвидировать власть Временного правительства на местах [7, с. 18–19]. На расширение числа сторонников «рабоче-крестьянской революции» были рассчитаны и постановления съезда об отмене смертной казни, освобождении осужденных по политическим делам военнослужащих и др.

Принятие Временным рабочим и крестьянским правительством во главе с В. Лениным «Декрета о мире» обеспечивало ему поддержку со стороны части вооруженных сил в обмен на гарантии прекращения войны. В значительной мере решимость этих солдат, главным образом набранных из деревни, усиливалась обнародованием еще одного документа – «Декрета о земле». Характерно, что его публикация была осуществлена в номере «Правды» за 28 октября вместе с «Декретом о печати», на основании которого закрывались все газеты, осуждавшие большевиков.

Переворот на фронте и в гарнизонах происходил в рамках существовавшей солдатской демократии – путем перевыборов эсеро-меньшевистских комитетов и их большевизации. Именно здесь, в районе действующей армии, располагались воинские соединения, готовые оказать поддержку своим товарищам в тылу, которые взяли на себя задачу установления власти Советов в населенных пунктах Беларуси. Совместно созданные военно-революционные комитеты заполнялись членами РСДРП(б), а также (чаще в Могилевской губернии) левыми эсерами. С помощью ВРК Советы превращались в органы государственной власти. В случае, если их депутаты отказывались признавать Советскую власть и ленинский СНК, то они либо переизбирались, либо разгонялись. По словам коменданта Витебска С. Крылова, переворот в городе «носил характер солдатской революции» [7, с. 18]. Но и после большевизации

Советов ВРК не прекращали своей деятельности. Даже в Минске основные рычаги управления городом сосредоточились не в Совете, а в ВРК Западного фронта, а руководство ими осуществляли одни и те же лица. С конца ноября такая же военизированная власть без участия в ней рабочих утвердилась в Борисове, Гомеле, Могилеве и других городах.

13 января газета «Звезда» сообщала, что «Советская власть в Минске и Западной области прежде всего опирается на армию, а потом на крестьянство». Через неделю В. Кнорин уточнил, что «пролетарская большевистская партия здесь, в Западной области, до этого времени была военной организацией, а вся работа в Советах лежала на плечах солдат» [2, с. 121]. При этом Советы КД объединялись с Советами РиСД и теряли самостоятельность. В соответствии с инструкцией ВРК Западного фронта, приступая к реализации «Декрета о земле», планировалось «имения, хорошо обустроенные и оборудованные... передать в распоряжение Советов батрацких депутатов» [7, с. 67], коих еще не было создано. Но таких имений, по причине участвовавших грабежей помещичьего имущества, главным образом со стороны утративших управление солдат, оставалось все меньше. И в то же время с приходом к власти большевиков усилились погромные настроения в Гомельском, Мозырском, Речицком гарнизонах. По сообщению «Советской правды» от 25 января, «в последнее время» в городах и местечках Западной области начались еврейские погромы. Солдаты, самовольно оставившие фронт, учинили погромы в Радошковичах, Койданове и других местах.

Следует отметить, что в Беларуси новая власть, действовавшая в основном с опорой на армию, стремилась дискредитировать либо подавить местные организации, которые отстаивали свои национальные интересы. Так, в ночь с 17 на 18 декабря по приказу СНК Западной области и фронта солдаты Минского гарнизона разогнали делегатов Всебелорусского съезда, а чуть позже запретили деятельность белорусских организаций и распустили их национальные формирования. Такая же судьба постигла польские и украинские организации, отказавшиеся от «демократизации» своих воинских формирований [7, с. 99, 108].

Становление Советов как органов власти затруднялось и тем обстоятельством, что бразды правления населенными пунктами принадлежали демократически избранным городским и земским самоуправлениям. Их опорой являлись все партии и организации, которым удалось получить места гласных. Они же являлись хранителями и революционных завоеваний,

убежденными сторонниками полновластия Учредительного собрания и т. д. Большевики с момента своего прихода к власти были вынуждены прибегать к мерам, которые в недавнем прошлом сами резко отвергали и осуждали, в том числе закрытие оппозиционных газет, ограничение прав и свобод своих политических противников. Не прошло и месяца, как снова стала применяться смертная казнь. Так, 21 ноября в районе Жлобина была расстреляна группа офицеров и дорожный техник «как активных врагов революции» [8, с. 262]. Практика внесудебных репрессий была использована против членов Союза землевладельцев во всех уездах Могилевщины с объявлением их «вне закона» и «заключением без указания срока». По приказу главковерха Н. Крыленко генерал И. Довбор-Мусницкий объявлялся «вне закона», а офицеры польского корпуса, взятые в плен с оружием, подлежали «немедленному революционному суду», а в случае сопротивления – «расстрелу на месте» [7, с. 138]. Таким образом, лозунг большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую в значительной степени осуществлялся.

Установление Советской власти происходило на фоне разрушительных процессов в армии. Так, основное внимание нового руководства солдатских организаций – от ротных до фронтовой – сосредоточивалось на подготовке переговоров с противником о заключении перемирия. В ночь на 12 ноября Западнофронтовой ВРК отстранил от должности главкозапа генерала П. Балуюва за нежелание вступить в переговоры с немцами о заключении перемирия. 14 ноября новый главкозап большевик В. Каменщиков распространил «Инструкцию по подготовке перемирия на фронте» и отдал приказ о начале переговоров [2, с. 184]. Исполнявший обязанности главковерха генерал Н. Духонин отказался начинать таковые, считая, «что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством». В ответ прапорщик Н. Крыленко, назначенный новым главковерхом, в своем приказе от 13 ноября объявил Н. Духонина «врагом народа» и возглавил отряд для разгрома Ставки. Не случайно поэтому через неделю генерал был зверски убит «революционными матросами», прибывшими в Могилев. В этот же день в Брест-Литовске начались мирные переговоры, а с 23 ноября на Западном фронте вступило в силу двухмесячное перемирие [7, с. 45–46].

На фоне (а чаще – под видом) «борьбы за мир» через введение принципа избрания командиров была окончательно разрушена старая система управления войсками, а затем – и сама армия. Ее умышленный развал происходил не только из-за отсутствия у большевиков

необходимости в многомиллионных Вооруженных Силах в связи с имевшим произойти заключением мира, но и их опасностью для большевистского руководства в случае, если бы оно не выполнило обещания закончить войну.

К зиме Областной комитет Западной области и фронта стал более осмотрительно относиться к демобилизации солдат, поскольку по мере разрастания гражданской войны большевикам понадобились боеспособные части на борьбу с Калединым и Украинской Радой, то есть на «внутренний фронт». Одновременно им понадобились добровольцы на случай возобновления военных действий против кайзеровских войск. Для этих целей ВРК занялся формированием Красной гвардии. В ее ряды приглашались члены РСДРП(б), рабочие и крестьяне. Беспартийные могли записаться по рекомендации 2 партийцев. 15 января 1918 г. в условиях эскалации гражданской войны СНК РСФСР объявил о создании добровольной рабоче-крестьянской Красной Армии для замены постоянных Вооруженных Сил и поддержки могущей произойти социалистической революции в Европе. В то же время в результате демобилизации, сопровождавшейся повальным дезертирством, к февралю 1918 г. силы Западного фронта составили 150 тыс. штыков. По словам большевика Г. Устинова, «солдаты устали от войны, они спешили домой. Нетерпение быть скорее дома проникло даже в среду членов самого Облискомзапа, из состава которого дезертировала почти половина» [7, с. 49].

В Беларуси и на Западном фронте расчет большевистского руководства трудящихся себя не оправдал. Вновь созданные по классово-партийному принципу отряды Красной Армии были немалочисленными и состояли, главным образом, из военнотружущих, значительную часть

из которых составляли солдаты из латышских и польских формирований.

Большевики Беларуси и Западного фронта разделяли позицию Л. Троцкого «Войны не вести, мира не подписывать», занятую им на переговорах в Бресте, поэтому Облискомзап даже не пытался организовать оборону и с наступлением германцев эвакуировался в Смоленск. Уже оттуда 23 февраля главкомзап А. Мясников призвал к «обороне Западных рубежей революционной России – от Витебска до Гомеля» [9]. По сути, нигде в Беларуси, кроме Витебского района, противник не встретил на своем пути серьезного сопротивления.

Заключение. В результате германской оккупации местное население утратило все завоевания обеих революций. Можно считать, что одним из завоеваний Февральской революции являлась сама армия, которая, в отличие от революции 1905–1907 гг., стала опорой нового, демократического строя. В Беларуси, как и повсюду в стране, солдаты (и отчасти младшие офицеры) приняли участие в демократизации власти, решении аграрной и продовольственной проблем. В то же время в результате недальновидной политики Временного правительства и «революционной демократии» солдаты не выполнили своей основной функции по защите страны и стали инструментом в руках крайне левой партии большевиков по захвату ею власти в стране. После Октябрьского переворота солдаты действующей армии и гарнизонов Беларуси приняли участие в разжигании гражданской войны, подавлении политических противников правящей партии. Часть солдат, забывших о воинском долге, оставила фронт и создала угрозу для жизни местного населения. Не случайно без его участия солдаты Красной Армии не смогли дать отпор германским войскам и отстоять «власть Советов».

Литература

1. Семенчик Н. Е. Общественно-политическая жизнь в Беларуси в период Февральской и Октябрьской революций (март 1917 – март 1918 гг.). В 2 ч. Ч. 1. Общественно-политическая жизнь в условиях демократического режима. Минск: БГПУ, 2001. 200 с.
2. Всероссийское Сопещение Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. 356 с.
3. Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Наука, 1975. 343 с.
4. Семенчик Н. Е. Наступательная кампания русской армии 1917 г. в судьбе Февральской революции // Труды БГТУ. 2011. № 5: История, философия, филология. С. 33–35.
5. Витебский листок. 1917. 10 июля.
6. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 339. Л. 18.
7. Семенчик Н. Е. Общественно-политическая жизнь в Беларуси в период Февральской и Октябрьской революций (март 1917 – март 1918 гг.). В 2 ч. Ч. 2. Общественно-политическая жизнь в условиях складывания тоталитарного режима. Минск: БГПУ, 2001. 160 с.
8. В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Воспоминания активных участников Октябрьской революции. Минск: Гос. изд-во БССР, 1957. 372 с.
9. НИАБ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 148. Л. 61.

References

1. Semenchyk N. Ye. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Belorussii v period Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolutsiy (mart 1917 – mart 1918 gg.)* [Social and political life in Belarus in the period of February and October revolutions (March 1917 – March 1918). In 2 parts. Part 1. Social and political life in the conditions of the democratic mode]. Minsk, BGPU Publ., 2001. 200 p.
2. *Vserossiyskoye Soveshchaniye Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov. Stenographicheskiy otchiet* [All-Russian Conference of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies. Verbatim Report]. Moscow; Leningrad, 1927. 356 p.
3. Andreev A. M. *Soldatskiye massy garnizonov russkoy armii v Oktyabr'skoy revolutsii* [The soldiers of the Russian army garrisons in the October Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 343 p.
4. Semenchyk N. Ye. Offensive campaign of the Russian army in the fate of the February Revolution *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2011, no. 5: History, Philosophy, Philology, pp. 33–35 (In Russian).
5. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, 10 of July (In Russian).
6. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 3. F. 339. L.18.
7. Semenchyk N. Ye. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Belorussii v period Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolutsiy* [Social and political life in Belarus in the period of February and October revolutions (march 1917 – march 1918). In 2 parts. Part 2. Social and political life in the conditions of stowage of the totalitarian mode]. Minsk, BGPU Publ., 2001. 160 p.
8. *V bor'be za Oktyabr' v Belorussii i na Zapadnom fronte. Vospominaniya aktivnykh uchastnikov Oktyabr'skoy revolutsii* [In the struggle for October, Byelorussia and on the Western Front. Memories of the active participants of the October Revolution]. Minsk, Gosudarstvennoye izdatel'stvo BSSR Publ., 1957. 372 p.
9. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 622. I. 1. F. 148. L. 61.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 14.03.2018

УДК 947.6.«1917»

І. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АКТИВИЗАЦИЯ ПРАДПРИМАТЕЛЬНИЦКОЙ ИНИЦИАТИВЫ
ВЯСКОУЦАЎ БЕЛАРУСКИХ ГУБЕРНИЙ НА ЭТАПЕ
РАЗГОРТВАННЯ ЛЮТАЎСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

У артыкуле асвятляецца актывізацыя прадпрымальніцкай ініцыятывы вясковых жыхароў беларускіх губерняў з сакавіка па кастрычнік 1917 г. Аўтар адзначае, што ў сакавіку сітуацыя з забеспячэннем сельскагаспадарчай прадукцыяй фронту і горада некалькі палепшылася. Вясной 1917 г. сяляне Беларусі, агорнутыя шырокай агітацыйна-прапагандысцкай кампаніяй з боку новаабраных дзяржаўных структур і грамадска-палітычнымі сіламі, чула ставіліся да заклікаў прадаваць хлеб па «цвёрдых цэнах». Летам 1917 г. павялічваюцца тэмпы таемнага продажу сельгаспрадуктаў па высокіх цэнах, распаўсюджваецца вінакурэнне. Прынятыя Часовым урадам меры, накіраваныя на стымуляванне продажу дзяржаве хлеба, кардынальна сітуацыю не выправілі. Дэфіцыт фабрычна-завадскіх тавараў, інфляцыя, палітычная нестабільнасць дрэнным чынам адбіліся на стаўленні селяніна да патрэб армейцаў, гараджан і дзяржавы ў цэлым.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, «цвёрдыя цэны», вінакурэнне, аграрнае пытанне, рэквізіцыі, дэфіцыт.

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**REVITALIZATION BUSINESS INITIATIVE
VILLAGERS BELARUSIAN PROVINCES ON THE STAGE
THE DEPLOYMENT OF THE FEBRUARY REVOLUTION**

The article highlights actively entrepreneurial initiative of rural inhabitants Belarusian provinces from March to October 1917. The Author notes that in March 1917 the provision of rural-Gospodarczy production front and the city a few palep were. In the spring of 1917 the peasants of Belarus is shrouded in a public outreach campaign from novourania state structures and socio-political forces heard belonged to appeals to sell bread at “fixed prices”. In the summer of 1917 increased the secret sale of agricultural products at high prices, is distributed wakaranai. Passed by the Provisional government measures aimed at stimulating sales to the state of bread drastic the situation is not corrected. The shortage of factory goods, inflation, political instability bad impact on the relation of the peasant to the needs of the army, citizens and the state completely.

Key words: revolution, “rigid prices”, vakarine, the agrarian question, requisition, shortage.

Уводзіны. Праблема жыццядзейнасці вясковых жыхароў, а таксама харчовае забеспячэнне фронту і горада ў гады Першай сусветнай вайны і міжрэвалюцыйнага перыяду не трапіла ў лік прыярытэтных распрацовак гісторыкаў савецкага перыяду.

У 20–30 гг. XX ст. у мемуарах Я. С. Канчара, Ф. Ф. Турука, В. Г. Кнорына, А. Р. Чарвякова, А. С. Славінскага і іншых былі закладзены асновы канцэпцыі развіцця рэвалюцыі на Беларусі і ролі ў ёй сялянства. Сялянская тэматыка раскрываецца фрагментарна ў кантэксце класавай барацьбы, антыўрадавай дзейнасці, асуджэння апанентаў большавікоў, сялянская гаспадарка ацэньваецца як адсталая. Між тым змястоўна асвятляецца дзейнасць салдат – рэвалюцыйнай, на іх думку, сілы. У ліку прац таго часу вылучаецца манаграфія дырэктара Кан’юнктурнага інстытута пры Наркамце фінансаў СССР М. Д. Кандрацьева «Рынок

хлебов и его регулирование во время войны и революции», дзе змешчаны аналітычны агляд з табліцамі па хлебных культурах у 1914–1918 гг., руху цэн на прадукты па Расіі.

У першае дзесяцігоддзе заканчэння Вялікай Айчыннай вайны вывучэнне гісторыі Беларусі 1917 г. запаволілася і больш ідэалагізавалася. Хрушчоўская «адліга» спрыяльна паўплывала на развіццё гістарычнай навукі, у тым ліку на сялянскай тэматыцы. З’явіліся працы Ф. А. Зеляноўскага, Е. П. Лук’янава, І. Я. Марчанкі, А. М. Анфімава, П. В. Валабуева, Л. П. Ліпінскага. Узбагацілі айчынную гістарыяграфію новыя падыходы, адлюстраваныя ў манаграфіі І. М. Ігнаценкі. У 80-я гг. навукоўцы пазнаёміліся з манаграфіяй Т. М. Кітанінай «Война, хлеб и революция».

У савецкі перыяд абагульняючая праца па жыццядзейнасці сялянства Беларусі так і не з’явілася. Былі пакінуты без агляду актуальныя

тэмы лютага: настроі і паводзіны сялянства ў першыя месяцы рэвалюцыі, стварэнне рознагаліновых камітэтаў, урадавых камісарыятаў і выбары земстваў, рэалізацыя аграрнай і харчовай палітыкі Часовага ўрада і выканання нарыхтоўчых нарадаў, збор сродкаў на карысць арміі і падпіска на Пазыку Свабоды, эканамічнае становішча вяскоўцаў, разгортванне таёмнага вінакурэння і продажу сельскагаспадарчых прадуктаў, узаемаадносіны сялянства з гараджанамі, франтавікамі, батракамі, асвета, духоўнае жыццё і інш.

У найноўшай гісторыі Беларусі жыццядзейнасць вяскоўцаў па сакавік 1917 г. асветлена са старых пазіцый І. М. Ігнаценкі ў калектыўным творы «Гісторыі сялянства Беларусі». Пэўныя намаганні прадпрыняты шэрагам іншых айчынных даследчыкаў [1, 2, 3].

Асноўная частка. Часовы камітэт пры Дзяржаўнай думе на чале з М. У. Радзянка, а затым Часовы ўрад з Г. Я. Львовым разумелі небяспечнасць чарговых харчовых выступленняў для рэалізацыі праектаў новаўтворанай дзяржавы (скліканне Устаноўчага сходу, перамога ў вайне, дэмакратычнае абнаўленне і інш.).

У першыя месяцы Лютаўскай рэвалюцыі пры падтрымцы «рэвалюцыйнай дэмакратыі» ўрад прыняў шэраг сур'ёзных захадаў, накіраваных на барацьбу з вінакурэннем, таёмным продажам сельскагаспадарчых прадуктаў, стабільнае паступленне хлебных прадуктаў у армію і горад. Прыняты меры і пастановы: 1 сакавіка – «Аб рэквізіцыі хлебных запасаў ва ўладальнікаў, якія маюць не менш 50 дзесяцін ворыва», 3 сакавіка – заснаванне харчовых камітэтаў (з правам уліку сельскагаспадарчай прадукцыі, правядзення рэквізіцый, усталявання норм спажывання і тэрмінаў збору ўраджаю, размеркавання пайкоў, барацьба са скупшчыкамі), 25 сакавіка – увядзенне дзяржаўнай манополі на хлебныя запасы і ўраджай 1917 г. (увядзенне крымінальнай адказнасці за ўкрыццё хлеба і інш.), 11 красавіка – «Аб ахове пасеваў» (права на арэнду зямель, якія пуставалі) і ўвядзенне крымінальнай адказнасці за продаж спіртowych напояў (да 1 года турэмнага зняволення).

Да гарадскога насельніцтва неакупаванай Беларусі звесткі аб рэвалюцыйных падзеях у Петраградзе трапілі з мясцовых і сталічных газет. У першыя дні рэвалюцыі новапрызначаныя губернскія камісары (Б. М. Самойленка, Ф. Я. Хамянтоўскі, М. Л. Карташоў, В. С. Байлай) і рэлігійныя дзеячы (упраўляючы Магілёўскай Архіепархіяй епіскап І. Цэпляк, Епіскап Слуцкі Феафілакт) звярнуліся да гарадскога і сельскага насельніцтва з тлумачэннямі значнасці петраградскіх падзей для народа і заклікам захоўваць парадак, не прыпыняць хлебныя пастаўкі фронту.

У сакавіку – красавіку 1917 г. падобныя адозвы і пастановы Часовага ўрада, губернскіх камісараў на павятовым і валасных ўзроўнях былі агучаны на мітынгах, шэсцях, царкоўных малебнах, паніхідах, арганізаваных дзяржаўнымі і грамадска-палітычнымі сіламі. У выніку сходы вяскоўцаў актыўна дасылаюць свае рашэнні аб «шчырым вітанні» новага ладу і гадоўнасці пастаўляць хлеб.

Так, Ерамічаскі валасны сход, выслушаўшы маніфест аб адмове ад трона Мікалая I, пастанавіў: «перайсці да новага ўраду... сярод нас і насельніцтва воласці захаваць цішыню і супакой, а для задавальнення вайны да пераможнага канца асыгнаваць з сум мірскіх запасных грошаў трыста рублёў і для бяспекі нашай арміі і тыла ахвяраваць хлеба ў зерне па 2 пуда з кожнага поўнага ўчастка» [4]. Паводле «Русскаго слова» ад 23 сакавіка, сяляне валасцей Гавезнянскай, Пацейкоўскай і Целядовіцкай ахвяравалі на патрэбы дзеючай арміі 1166 пудоў жыта.

Тлумачальная кампанія прынесла свае станоўчыя вынікі. У сакавіку – красавіку цэны на прадукты харчавання прыпынілі свой імклівы рост і нават у некаторых месцах панізіліся. Так, на старонках «Мінскага голасу» 11 і 13 сакавіка адзначалася, што ў Гомелі і Мінску «Цэны на муку і іншыя прадукты панізіліся на 50 працэнтаў, падвоз зерня і мукі з павятаў значна ўзмацніўся». У артыкуле ад 20 сакавіка адзначалася, што ў Мінску «цэны на цукар панізіліся з 30–32 руб. да 25 руб. за пуд... прычына жах гандляроў адказнасці за ўтойванне запасаў і рэквізіцыя».

Газета «Могилевский вестник» ад 17 сакавіка адзначае: «У Горках цана на хлеб панізілася да 8 кап. за фунт... У Магілёве замест мінулых 15, чорны хлеб прадаецца зараз па 11–12 кап. за фунт... масла – 50 кап. за фунт. На мяса цэны трымаюцца».

Паводле пастановаў ад 25 сакавіка, для хлябоў ураджаю 1916 г. былі ўсталяваны наступныя цэны: жыта для Магілёўскай і Віцебскай губерняў – 2 руб. 65 кап., Мінскай – 2 руб. 70 кап.; пшаніца для Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай – 3 руб. 35 кап.; авёс для Магілёўскай, Віцебскай – 2 руб. 65 кап.; ячмень для Магілёўскай – 2 руб. 35 кап., Віцебскай і Мінскай – 2 руб. 40 кап.; грачыха для Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай – 3 руб. 35 кап.; проса для Магілёўскай – 2 руб. 90 кап., Мінскай, Віцебскай – 2 руб. 95 кап.; гарох для Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай – 3 руб. 30 кап.

Вясной 1917 г. у справаздачах урадавых структур, на старонках газет зрэдку трапляліся паведамленні аб шпаркім росце цэн на сельгаспрадукты, таёмным продажы хлеба па звышаных цэнах або вінакурэнні. Вынікі хлебных

збораў вясной 1917 г. надалі ўпэўненасць міністру земляробства Шынгарову А. І. заявіць пра тое, што ў гарадах і на фронце няма падстаў бяцца сур'ёзнага крызісу.

Па Магілёўшчыне рыначныя цэны на сельгаспрадукты з лютага па красавік змяніліся наступным чынам і наблізіліся да зацверджаных дзяржаўнымі структурамі: жыта (1 пуд) з 4 руб. 31 кап. да 3 руб. 61 кап., ячмень 3 руб. 94 кап. – 3 руб. 67 кап., авёс 3 руб. 19 кап. – 3 руб. 33 кап., грачыха 4 руб. 92 кап. – 4 руб. 32 кап.; жытняя мука 5 руб. 24 кап. – 4 руб. 43 кап.; каровіна масла (1 фунт) з 2 руб. 72 кап. да 2 руб. 09 кап.; малако (1 вядро) з 4 руб. 15 кап. да 3 руб. 59 кап. [5]. Пад Вялікдзень цэны на яйкі і муку традыцыйна павысіліся.

Адчувальны недахоп з забеспячэннем прадуктамі харчавання фронту і горада стаў вызначэцца з канца чэрвеня 1917 г. Звязана гэта з пэўнымі аб'ектыўнымі і суб'ектыўнымі абставінамі: зменай кабінетаў Часовага ўрада, абвастрэннем палітычнай сітуацыі, пагаршэннем сітуацыі на фронце, слабым кантролем з боку міліцыі, ростам цэн на хлеб і яго дэфіцытам на вёсцы, пашырэннем перагонкі зерня на спірт і продажам у далейшым салдатам і гараджанам, неадпаведнасцю «цвёрдых цэн» рыначным, дрэнным забеспячэннем вёскі фабрычна-завадскімі таварамі, неапраўданымі надзеямі на паскоранае вырашэнне набалелых праблем (аграрнае пытанне).

Варта азначыць, што пуд жыта харчовыя камітэты набывалі ў сялян па 2 руб. 70 кап., а прадавалі па 3 руб. 85 кап. У той самы час сялянскія ахвяраванні для фронту працягваліся.

Харчовыя камітэты губернскага, павятовага і валаснога ўзроўню пры падтрымцы Саветаў дэпататаў прымаюць рэзальцыі аб строгім уліку і абмежаванні запасаў хлеба (жыта, пшаніца, полба, проса, чачавіца, фасоль і гарох, кукуруза, ячмень і авёс, усякага роду мука, вотруб'е, крупы) для пракармлення да новага ўраджаю, перадачы ў загаванне харчовым камітэтам хлебных запасаў прыватных уладальнікаў і рэквізіцыі ўтойваемага хлеба за палову ад «цвёрдай цаны» і турэмным заключэнні за вінакурэнне [6].

У такіх умовах сяляне імкнуліся скарыстаць сітуацыю на сваю карысць і актыўна ўключыліся ў продаж па рыначных цэнах сваёй прадукцыі і вінакурэнне.

Паказальны артыкул карэспандэнта газеты «Новое Варшавское утро» І. Волка ад 3 жніўня пад назвай «В Полесской деревне». «У той час калі ў Петраградзе і Маскве ўсе крычаць аб голадзе, а яйкі прадаюцца па 98 коп. за дзес. (Петраград) і фунт пшанічнага хлеба каштуе 30–35 капеек у нас у Палесі, яйкі каштуюць летам ад

1 р. 10 к. да 1 р. 50 коп. за дзес., а фунт дрэннага пшанічнага хлеба 50–60 кап. касцы за 8 гадзін рабочага дня бяруць па 12–15 рублёў».

Затым паведамляецца, што сялянін «неахвотна растаецца з запасамі прадуктаў, дакладна разумея, што далей яны спатрэбяцца ім больш... Нядаўна ў Мінскім павеце сгарэла ў розных асоб, некалькі дзесяткі тысяч рублёў зберажэнняў. Сяляне займаюцца вывазам (бярвенняў) на лесапілку Усерасійскага земскага саюза ў с. Денісковічах (Слудскага павета Мінскай губерні) і маюць на паракопнай падвозе да 400–600 руб. чыстага прыбытка ў месяц. Зараз нават ад “замухрышкі” – палешука паказваю яму 100 рублёўку нярэдка чуешь пагардліва “Да хіба ж гэта сёння грошы!”».

Рост цэн і сялянскіх апетытаў у Магілёве прасочваецца ў газеце «Могилевская жизнь» ад 21 ліпеня, 20 жніўня і 28 верасня. Так, у ліпені гарлач смятаны каштаваў 1 руб. 50 кап., у верасні ўжо 2 руб. 50 кап., кураня 3 руб. – адпаведна 9–10 руб. Таму, зразумела, на старонках перыядычных выданняў сустракаліся паведамленні пра «спекуляцыйны разгул», «эпідэмію нажывы», якія панавалі ў горадзе і на вёсцы.

«Горад і мястэчкі літаральна жывуць у прогаладзь; галадаюць малаземельныя сяляне. Вольныя цэны на хлеб павысіліся да 10–12 руб. за пуд, але і за гэту цану не знайсці хлеба, сусед не прадае. Хлеб харчовым камітэтам не дае, а хавае... узяць хлеб у сяляніна можна толькі сілай» [7].

Пра паскораны рост сялянскіх грашовых дэпазітаў у ашчадных касах паведамлялася на старонках «Могилевской жизни» ад 6 жніўня.

4 жніўня Віцебская гарадская харчовая управа паведамляла губернскай аб тым, што «штодня трапляюць скаргі з боку гарадскога насельніцтва на сялян, якія прывозяць малочныя прадукты і другія прадукты для продажу ў горад і патрабуючых за іх неймаверна высокія цэны пры чым япошнія з кожным днём па жаданню асобных сялян павялічваюцца, гарадское насельніцтва ў зусім безвыходным палажэнні, таму шта пры высокай цане на мяса малочныя прадукты з'яўляюцца адным з галоўных прадметаў спажывання... гэта вакханалія... просьба разгледзіць на пасяджэнні губернскага харчовага камітэта».

У такіх умовах прадпрымальніцкая ініцыятыва сялян актывізавалася. Каб зарабіць у гэты складаны час, сяляне Мошканскай воласці набывалі хлеб па 7–8 руб. за пуд і прадавалі ў Віцебску за 15 руб. за пуд [8].

Павышэнне 29 жніўня ўдвая «цвёрдай цаны» на збожжа прынцыпова не выправіла сітуацыю, бо не паспявала за прапановамі рынку. 10 верасня старшыня Магілёўскага губернскага

харчовага камітэта Мусерскі І. М. на чарговым пасяджэнні выступіў з разгорнутым дакладам – пра недарод жыта, нежаданне вёскі «аддаваць хлеб гораду», актывізацыю «сялян-спекулянтаў», якія прадавалі па «цвёрдых цэнах», каб потым прасіць больш танны хлеб у харчовай управе. Па яго сведчанні, сяляне захоўвалі частку запасаў для далейшага вывазу за межы губерні і продажу па 20 руб. або «для самагонкі» [9]. Старшыня з гораччу канстатаваў, што харчовая ўправа не мае права распараджацца фабрычна-завадскімі таварамі для забеспячэння вяскоўцаў.

3 лета 1917 г. разгортваецца тайнае вінакурэнне для продажу вайскоўцам і гараджанам. Мясцовыя грамадска-палітычныя і адміністрацыйныя структуры прымалі пастановы з асуджэннем вінакурэння, арганізавалі міліцэйскія і грамадскія патрулі, пазбаўлялі «самакураў» хлебнага пайка і фабрычна-завадскіх тавараў. Прынятыя меры не здолелі карэнным чынам змяніць сітуацыю.

На пасяджэнні Віцебскага губернскага сялянскага з'езда адзначалася: «...ёсць і яшчэ адно зло: амаль ва ўсякім восеці ладкаваны маленькі вінакурны завод. Самагонкай гандлююць па 40–60 руб. чвэрць. Для чвэрці неабходна пуд хлеба. Карысна. Няма агульнай свядомасці. Сваім выбарным не давяраюць. Наогул мала ўзаемнага даверу і шмат зайздрасці і асобых інтарэсаў» [10].

На старонках газет прыфрантавой паласы сустракаліся абурэнныя артыкулы пра распаўсюджанне «ханжы» і «самагонкі». Так, у газеце «Новое Варшавское утро» ад 30 жніўня з абурэннем адзначалася: «...у прыфрантавых губернях і гарадох моцна квітнее варэнне “самагонкі” і ачыстка дэнатураванага спірта... Збытам жа гэтага прадукта займаюцца “чайныя” і “каварні”. “Крысталізацыя” – першы сорт цэніцца па 28 руб. за бутылку. “Самагонка” – 2 гатунак ад 8 – да 20 руб. за бут., “ханжа” нізкай пробы каштуе 5 руб. У попыце “спірт” 90° – 50 руб. шклянка. Па словах свабоднага вінакура, шклянка “самагонкі” і “ханжы” абыходзіцца не больш 2 руб.».

З пашырэннем дэмакратычных свабод у арміі і аслабленнем вайсковай дысцыпліны спажываць і рэалізоўваць самагонку пачалі

франтавікі, салдаты-дэзерціры. Так, 8 верасня член управы Казьянскага валаснога харчовага камітэта Клімаў затрымаў і склаў пратакол за бочачку самагону на салдата П. Данілава з вёскі Карысці [11].

У верасні Віленскі губернскі камісар В. С. Балай у дакладнай запісцы ахарактарызаваў мясцовага селяніна як чалавека, які з павагай ставіцца да парадку, мае моцную волю, валодае цярднасцю і жыццёвай хітрасцю, разуме свабоду як права на зямлю.

У кастрычніку сітуацыя з забеспячэннем сельскагаспадарчымі прадуктамі яшчэ больш пагоршалася і вырашэнне гэтай праблемы чакала іншых больш актыўных мерапрыемстваў. У гэты час кошт хлеба па Полацкім павеце дасягнуў 30 руб. за пуд [12].

На Магілёўшчыне пуд жыта каштаваў 19 руб. 99 кап. Таксама Віцебскаму губернскаму камісару паведамлялі аб цяжкім харчовым становішчы ў Дзвінскім павеце. Падобная складаная сітуацыя сустракалася практычна ва ўсіх паветах беларускіх губерняў.

Заклучэнне. 3 лютага сялянства Беларусі, як і ў цэлым па Расіі, было актыўна ўключана ў грамадска-палітычнае жыццё дзяржавы. Арганізавана вяскоўцы віталі на маніфістацыях, мітынгах, малебнах новы дзяржаўны лад і ўдзельнічалі ў выбарах новых органаў кіравання, рознагаліновых камітэтаў (харчовых, зямельных), дэмакратычных земастваў. Гэта пашырала круггляд, стымулявала ініцыятыву, самастойнасць. Таксама новыя ўмовы часу і абвостраныя старыя хваробы (дэфіцыт, дарагоўля, пашыраны попыт на рабочыя рукі, прадукты харчавання і інш.) актывізавалі дзелавыя і іншыя асабістыя якасці вяскоўцаў.

Дзяржаўныя і грамадскія сілы пераацанілі значнасць дэмакратычных рэформаў для сялянскай масы, не задаволілі іх гаспадарчыя патрэбы і ў першую чаргу не апраўдалі чаканні па зямельным пытанні. Сялянства вырашыла скарыстаць момант аслаблення дзяржаўнага кантролю для паляпшэння свайго эканамічнага стану.

У выніку адбылося несупадзенне інтарэсаў агульнаграмадскіх і агульнадзяржаўных з вузкакарпаратыўнымі сялянскімі. У той самы час вяскоўцы да самага пачатку новай рэвалюцыі працягвалі ахвяраваць арміі.

Літаратура

1. Семенчик Н. Е. Сельское хозяйство и промышленность Беларуси времен Первой мировой войны в отечественной историографии // Труды БГТУ. 2016. № 5: История, философия, филология. С. 19–23.
2. Семенчик Н. Е. Революции 1917 г. и их последствия в Беларуси // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2017. № 1. С. 47–52.
3. Рыжанкоў І. М. Харчовая палітыка Часовага ўрада ў Беларусі (верасень – кастрычнік 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2017. № 1. С. 53–57.

4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 60. Воп. 3. Спр. 242. Арк. 40.
5. Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці. Інвентарны № 1181. Цэны на галоўныя прадукты і прадметы сельскай гаспадаркі ў Магілёўскай губерні за 1917 г. С. 5–6.
6. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 59. Арк. 72.
7. По губернии // Могилевская жизнь. 1917. 25 августа. С. 3–4.
8. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 59. Арк. 131.
9. В губернском продовольственном комитете // Могилевская жизнь. 1917. 20 сентября. С. 2.
10. Губернский крестьянский съезд // Витебский листок. 1917. 13 июня. С. 2.
11. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 136.
12. По губернии // Витебский листок. 1917. 12 октября. С. 1.

References

1. Semenychuk M. Ye. Agriculture and industry of Belarus during the First world war in the national historiography. *Trudy BGTU* [Proceeding of BSTU], 2016, no. 5: History, philosophy, philology, pp. 19–23 (In Russian).
2. Syamenychuk M. Ye. The revolution of 1917 and their consequences in Belarus. *Trudy BGTU* [Proceeding of BSTU], series 6, History philosophy, 2017, no. 1, pp. 47–52 (In Russian).
3. Ryzhankou I. M. Food policy of the Provisional government in Russia (september – october 1917). *Trudy BGTU* [Proceeding of BSTU], series 6, History, philosophy, 2017, no. 1, pp. 53–57 (In Belarusian).
4. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 3. F. 242. L. 40.
5. State archives of Mogilev region. Inventory No. 1181. Prices on main products and items for agriculture in the Mogilev province for 1917, pp. 5–6.
6. NARB. Fund 624. I.1. F. 59. L. 72.
7. In the province. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilev life], 1917, 25 August, pp. 3–4.
8. NARB. Fund 624. I. 59. F. 59. L. 131.
9. In the provincial food Committee. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilev life], 1917, 25 September, p. 2.
10. Provincial peasant Congress. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, 13 June, p. 2.
11. NARB. Found 640. I.1. F. 7. L. 136.
12. In the province. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, 12 October, p. 1.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Ihar Mikhaylavich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Паступіў 23.03.2018

УДК 94(470)(476):323.1

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАКАНУНЕ
И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

В данной статье исследуется процесс трансформации белорусской государственности на советской основе в 20-х гг. XX вв. Ставится задача определения политического положения БССР в рамках СССР, очерчивания круга целей и задач, стоящих перед руководством советской Беларуси в рамках нового государственного образования. Обосновывается положение, что среди главных задач, которые выдвигались руководством БССР, на первом месте стояла не столько идея закрепления суверенитета, сколько собирания или, точнее, возвращения в состав БССР белорусских этнографических земель. В статье отмечается, что потеря части суверенитета после создания СССР не привела к свертыванию национально-государственного строительства в данный период в БССР, более того, осуществление политики белорусизации в рассматриваемое время способствовало подъему белорусской культуры и сплочению белорусских сил на советской основе. Отмечается, что воплощение белорусской национальной идеи произошло не в полном объеме, что обуславливалось и относительной слабостью национально-демократического течения белорусского движения, и своеобразным пониманием проблем государственности среди белорусских коммунистов, которые были склонны ставить на первый план классовые, а не национальные вопросы. Тем не менее период 20-х годов XX в. в истории белорусской государственности можно считать достаточно плодотворным временем.

Ключевые слова: государственность, БССР, СССР, белорусизация, укрупнение, суверенитет, нация.

A. A. Raychenok

Belarusian State Technological University

**PROBLEMS OF BELARUSIAN STATEHOOD BEFORE
THE FIRST YEARS OF EDUCATION OF THE USSR**

This article examines the process of transformation of the Belarusian statehood on a Soviet basis in the 1920s. XX centuries. The task is to determine the political situation of the BSSR within the framework of the USSR, outline the range of goals and tasks facing the leadership of Soviet Belarus in the framework of the new state formation. The author substantiates the position that among the main tasks put forward by the leadership of the BSSR, in the first place was not so much the idea of consolidating sovereignty, as the collection or, more precisely, the return to the BSSR of the Belarusian ethnographic lands. The article notes that the loss of a part of the sovereignty after the creation of the USSR did not lead to the curtailment of the national-state construction in this period in the BSSR, moreover, the implementation of the policy of belarusianization at the considered time led to the rise of the Belarusian culture and the rallying of the Belarusian forces on a Soviet basis. It is noted that the incarnation of the Belarusian national idea did not take place in full, which was conditioned both by the relative weakness of the national democratic movement of the Belarusian movement and by the peculiar understanding of the problems of statehood among the Belarusian Communists who were inclined to put class, and not national, issues at the forefront. Nevertheless, the period of the twenties of the 20th century, in the history of the Belarusian statehood, can be considered a rather fruitful time.

Key words: statehood, BSSR, USSR, belarusification, enlargement, sovereignty, nation.

Введение. История государственности находится в центре внимания любой национальной историографии, не является исключением и белорусская историческая наука. Следует отметить, что путь белорусского народа к обретению своей современной государственности не имел линейного характера, что во многом затрудняет его исторический анализ. Проблема существования белорусского государственности после образования СССР до сегодняшнего

момента не получила достаточного освещения в национальной исторической науке. После изменения исторической парадигмы в конце 80-х – начале 90-х г. возникло несколько направлений в исследовании проблемы белорусской государственности, каждым из которых предпринимались попытки выработать определенный методологический фундамент для своей концепции, но эти попытки, на наш взгляд, нельзя считать удачными. Особые труд-

ности возникают при толковании статуса БССР в составе СССР. Если советская историческая школа однозначно утверждала, что БССР – это полностью независимое государство, которое добровольно вошло в СССР и, несмотря на передачу определенных полномочий центральному руководству, сохраняло все признаки государственного суверенитета, то их оппоненты вообще не были склонны рассматривать БССР в качестве государственного или предгосударственного образования. Кажется, и то, и другое является преувеличением. Разумеется, полным суверенитетом БССР не обладала, но нельзя отрицать и тот факт, что после распада СССР получить и закрепить независимость смогли только те страны, которые на момент распада имели статус союзной республики.

Основная часть. Характеризуя отношения между советскими республиками до 1922 г., хотелось бы отметить, что исследователи так и не пришли к единому мнению. Некоторые из них считают, что СССР был своеобразной конфедерацией, другие видят в нем скорее федерацию. Западные исследователи в большинстве своем утверждают, что СССР – это империя с республиками-колониями. По нашему мнению, последний пункт зрения все же преувеличение, потому что данный период характеризуется противоречивыми тенденциями. Так, действительно существовало «имперское» направление, но оно окончательно победило только в годы установления единоличной власти Сталина. На тот же момент существовала и противоположная тенденция, направленная на расширение полномочий республик. Хотя она и была слабее первой, все же оказала значительное воздействие на события тех лет. По этой же причине нельзя согласиться, что это была конфедерация. По нашему мнению, СССР – это не создание чего-то принципиально нового, а юридическое закрепление положения, которое больше не могло существовать, если возможно так сказать, в подвешенном состоянии.

Создание СССР положило начало новому этапу существования белорусской государственности в качестве союзной республики. Новое положение Беларуси было противоречивым. С одной стороны, согласно союзной Конституции, БССР оставалась суверенной страной, с другой – ограниченность суверенитета была очевидна, что вызвало серьезную критику со стороны оппонентов Советской власти.

Нет смысла пересказывать обстоятельства образования СССР, поскольку они получили достаточное освещение в исторической науке. Довольно основательно проанализированы концепции В. Ленина и И. Сталина, но эта дискуссия интересует нас в той мере, в какой она

повлияла на дальнейшее развитие белорусской государственности.

Надо отметить, что по данному вопросу в свое время в высших партийных кругах обозначились глубокие разногласия. Одни хотели включить Беларусь, Украину и Закавказскую федерацию непосредственно в РСФСР на правах автономных республик. Вторые, сторонники крайней централизации, выступали за слияние всех республик в «Российскую Советскую Республику», отрицая федерацию вообще, по сути, пропагандируя единую и неделимую Россию, но уже советскую. С другой стороны, существовали партийные лидеры (преимущественно национальные), которые высказывались за более свободное федеративное государство, в котором даже автономные республики имели бы союзный статус. И. Сталин составил проект, который отражал позицию первых двух групп. Понятно, что республики восприняли этот план без энтузиазма. Партийные руководители Беларуси и Украины не выступили открыто против данного проекта, но встретили его более чем сдержанно. Азербайджан и Армения поддержали, а вот Грузия резко высказалась против него.

Дело изменилось лишь после того, как в дело вмешался В. Ленин. В отличие от И. Сталина, В. Ленин считал, что игнорирование национального вопроса может значительно затруднить положение Советской власти. На его взгляд, было очень важно не давать оснований для критики «самостийникам», не уничтожать их независимость, а, наоборот, создать «новый этаж» равноправных республик.

Победа ленинского взгляда на определенный срок определила направление государственной жизни в новом объединении, хотя с укреплением в партии позиций И. Сталина акценты постепенно смещаются в сторону автономизации, и к концу рассматриваемого нами периода республиканские власти в значительной степени теряют свою самостоятельность в решении внутренних дел.

Определенную пассивность руководства БССР при образовании СССР можно объяснить тем, что оно и к образованию СССР не было самостоятельным, и подчинялось жесткой партийной дисциплине, кроме этого, победа проекта В. Ленина была и его победой, поскольку принятие проекта И. Сталина оставалось до последнего момента совершенно реальной вещью.

Наверное, можно считать определенно установленным то, что среди задач, которые выдвигались руководством БССР, на первом месте стояла задача не закрепление суверенитета, а собирание или, точнее, возвращение в состав БССР белорусских этнографических земель.

Создание СССР делало эти усилия вполне реальными. В новых обстоятельствах центральное руководство могло больше не волноваться потерять эти земли в результате падения Советской власти в Беларуси (в первую очередь вследствие иностранной интервенции), чем и решили воспользоваться белорусские коммунисты. Так, уже в марте 1923 г. на VII съезде КП(б)Б принимается постановление о необходимости включения в состав БССР районов с большинством белорусского населения. Объяснялось это, в первую очередь, экономическими потребностями. В постановлении, в частности, говорилось: «Сохраняя командные высоты нашей промышленности, руководство финансами и внешней торговли в руках единого центрального органа, нужно поставить и решить в положительном смысле вопрос о большей децентрализации в управлении теми отраслями хозяйства, имеющими местное значение». Хотя не отрицались и культурные основания: «задавленная царизмом белорусская культура должна возродиться», говорилось в том же постановлении [1, с. 95].

Как уже отмечалось выше, белорусское руководство, начиная со второго провозглашения БССР, предпринимало попытки вернуть восточные территории. Приведенное постановление начало новый этап на этом пути, который в марте 1924 г. в конце концов увенчался успехом.

Здесь следует отметить, что хотя инициатива и исходила из Беларуси, решение данной проблемы было полностью в руках центрального руководства, что и предопределило непоследовательность конкретных шагов при укрупнении территории республики. В итоге так и не удалось вернуть три уезда Витебской губернии (Велижский, Невельский и Себежский), то же самое касается и белорусской части Смоленской губернии (уезды, присоединенные к ней и ранее входившие в Могилевскую губернию). Руководство СССР при решении данного вопроса исходило не столько из этнографических, сколько из экономических соображений, связанных с хозяйственным районированием СССР. Разумеется, учитывались и политические факторы, например, негативная реакция белорусской иностранной интеллигенции на постановление Госплана о назначении Смоленска, а не Минска центром Западной области.

Все это вызвало разнообразную реакцию среди белорусской интеллигенции. Большая часть восприняла эти события положительно, но значительная часть сочла данный процесс незавершенным. Так В. Ластовский в статье «Новый раздел Беларуси» писал о том, что, на его взгляд, по самым минимальным подсчетам,

несмотря на первое укрупнение, за пределами Беларуси осталось 74 320 тыс. кв. верст этнических территорий с 3326 тыс. населения [2, с. 335].

Несмотря на это, укрупнение Беларуси можно считать победой белорусских коммунистов, которым удалось переломить сопротивление губернских властей и убедить центральное руководство в политической и экономической целесообразности укрупнения. Фактически с этого времени БССР могла претендовать на роль единственного белорусского центра, что на фоне ухудшения положения белорусов в Польше выглядело вполне естественно. Кроме того, белорусское руководство не оставляло попыток по возврату оставшихся территорий.

Второе укрупнение (1926 г.) для белорусского руководства было не таким успешным. Из 9 уездов, на которые претендовала Беларусь, было возвращено только два, и на этом центральное руководство окончательно решило закрыть вопрос. Такое решение, по сути, было политическим и исходило из того минимума, который мог бы удовлетворить заинтересованные стороны [3, с. 362].

Вопрос о том, почему так получилось, не входит в рамки данного исследования, но нельзя отрицать того, что этот процесс разворачивался и в значительной степени обуславливался дискуссией между сторонниками советской и национально-демократической ориентации в белорусском национальном движении. Борьба между ними за право считаться национальным белорусским центром объективно способствовала положительному решению белорусского вопроса, разумеется, в приемлемых для господствующей идеологии рамках.

В общем данное время характеризуется противоречивыми тенденциями в развитии белорусского национального движения. С одной стороны, наблюдается сближение части национально-демократического направления с представителями советской ориентации, а с другой — происходит окончательный разрыв коммунистов с той частью национал-демократов, с которой не удалось договориться, что, в свою очередь, привело к постепенной дискредитации национальной идеи в БССР.

Надо отметить, что в этом процессе наблюдались определенные колебания. Так, в заявлении представителя Беларуси на X Всероссийском съезде Советов А. Червякова в декабре 1922 г. представители Белорусской Рады прямо зачислялись в предатели белорусского народа, а уже в следующем году для представителей эмиграции, которые не выступали с оружием в руках против Советской власти, объявляется широкая амнистия.

Кроме того, к противоречиям можно отнести и тот факт, что потеря значительной части суверенитета после создания СССР не привела к свертыванию национально-государственного строительства в данный период в БССР, более того, осуществление политики белорусизации в рассматриваемое время привело к подъему белорусской культуры и сплочению белорусских сил на советской основе.

Предпосылкой для данной тенденции было существенное изменение международной обстановки в Центральной и Восточной Европе. Фактический прорыв Советской России на международную арену после заключения Рапальского договора и Генуэзской конференции делал ее субъектом международного права, не в меньшей степени заинтересованного в стабилизации международной обстановки, чем все другие страны, вследствие чего происходит постепенный отказ от идеи немедленной мировой революции. На фоне стабилизации, которая наблюдалась после Первой мировой войны, любой нерешенный национальный вопрос выглядел как угроза в отношении шаткой Версальской системы.

Что касается ситуации в Советской Беларуси, то она была не менее, а может, и более сложной. Среди руководства БССР было много настоящих патриотов своей страны, поэтому они не могли без боли воспринять раздел Беларуси, который состоялся в Риге. Правда, в то время у них была еще надежда на возвращение западных земель, но после того, как центральное руководство в 1924 г. приняло решение об отказе от курса на вооруженное восстание в Западной Беларуси, эти надежды приобретают эфемерный характер. На принятие этого решения повлияло то, что в 1923 г. провалилась попытка Коминтерна организовать революцию в Германии. Большевицкому руководству становится понятно, что необходимо отказываться от курса на немедленную мировую революцию и приспосабливаться к новой политической действительности в обстоятельствах угасания революционных настроений в Европе.

В этой обстановке довольно легко было потерять веру в перспективу белорусского движения. Но в этот момент происходит укрупнение территории республики, которое вызывает подъем надежд во всех белорусских политических кругах на быстрое, окончательное решение белорусского вопроса.

В данных обстоятельствах БССР начинает выглядеть как ядро, вокруг которого должны объединяться все политические силы Беларуси. Как пишет известный исследователь истории белорусской государственности В. Крутолевич; «надо признать тот факт, что реальная белорусская

национальная государственность с системой функционирующих центральных и местных органов власти, с правоохранительными учреждениями, законодательством и т. д. берет свое начало именно с провозглашения ССРБ» [4, с. 30].

С другой стороны, политика белорусизации объективно создавала благоприятные условия для развития белорусского культуры, что на фоне явно антибелорусской политики польского правительства в Западной Беларуси привлекала к себе все национально-культурные круги по ту сторону границы. В дополнение, новая экономическая политика советского правительства вызвала надежды на постепенную эволюцию российского коммунизма в сторону социал-демократизма. Кроме того, нужно было приспособиться к новой ситуации, а необходимо заметить, что теоретически, в юридически-государственном аспекте, ничто не мешало считать БССР независимым государством, которое находится в равноправном союзе с другими советскими республиками. Так, в главе второй, пункте 3 первой Конституции СССР было записано: «Суверенитет союзных республик ограничен лишь в рамках, определенных в настоящей Конституции, и лишь по вопросам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик» [5, с. 68].

Выводы. Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что воплощение белорусской национальной идеи произошло не в полном объеме. Это обусловливалось и относительной слабостью национально-демократического течения белорусского движения, и своеобразным пониманием проблем государственности среди белорусских коммунистов, которые были склонны ставить на первый план классовые, а не национальные вопросы. С другой стороны, культурная составляющая национальной идеи была реализована почти в полном объеме. Это и открытие белорусских школ, и создание системы высшего образования, и поддержка белорусской культуры со стороны государства, и много другое, что получило обобщающее название – белоруссизация. В каком-то смысле это дезориентировало представителей белорусского движения как национально-демократического, так и советского лагеря, породив в них иллюзорные надежды, что советская система способна в полном объеме реализовать белорусскую национальную идею. Это, в свою очередь, привело к тому, что с установлением в СССР тоталитарного режима их стали рассматривать

в качестве врагов, а потом именно на них пришелся главный удар сталинских репрессий в Беларуси.

С позиции сегодняшнего дня можно констатировать, что уступки большевиков в решении национального вопроса в 20-х гг. XX в. в СССР вообще и в БССР в частности носили временный, тактический характер, как, к примеру, и НЭП, и были необходимы для стабилизации советского режима. По мере стабилизации государственной системы и установлении тоталитарного режима в стране начинается борьба с проявлением какой бы то ни было са-

мостоятельности национальных образований и возвращение к жесткой государственной централизации. Нарастающие проявления тоталитаризма не дали в полной мере развиваться тем многообещающим тенденциям, которые наблюдались в деле решения белорусского вопроса в первой половине 20-х гг. Однако следует отметить, что фиксация белорусской государственности в виде БССР заложила фундамент для образования в начале 90-х гг. независимой Республики Беларусь, поскольку получить суверенитет после распада СССР смогли только те его субъекты, которые имели статус союзной республики.

Литература

1. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. 1918–1970. Минск: Беларусь, 1973. Т. 1: 1918–1927. 359 с.
2. Ластоўскі В. Новы падзел Беларусі // Выбраныя творы. Минск: Беларускі кнігазбор, 1997. 512 с.
3. Хоміч С. Асноўныя этапы фарміравання тэрыторыі БССР (1918–1926) // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Т. 7. Сшытак 2. С. 351–364.
4. Круталевич В. А. На путях самоопределения: БНР – БССР – РБ. Минск: Право и экономика, 1995. 139 с.
5. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 160 с.

References

1. *Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezдов i plenumov TsK. 1918–1970* [The Communist Party of Belarus in resolutions and decisions of congresses and plenums of the Central Committee]. Minsk, Belarus' Publ., 1973, vol. 1: 1918–1927. 359 p.
2. Lastouski V. The new section of Belarus. *Vybranyya tvory* [Selected Works]. Minsk, Belaruski knigazbor Publ., 1997. 512 p.
3. Khomich S. Basic steps of forming the BSSR (1918–1926). *Belaruski gistorychny aglyad* [Belarusian historical review], 2000, vol. 7, notebook 2, p. 351–364 (In Belarusian).
4. Krutalevich V. A. *Na putyakh samoopredeleniya: BNR – BSSR – RB*. [On the paths of self-determination: BNR – BSSR – RB]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 1995. 139 p.
5. Kukushkin Yu. S., Chistyakov. O. I. *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [Essay on the history of the Soviet Constitution]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 160 p.

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichenok@belstu.by

Information about the author

Raychenok Aleksandr Aleksandrovich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichenok@belstu.by

Поступила 10.03.2018

УДК 331.108.3–054.72(=161.3)(73)«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АСАБЛІВАСЦІ АДАПТАЦЫІ І АКУЛЬТУРАЦЫІ
БЕЛАРУСКІХ ЭМІГРАНТАЎ У ЗША (1918–1939 гг.)**

Артыкул даследуе асноўныя фактары, якія ўплываюць на працэсы сацыяльнай, эканамічнай, псіхалагічнай адаптацыі і акультурацыі беларускіх эмігрантаў у Злучаных Штатах Амерыкі ў міжваенны перыяд. Аўтар мяркуе, што тэарэтычныя аспекты даследавання адаптацыйных працэсаў павінны дапамагчы ў развіцці гістарычных метадаў вывучэння эміграцыйных хваляў. Асабліва ўвага нададзена аналізу індывідуальнай і першапачатковай адаптацыі беларусаў у ЗША з 1918 па 1939 г. Негатыўным наступствам адаптацыйных працэсаў з'яўляецца акультурацыйны стрэс, які можа прывесці да высокага ўзроўню псіхалагічнага і фізічнага дыстрэсу. Абапіраючыся на сучасныя даследаванні, можна сцвярджаць, што ўзровень акультурацыйнага стрэсу залежыць ад шматлікіх фактараў, такіх як стратэгія акультурацыі, характарыстыкі акультурацыйнай групы і прымаючага грамадства.

Заканадаўства Злучаных Штатаў Амерыкі абмяжоўвала міжваенную эміграцыйную хвалю. Асноўная маса беларускіх эмігрантаў з'яўлялася прадстаўнікамі эканамічнай эміграцыі. Цэнтрам палітычнай актыўнасці ў ЗША быў Беларускі нацыянальны камітэт. У Дэтройце было арганізавана Беларускае народнае таварыства. Міжкультурныя адрозненні аказвалі ўплыў на фарміраванне нацыянальнай ідэнтычнасці беларускай дыяспары ў Амерыцы. Грамадская актыўнасць беларусаў была важным фактарам іх адаптацыі да новых умоў жыцця.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, ЗША, эміграцыя, псіхалагічная адаптацыя, акультурацыя, акультурацыйны стрэс, нацыянальная ідэнтычнасць.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**FEATURES OF ADAPTATION AND ACCULTURATION
OF THE BELARUSIAN EMIGRANTS IN THE USA (1918–1939)**

The article examines the main factors that influence the processes of the social, economic, psychological adaptation and acculturation of the Belarusian emigrants in the United States of America during the inter-war period. The author considers that theoretical researches of the adaptive process can help to develop the historical methods for the study of the emigratory wave. The focus is made on the analysis of the individual and primary adaptation of Belarusians in the USA from 1918 till 1939. Acculturative stress is defined as negative consequence of the adaptive processes. It may be related to the high level of psychological and physical distress. According to the contemporary view, the level of acculturative stress depends on the multiple factors, such as the strategy of acculturation, characteristics of the acculturating group and the host society.

The inter-war emigratory wave was restricted by the laws of the United States of America. The majority of the Belarusian emigrants were the representatives of the economic emigration. The political activities in the USA centered around the Belarusian National Committee. The Belarusian National Association was organized in Detroit. The cross-cultural differences formed the national identity of the Belarusian diaspora in America. The public activity of Belarusians was the important factor for their adaptation to the new condition of the life.

Key words: Belarusian diaspora, USA, emigration, psychological adaptation, acculturation, acculturative stress, national identity.

Уводзіны. Вывучэнне гісторыі беларускага замежжа прадстаўлена даследаваннямі ў галіне палітычных, эканамічных, сацыяльных, этнічных, культурных і псіхалагічных працэсаў. Эміграцыю немагчыма разглядаць па-за межамі праблем індывідуальнай адаптацыі асобы. Сучасныя спецыялісты ў пытаннях дыяспаральнасці надаюць значную ўвагу аспектам сацыяльна-эканамічнай і псіхалагічнай адаптацыі прадстаўнікоў эміграцыйных хваляў.

Асноўная частка. У навуковых работах па этнічнай псіхалогіі прынята выдзяляць знешнюю і ўнутраную адаптацыю эмігрантаў у прымаючым грамадстве. Пры ўнутранай адаптацыі асоба пачынае адчуваць камфорт у іншакультурным асяродку, яе паводзіны характарызуюцца псіхаэмацыйнай стабільнасцю. Пры знешняй адаптацыі эмігранты пачынаюць прымаць актыўны ўдзел у грамадскім і палітычным жыцці дзяржавы-рэцыпіента. Праблемы розных

стадый адаптацыі беларускіх эмігрантаў у ЗША неабходна разглядаць асобнай тэмай, аднак дадзены працэс меў відавочную розніцу ў 1920-я і 1930-я гг.

Вывучэнне аспектаў адаптацыі звычайна праводзіцца ў кантэксце акультурацыі. Акультурацыя – гэта працэс змены стандартаў паводзін эмігрантаў пад уплывам іншай культуры, які складаецца з наступных стадый: кантакт, канфлікт, крызіс і адаптацыя [1, с. 6]. Выбар стратэгіі акультурацыі для кожнай асобы індывідуальны. Беларускія эканамічныя эмігранты ў міжваенны перыяд імкнуліся да стратэгіі асіміляцыі ці інтэграцыі ў прымаючае амерыканскае грамадства.

Гісторыя Злучаных Штатаў Амерыкі непарыўна звязана з эміграцыйнымі працэсамі, а ў пачатку XX ст. краіна перажывала сапраўдны эміграцыйны бум. Асноўная маса беларускіх эмігрантаў у міжваенны перыяд паходзіла з тэрыторыі Заходняй Беларусі. У 1920-я гг. таксама вызначыліся сваёй актыўнай грамадскай пазіцыяй тыя беларусы, што патрапілі ў ЗША да 1918 г., змаглі ўладкавацца на сталую працу і пачалі выступаць з нацыянальнымі ініцыятывамі для беларускай дыяспары.

Падлікі гісторыкаў па колькасці беларускіх эмігрантаў у міжваенны перыяд адрозніваюцца сваёй недакладнасцю. У анкетах эмігрантаў не было звестак пра нацыянальнасць, што значна ўскладняе даследаванне. Высновы можна рабіць зыходзячы з веравызнання асоб, якія паходзілі з тэрыторыі Заходняй Беларусі. Польская статыстыка змяшчае дакладныя звесткі пра колькасць праваслаўных эмігрантаў, рыма-каталікоў, грэка-каталікоў, пратэстантаў і іўдзеяў. Значная частка праваслаўных эмігрантаў, а таксама пэўныя каталікі з тэрыторыі Заходняй Беларусі лічылі сябе беларусамі.

У працэсе акультурацыі эмігранты ў ЗША былі вымушаны прымаць тыповыя рысы «амерыканізму» – індывідуалізм, канфармізм, культ поспеху, прагматызм і практыцызм. Нягледзячы на тое, што міжэтнічныя кантакты заўсёды суправаджаюцца складанасцямі, у амерыканскім грамадстве асобам з невысокім сацыяльным статусам (як большасць беларускіх эмігрантаў) прымаць новыя нормы паводзінаў было значна прасцей, чым у іншых краінах свету. Грамадства ЗША адрознівалася сваім талерантным стаўленнем да культурнай розніцы, у міжнацыянальных адносінах там дзейнічала канцэпцыя «плавільнага котла».

Непасрэдны ўплыў на асобу ў складаным перыядзе акультурацыі прынята называць акультурацыйным стрэсам, які суправаджаецца шматлікімі псіхалагічнымі праяўленнямі дыстрэсу. Акультурацыйны стрэс – гэта рэакцыя

індывідаў на іншую культуру, на змены каштоўнасцей, сістэмы норм і паводзін. Узровень стрэсу залежыць ад шматлікіх фактараў, такіх як стратэгія акультурацыі, характарыстык эміграцыйнай групы і аўтэнтоннага насельніцтва [2]. Некаторыя псіхологі імкнуцца выкарыстоўваць тэрмін «акльтурацыйны шок», каб падкрэсліць праблемны стан асобы, высокі ўзровень нервознасці, звязаны са згубай звыклага асяродка ў перыяд першапачатковай адаптацыі. Паняцце «акльтурацыйны стрэс» набыло большую распаўсюджанасць, бо пры ўмове стрэсаўстойлівасці эмігрантаў вопыт акультурацыі для асоб можа быць як негатыўным, так і пазітыўным.

Праяўленнямі рэакцый акультурацыйнага стрэсу беларусаў у ЗША сталі іх апублікаваныя лісты на старонках перыядычных выданняў, дзе аспісваліся іншыя ўмовы вядзення сельскай гаспадаркі, уражанні ад незнаёмай флары і фаўны, глыбокае пачуццё суму, страх беспрацоўя і г. д. Інфармацыю пра дзейнасць беларусаў у ЗША перыядычна размяшчала беларускамоўная віленская прэса, спецыяльныя рубрыкі вялі газеты «Беларуская крыніца», «Змаганне», «Родны край», «Беларускі зван». Асобную групу гістарычных крыніц складаюць перыядычныя выданні беларускіх эмігрантаў у ЗША, такія як «Праўда» (Нью-Йорк), «Амерыканскі беларус» (Чыкага), «Беларуская трыбуна» (Чыкага).

Псіхалагічную падтрымку эмігрантам у перыяд адаптацыі аказвалі рэлігійныя ўстановы. Адною з важных ініцыятыў беларусаў у ЗША стала ідэя адчыніць касцёл у Чыкага спецыяльна для каталікоў-беларусаў [3]. Адным з самых вядомых беларускіх каталіцкіх святароў у Амерыцы быў ксёндз Янка Тарасевіч. Беларускія каталікі ў Чыкага мелі істотны ўплыў на ўсю нацыянальную дыяспару, іх дзейнасць была накіравана супраць магчымага паглынання беларусаў больш колькаснай і арганізаванай польскай дыяспарай.

Дзяржаўная палітыка Злучаных Штатаў Амерыкі з пачатку XX ст. абапіралася на ідэі хуткай інтэграцыі і асіміляцыі эмігрантаў у поліэтнічным прымаючым грамадстве. На ўрадавым узроўні абмяркоўваліся меры па натуралізацыі новых грамадзян дзяржавы, спецыяльна распрацоўваліся вучэбныя курсы, друкаваліся падручнікі і рабочыя сшыткі для эмігрантаў. Пытанні асіміляцыі эмігрантаў займаўся адмысловы орган – Бюро па натуралізацыі [4, с. 117]. Спецыяльную падтрымку асобам імкнуліся арганізаваць шматлікія амерыканскія грамадскія і дабрачынныя арганізацыі, аднак поспехі іх дзейнасці ў гады Вялікай дэпрэсіі былі нязначнымі.

У 1920-я г. адбыліся істотныя змены эміграцыйнага заканадаўства ЗША. Была распрацавана комплексная палітыка, якая абмяжоўвала колькасць эмігрантаў, аналізуючы іх эканамічны патэнцыял для развіцця краіны. 19 мая 1921 г. быў прыняты Закон «Аб абмежаванні (лімітаванні) колькасці замежнікаў у ЗША», які прымаў квоты на эміграцыю ў памеры 3% ад ліку той нацыянальнасці, якая пражывала ў Амерыцы ў 1910 г., а 26 мая 1924 г. быў прыняты Закон «Па абмежаванні (лімітаванні) эміграцыі замежнікаў у Злучаныя Штаты і для іншых мэтаў», вядомы як закон Джонсана-Рыды, які скараціў квоты для эмігрантаў да 2% ад колькасці ўраджэнцаў пэўнай нацыі, зарэгістраванай у ЗША падчас перапісу 1890 г. [5, с. 90]. Па-за межамі квоты ў краіну дапускаліся жонкі і дзеці амерыканскіх грамадзян, акцёры, спевакі, музыканты, выкладчыкі, святары, медыкі. Асноўнай мэтай заканадаўчых актаў стаў кантроль над колькасцю і якасцю эміграцыйнай плыні.

Развіццё асобы эмігранта ў амерыканскім грамадстве было звязана з супярэчнасцямі духоўна-псіхалагічнага і культурнага характару. Як свярджваюць спецыялісты ў галіне этнічнай псіхалогіі, шматкультурны асяродак ускладняў станаўленне асобы, рабіў сацыяльна-этнічныя арыентацыі чалавека нявызначанымі і няўстойлівымі [6, с. 12]. Складанасці ў працэсе сацыялізацыі эмігрантаў яскрава праяўляліся ва ўзаемакантактах.

Паспяховасць камунікацыйных адносін эмігрантаў залежыць ад актыўнасці асоб, устаноў суб'ектаў камунікацыі, ладу жыцця дамінуючага этнасу, клімату краіны-рэцыпіента і г. д. Камунікацыйныя сувязі – складаны працэс, у якім асноўным сродкам адносін выступае мова. Бар'ерам для хуткай псіхалагічнай адаптацыі ў ЗША была англійская мова, аднак праблема замежнай мовы ў поліэтнічным амерыканскім грамадстве не стаяла так востра, як у іншых краінах свету.

Адной з умоў паспяховай адаптацыі з'яўляецца імкненне эмігрантаў да самарэалізацыі, якое праяўляецца ў стварэнні палітычных саюзаў і грамадскіх аб'яднанняў. Беларускія эмігранты ў ЗША ў 1920-я г. намагаліся кансалідавацца ў пэўныя арганізацыі, аднак у асноўным большасць з іх дзейнічала непрацягла час. Узровень палітычнай актыўнасці беларускіх эмігрантаў у ЗША амерыканскія гісторыкі ацэньваюць невысока, бо значная частка беларусаў не імкнулася да развіцця нацыянальнай ідэі, а прадстаўнікі палітычнай эміграцыі знаходзіліся ў ізаляцыі, таму не мелі выразнага ўплыву на дзяспару [7, с. 133]. Цэнтрам беларускага палітычнага жыцця быў горад Чыкага (штат Ілінойс), нацыянальная супольнасць праяўляла

сваю актыўнасць таксама ў Нью-Йорку, Дэтройце, Філадэльфіі, Пітсбургу, Кенашы. Далучэнне беларусаў да пэўных грамадскіх арганізацый дазваляла асобам адчуць сваю запатрабаванасць, атрымаць сацыяльную падтрымку ў складаны перыяд адаптацыі і акультурацыі.

У Злучаных Штатах Амерыкі адзначыліся сваёй працай Беларускі нацыянальны камітэт, Беларускае прэс-бюро, Камітэт абароны Беларусі, Беларуска-амерыканская нацыянальная асацыяцыя [8, с. 217]. У 1930-я гг. у асяродку беларускіх эмігрантаў паспяхова ажыццяўлялі сваю дзейнасць Беларускі нацыянальны хаўрус у ЗША (створаны беларусамі без амерыканскага грамадзянства) і Саюз беларуска-амерыканскіх грамадзян (яднаў беларусаў, легалізаваных у ЗША) [9]. Актывістамі Беларускага народнага таварыства сталі эмігранты, якія працавалі на фабрыках Генры Форда ў Дэтройце, іх аддзел узначальваў А. Амільчук. Арганізацыя была буйной, бо на фабрыках Г. Форда працавала некалькі тысяч беларусаў. Аддзел у Дэтройце збіраў грошы для беларускіх сірот і студэнтаў, праводзіў публічныя лекцыі, ладзіў культурныя вечарыны і дабрачынныя акцыі.

На вялікі жаль, сусветны эканамічны крызіс негатыўна паўплываў на абуджэнне грамадскай актыўнасці беларускай дзяспары. Неабходна адзначыць, што 1930-я гг. адрозніваюцца спадам арганізацыйнай працы беларусаў Амерыкі, скарачэннем дабрачынных акцый і нацыянальных праектаў.

Палітычны рух дзяспары намагаўся не адставаць ад сусветных грамадскіх працэсаў, таму ў беларускім асяродку ЗША пачалі з'яўляцца жаночыя аб'яднанні. Жаночая арганізацыя беларускіх эмігрантак была створана ў Чыкага – гэта Жаночы Гурток пры Беларускам нацыянальным камітэце [10]. Удзельніцы гуртка спалучалі культурную і палітычную працу ў рамках сваіх праектаў, ладзілі вечарыны, працавалі ў беларускай кнігарні і г. д. Асноўнай задачай арганізацыі эмігрантак стала дапамога ў індывідуальнай псіхалагічнай і прававой адаптацыі жанчын. Новыя знаёмствы на культурных вечарынах, абмен вопытам і інфармацыяй дазвалялі эмігранткам лягчэй адаптавацца ў краіне з невядомай мовай, законамі і традыцыямі, чужой культурай і ментальнасцю.

Беларускія эмігранты ў Злучаных Штатах спрабавалі ажыццявіць розныя палітычныя, эканамічныя і рэлігійныя праекты. Відавочна, ідэяў было болей, чым дазвалялі ім магчымасці. Некаторыя амбіцыйныя задумы так і не былі рэалізаваныя, аднак іх сутнасць заслугоўвае ўвагі сучасных даследчыкаў замежжа. Асабліва сцю беларусаў Амерыкі стала ўсведамленне, што паспяховы бізнес можа выступаць кансалідуемым

фактарам для эмігрантаў. Беларуская супольнасць спрабавала аб'ядноўваць асоб па нацыяльнай прыкмеце пры адкрыцці рэстаранаў, крам, кааператываў, пахавальных бюро, стварэнні рэкламных газет і г. д. Сацыяльная падтрымка суайчыннікаў стварала неабходны для адаптацыі настрой, дапамагала змагацца са стрэсамі ў цяжкі перыяд прызвычывання да чужога грамадства.

Напрыклад, у 1923 г. у Чыкага распачалася праца па адкрыцці беларускага рэстарана, грошы ад якога планавалася дасылаць нацыянальным арганізацыям на Бацькаўшчыну [11]. Складана рабіць высновы пра папулярнасць беларускай кухні ў ЗША, не хапае фактычнага матэрыялу пра рэалізацыю праекта. Дакладна можна адзначыць, што ідэя была цікавая, тым больш, што эмігранты планавалі займацца дабрачыннасцю.

Амерыканскія каштоўнасці прымусалі беларускіх эмігрантаў шукаць уласныя крэатыўныя шляхі па рэалізацыі бізнес-праектаў. Улічваючы той факт, што супрацоўнікам пэўнага прадпрыемства было больш зручна працаваць сярод землякоў, асоб са зразумелай мовай, ментальнасцю і традыцыямі. Цудоўным прыкладам стаў беларускі швейны кааператыв у Бронівіле: «Майстэрня мае 30 машын, пры якіх, працуюць 40 чалавек. Шыюць мужчынскія каптаны. Кожны дзень шыецца па 2000 і болей каптанаў» [12]. Сыходзячы з аб'ёмаў, каптаны на пачатку 1920-х гг. былі запатрабаваным таварам у амерыканскім грамадстве.

Важным аспектам у развіцці дыяспары з'яўляецца фарміраванне калектыўнай памяці, аснову якой складае міф пра Бацькаўшчыну. Калектыўныя ўяўленні пра радзіму выступаюць кансалідуючым фактарам для большасці эмігрантаў, асноўным элементам у развіцці дыяспаральнай свядомасці. З цягам часу ў асяродку дыяспары адбываецца рамантызацыя ці нават ідэалізацыя вобраза пакінутай краіны.

Важным пытаннем у вывучэнні сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі беларускіх эмігрантаў з'яўляецца фарміраванне вобраза Радзімы ў масавай свядомасці дыяспары. Асноўная частка беларусаў у ЗША ў міжваенны перыяд уяўляла сабой эканамічную эміграцыйную хвалю. Асобы прасцей спраўляліся са складанасцямі псіхалагічнай адаптацыі, калі мелі магчымасць рэгулярна зарабляць прыстойныя (па разліках эмігрантаў) грошы. Механізм псіхічнай абароны ў складаных сітуацыях абапіраўся на поспехі эмігрантаў у фінансавым плане. Імкненне дапамагчы сваякам ці жаданне самазацвердзіцца вымушалі эмігрантаў дасылаць на радзіму грошы, пасылкі і вопратку.

Валюту беларусы маглі адправіць пераводам праз пошту, а таксама перадаць праз параплаўную кампанію ці карабельнае таварыства. Асабліва карысталіся попыткам паслугі тых

кампаній і таварыстваў, якія аддавалі адрасанту грашовы перавод менавіта ў далярах. Акрамя грошай, эмігранты дасылалі на Бацькаўшчыну пасылкі са старым адзеннем. У вялікіх сялянскіх сем'ях вопратка заўсёды была патрэбнай, аднак атрымаць яе было зусім няпроста. Калі беларускія эмігранты са Злучаных Штатаў Амерыкі дасылалі ў Заходнюю Беларусь старое адзенне, пасылка абкладалася значнай мытнай пошлінай. Грошы неабходна было заплаціць на пошце пры атрыманні дадзенай пасылкі. Нярэдка беларускія сяляне адмаўляліся забіраць старое адзенне за вялікі кошт [13], таму пасылку супрацоўнікі пошты адпраўлялі назад у Амерыку. У пачатку 1920-х гг. адмовы на атрыманне старой вопраткі з мытнымі пошлінамі мелі масавы характар, а польскай пошце стала нерэнтабельна ажыццяўляць транспарціроўку такіх пасылак.

Праблему мытнае ўпраўленне вырасла ў 1925–1926 гг. Спачатку мытнае ўпраўленне выдала пастаўленне, што старое адзенне не будзе абкладацца пошлінай для малазабяспечаных грамадзян Рэчы Паспалітай. Асобам, якія атрымалі пасылку на пошце, неабходна было прадставіць дакументы аб складаным матэрыяльным становішчы сям'і і пісьмовае пацверджанне, што старое адзенне не будзе перадавацца [13]. Меры, якія прынялі польскія мытнікі, каардынальна не змянілі сітуацыю. Сяляне лічылі, што прасцей адмовіцца ад старой вопраткі, чым збіраць для яе атрымання шматлікія дакументы. Як вынік, умовы зноў былі перагледжаны. З 1926 г. адрасанту не трэба было прыносіць на пошту даведкі пра малазабяспечанасць сям'і, аднак пры атрыманні пасылкі неабходна было запоўніць дэкларацыю, што вопратка не стане прадметам спекуляцыі. Адрасант разам з дэкларацыяй павінен быў падаць дакументы ў мытнае ўпраўленне, каб атрымаць дазвол на скасаванне пошліны. Нягледзячы на спрашчэнне ўмоў, заставалася частка насельніцтва, якая прыныццова адмаўлялася ад пасылак, бо лічыла палітыку мытнага ўпраўлення несправядлівай.

Заклучэнне. Такім чынам, беларуская супольнасць у ЗША вызначылася больш высокім узроўнем палітычнай актыўнасці і арганізатарскай працы ў 1920-я гг., бо ўжо ў 1930-я гг. колькасць праектаў дыяспары значна скарацілася. Беларусы Амерыкі імкнуліся падтрымліваць кантакты са сваякамі на Бацькаўшчыне, што дазваляла ім спраўляцца са станам акультурацыйнага стрэсу.

Амерыканскі ўрад на заканадаўчым узроўні ў міжваенны перыяд аказаў уплыў на кан'юнктуру эмігрантаў, распрацоўваў меры па асіміляцыі эміграцыйных груп. Псіхалагічная і сацыякультурная адаптацыі беларускіх эмігрантаў у ЗША адрозніваліся ўмовамі поліэтнічнага грамадства.

Літаратура

1. Balls Organista P. Acculturation // Encyclopedia of Multicultural psychology / Edited by Yo Jackson. Thousand Oaks: SAGE Reference Publication, 2006. P. 6–7.
2. Heppner P., Park H., Wei M. Acculturative stress // Encyclopedia of Multicultural psychology / Edited by Yo Jackson. Thousand Oaks: SAGE Reference Publication, 2006. P. 18.
3. Nabaženstwa za Bielaruś // Bielaruskaja Krynica. 1928. № 27. S. 3.
4. Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2006. 464 с.
5. Тамсама.
6. Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1994. 165 с.
7. Vakar N. P. Belorussia: the making of a nation. Cambridge: Harvard University Press, 1956. 297 p.
8. Snapkoўski У. Эміграцыя. Фарміраванне і дзейнасць арганізацыі беларускай эміграцыі. Сацыяльна-палітычныя плыні (1918–1939 гг.) // Польша. 1995. № 11. С. 196–221.
9. У Паўн.-Амэр. Злуч. Штатах // Родны край. 1933. № 12. С. 7.
10. Угодкі Усебеларускага З'езду // Змаганьне. 1923. № 21. С. 8.
11. Беларускі Кааператыў // Змаганьне. 1923. № 21. С. 8.
12. Беларускі краўцоўскі коопэратыў у Амэрыцы // Беларускі Звон. 1921. № 9. С. 4.
13. Амерыканскія пасылкі // Bielaruskaja Krynica. 1926. № 11. S. 8.
14. Pierasyłka adzieży z Ameryki // Bielaruskaja Krynica. 1926. № 3. S. 8.

References

1. Balls Organista P. Acculturation. *Entsiklopediya Multikulturnoy psikhologii* [Encyclopedia of Multicultural psychology]. Edited by Yo Jackson. Thousand Oaks: SAGE Reference Publ., 2006, pp. 6–7.
2. Heppner P., Park H., Wei M. Acculturative stress. *Entsiklopediya Multikulturnoy psikhologii* [Encyclopedia of Multicultural psychology]. Edited by Yo Jackson. Thousand Oaks, SAGE Reference Publ., 2006, p. 18.
3. Sermon about Belarus. *Belaruskaya krynitsa* [Belarusian Source], 1928, no. 27, p. 3 (In Belarusian).
4. Ruchkin A. B. *Russkaya diaspora v Soedinennykh Shtatakh Ameriki v pervoy polovine XX veka* [The Russian diaspora in the United States of America at the first half of XX century]. Moscow, Natsional'nyy institut bisnesa Publ., 2006. 464 p.
5. Ibidem.
6. Boronoev A. O., Pavlenko V. N. *Etnicheskaya psikhologiya* [Ethnic psychology]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1994. 165 p.
7. Vakar N. P. *Belorussiya: formirovaniye natsii* [Belorussia: the making of a nation]. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1956. 297 p.
8. Snapkouski U. Emigration. The formation and the activity of the Belarusian emigratory organization. Socio-political direction (1918–1939). *Polymya* [Flame], 1995, no. 11, pp. 196–221 (In Belarusian).
9. In North-American United States. *Rodny kray* [Native land], 1933, no. 12, p. 7 (In Belarusian).
10. The Anniversary of the Common Belarusian Congress. *Zmagan'ne* [Struggle], 1923, no. 21, p. 8. (In Belarusian).
11. Belarusian cooperative. *Zmagan'ne* [Struggle], 1923, no. 21, p. 8 (In Belarusian).
12. Belarusian sewing cooperative in America. *Belaruskі Zvon* [Belarusian Ring], 1921, no. 9, p. 4 (In Belarusian).
13. American parcels. *Belaruskaya krynitsa* [Belarusian Source], 1928, no. 27, p. 3 (In Belarusian).
14. Clothes parcels from America. *Belaruskaya krynitsa* [Belarusian Source], 1926, no. 3, p. 8 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Паступіў 12.03.2018

УДК 321.1(476)(470):94»1929/1930»

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В РОССИЮ В 20–30-Х ГГ. XX СТОЛЕТИЯ**

Миграционные процессы из Беларуси в Россию являлись составной частью переселенческой политики СССР. Разрабатывая переселенческие мероприятия, руководство страны паталось решить следующие задачи: необходимость формирования мощной промышленной базы в регионах, близких к источникам сырья, но не обладающих достаточным количеством рабочих рук; создание крупных сельскохозяйственных центров, снабжающих новые промышленные предприятия продовольствием и сырьем; увеличение производства сельхозпродукции на экспорт. Среди задач республиканского уровня основной была борьба с аграрной перенаселенностью и оздоровление белорусских колхозов через переселение избыточного населения в многоземельные регионы СССР.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, переселение, миграция.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**MIGRATION PROCESSES FROM THE TERRITORY
OF BELARUS TO RUSSIA IN THE 20–30TH OF THE XX CENTURY**

Migration processes from Belarus to Russia were an integral part of the resettlement policy of the USSR. Developing resettlement activities, the country's leadership tried to solve the following tasks: the need to build a powerful industrial base in regions close to sources of raw materials, but not having enough workers; creation of large agricultural centers supplying new industrial enterprises with food and raw materials; increase in production of agricultural products for export. Among the tasks of the republican level, the main was the struggle against agrarian overpopulation. and the rehabilitation of the Belarusian collective farms through the relocation of surplus population to the multi-land regions of the USSR.

Key words: Russia, Belarus, resettlement, migration.

Введение. Большое влияние на миграционные процессы в Беларуси в 20-х гг. XX ст. оказали Первая мировая война и революционные события 1917 г. Так, за время Первой мировой войны и интервенции, не считая погибших и умерших, 122 тыс. белорусов эмигрировали за границу бывшей Российской империи и более 400 тыс. беженцев из Беларуси оказались в крупных индустриальных центрах страны. Вследствие превышения числа умерших и погибших над числом родившихся в годы войны и междоусобиц, Беларусь потеряла почти 185 тыс. человек. Одновременно в 1914–1918 гг. страну покинуло больше, чем в нее вселилось, почти на 0,9 млн. человек. Только за 1915 г. население Беларуси сократилось почти на 600 тыс. человек.

Кроме того, согласно условиям Рижского мирного договора от 16 марта 1921 г., около 82 тыс. км² дореволюционной белорусской территории с населением 4,6 млн. человек (согласно материалам переписи населения 1931 г.) оказалось в составе Польши. Это – 38% населения и 40% территории Беларуси [1, с. 133]. А еще раньше в феврале 1919 г. территория Восточной Беларуси в составе Могилевской и Витебской губерний были включены в состав

РСФСР. В результате территория БССР первоначально состояла всего из шести уездов Минской губернии.

Только после создания СССР был поставлен вопрос о необходимости укрупнения территории Беларуси. 3 марта 1924 г. ВЦИК принял постановление о передаче БССР территории с преобладающим белорусским населением. В частности, в состав республики были возвращены 16 уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Второе укрупнение БССР произошло 28 декабря 1926 г., когда в ее состав были переданы Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губернии. В результате в состав Беларуси были возвращены территории, испытывающие острую аграрную перенаселенность.

Несотря на то, что после Октябрьской революции белорусское крестьянство получило в трудовое пользование 905 730 десятин бывших помещичьих земель, по-прежнему острой проблемой являлось крестьянское малоземелье. Примерно четверть крестьянских хозяйств имело надел размером в 2–3 десятины, что не позволяло вести даже потребительское хозяйство.

Принимая в расчет ежегодный прирост населения БССР в 2,5% и слабые темпы развития

промышленности, а также существование в целом отсталой системы земледелия (трехполья), в деревне образовался большой избыток рабочей силы, который доходил до 40%. Одним из способов решения этой проблемы являлось переселение избыточной части населения в другие районы страны [2, л. 112–113].

Основная часть. В дореволюционный период крестьянские переселения из Беларуси были вызваны преимущественно аграрным перенаселением, которое характеризовалось дефицитом пахотной земли и, как следствие, избытком рабочей силы. В советский период эта проблема также оставалась актуальной. Решить аграрный вопрос только за счет ликвидации помещичьего землевладения и его перераспределения среди крестьян было невозможно, так как крестьянский земельный надел в Беларуси увеличился только на 10–11%, чего было недостаточно для создания даже середняцких хозяйств. Поэтому ликвидация малоземелья при помощи переселений на свободные земли являлась одной из социально-экономических задач Советской власти.

Кроме этого, необходимость миграции населения стала вызываться также и потребностями экономического развития страны – развитием индустрии и последовавшим за этим процессом ростом городов.

Урбанизация республики и всей страны потребовала значительного притока трудовых ресурсов в города из сельской местности. Однако, несмотря на достаточно высокие темпы индустриализации БССР, масштабы аграрного перенаселения были настолько велики, что развивающаяся промышленность не могла поглотить избыточное сельское население.

В 1928 г. Наркомземом БССР был разработан пятилетний план переселенческих мероприятий на 1928–1933 гг. План предусматривал организацию переселений не только за пределы республики, но и мелиорацию, и заселение заболоченной земель белорусского Полесья.

В частности, в документе констатировалось, что с учетом результатов переписи населения 1926 г. и ожидаемыми демографическими изменениями аграрная перенаселенность в БССР к 1929 г. должна составить 20%. За счет мелиорации и заселения заболоченных земель избыток сельскохозяйственного населения можно понизить до 15%. Интенсификация сельскохозяйственного производства и рост промышленности поглотят еще около 5% избыточного населения. В результате аграрная перенаселенность белорусской деревни к 1929 г. составила примерно 10%, или же 426,5 тыс. душ [3, л.]. Поэтому при разработке первых пятилетних планов развития народного хозяйства респуб-

ки предусматривались значительные перемещения населения из Беларуси в другие районы страны, где ощущалась нехватка рабочей силы.

Так, при составлении пятилетнего плана развития народного хозяйства и культурного строительства Беларуси на 1928/29–1932/33 гг. учитывалось, что ее население должно было за счет естественного прироста увеличиться на 12,6%, или на 650 тыс. человек. Это намного превышало потребности народного хозяйства республики в рабочей силе. Тем самым создавалась угроза обострения существовавшей в то время городской и сельской перенаселенности. Это обстоятельство заставило планировать переселение из сельской местности 300 тыс. человек.

Кроме того, десятилетним планом переселенческих мероприятий в БССР на 1926–1936 гг. предусматривалось в целях ослабления безработицы в городах переселить за пределы республики около 20 тыс. городских безработных. [3, л. 3]. В целом весь миграционный отток населения из БССР за пять лет должен был составить 341,8 тыс. человек. В результате сальдо миграции населения Беларуси за 13 лет между переписями 1926 и 1939 гг. составило минус 617 тыс. человек, поглотив 46% естественного прироста за эти годы [1, с. 136].

Основные нормативные акты, определявшие функционирование всех направлений переселенческой политики в БССР, исходили от союзного правительства и центральных переселенческих органов, а также от государственных органов мест вселения. В БССР они лишь корректировались с учетом местных особенностей. Руководство промышленным переселением в БССР до 1933 г. было возложено на Наркомат труда и его органы (биржи труда, корреспондентские пункты). После ликвидации НКТ республики руководство этим направлением переселений осуществляли постоянная комиссия по регулированию вербовки рабочей силы, а позже – постоянная комиссия по организованному набору рабочей силы.

Для решения переселенческих задач постановлением Совета Труда и Обороны СССР от 17 октября 1924 г. был создан Центральный колонизационный комитет (Цеколком), который постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1925 г. преобразован во Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР. На этот орган возлагалось общее руководство переселенческой политикой Союза ССР. В состав комитета входили по два представителя от каждой союзной республики, а также представители ЦИК и СНК СССР. Кроме того, в районах выхода, передвижения и местах вселения переселенцев была создана сеть местных переселенческих организаций.

Одной из важнейших задач, стоявших перед Всесоюзным переселенческим комитетом, являлось определение квот и обеспечение финансирования для переселенцев из союзных республик в российские регионы. Следует отметить, что советское руководство сдерживало переселение беднейшего крестьянства, так как не могло оказать ему необходимой финансовой помощи [4, с. 30].

В частности, к переселению допускались хозяйства, имеющие не менее 2,5 работников и материальное обеспечение в деньгах, имуществе и инвентаре не менее 800 рублей для Сибири и не менее 900 руб. для Дальнего Востока. Для коллективов размер материального обеспечения снижался до 200 руб. [5, с. 26].

В результате доля середняков среди переселенцев составляла 57%, доля зажиточных крестьян – 8% и доля бедняков, которые в наибольшей степени были заинтересованы в переселении, составляла всего 35% [3, л. 3].

В целях поддержки беднейших слоев деревни была организована выдача им целевых ссуд на покупку имущества остоваемого переселенцами в местах выезда и аренду их земель.

В частности, в 1927–1928 гг. на эти нужды было выделено 500 тыс. руб., а всего за годы первой пятилетки на ссуды беднейшим крестьянам планировалось выделить 5 млн. руб. Ссуда на одно хозяйство устанавливалась в размере 500 руб.. Из них 100 руб. выделялось на оплату аренды земли и 400 руб. на покупку имущества переселенцев [3, л. 6].

В своем развитии государственная политика по проведению сельскохозяйственных переселений из БССР прошла несколько этапов. Первый (1921–1923 гг.) – формирование нормативной базы переселенческой политики, подготовка переселенческих фондов и попытки недопущения самовольного переселения; второй (1924–1929 гг.) – начало планового переселения из БССР при доминировании индивидуальной формы переселения; третий (1930–1932 гг.) – сворачивание сельскохозяйственных переселений в связи с проведением политики сплошной коллективизации. Для этого периода было характерно только красноармейское переселение на Кавказ, в Сибирь и на Дальний Восток с целью организации колхозов и борьбы с кулачеством в данных регионах.

В такие перемещения были вовлечены значительные массы населения ряда регионов России, в том числе Кубани и Ставрополя. Опустевшие в ходе голода 1932–1933 гг., депортаций, бегства населения, эти территории, важные для власти, с точки зрения производства товарного зерна как для внутреннего, так и для внешнего рынков, необходимо было заселить

политически лояльным населением. Этим критериям отвечали военнослужащие Красной Армии, за годы службы получившие соответствующую политическую и идеологическую подготовку. Был в этом и стратегический интерес – регион относился к приграничным территориям, и такое переселение в условиях противостояния СССР и западных стран способствовало обеспечению безопасности государства.

Начало этим процессам положило постановление Реввоенсовета СССР от 30 января 1930 г. «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве страны». При этом значительную часть переселенцев составили военнослужащие Белорусского военного округа (БелВО). Всего число переселенцев с семьями из БелВО составило – 4714 семейств. Причем изначально из БелВО планировалось к переселению 4100 семейств красноармейцев [6, с. 51].

В переселенческих процессах с территории Беларуси важное место занимало переселение еврейских граждан в рамках приобщения их к земледельческому труду. Значительная аграрная перенаселенность в БССР не позволяла обеспечить земель всех желающих. Поэтому было организовано переселение еврейского населения в Крым и Биробиджан. Однако сложные природно-климатические условия Крыма, отсутствие опыта ведения сельского хозяйства приводили к невыполнению нарядов на переселение и возвращению переселенцев обратно в БССР [7, с. 70].

В конце 1920-х гг. началась реализация Биробиджанского проекта. Ряд еврейских деятелей и практически все иностранные организации выступили против переселения на Дальний Восток. Движение переселенцев из БССР в Биробиджан было незначительным. Кроме того, из 6 тыс. прибывших из БССР около 60% оставили Еврейскую автономную область. По неполным сведениям, в Крым из Беларуси с 1926 по 1928 г. (включительно) переселилось 1914 семей. Гораздо меньший поток еврейских переселенцев шел в дальневосточный Биробиджан. В этот регион в 1928 г. из Беларуси переселилось лишь 240 еврейских семей [7, с. 71].

О размерах миграции белорусского населения в Россию с учетом миграции конца XIX и начала XX в. можно в известной мере судить и по материалам переписи населения 1926 г. По этим данным, за пределами Беларуси проживало 602,5 тыс. ее уроженцев, или около 11% населения, в том числе 222,9 тыс. человек в Сибири [1, с. 135].

Численность мигрантов из Беларуси, проживающих в других районах и республиках СССР,

превышала в 4,5 раза количество родившихся за пределами Беларуси, но проживавших на ее территории. Особенно большой перевес дали Сибирь и Дальний Восток (222,9 тыс. против 4 тыс. человек – в 55 раз). Свыше 100 тыс. белорусов было выявлено в Центральной части (перевес в 2,5 раза), 65 тыс. – на Северо-Западе (перевес в 3 раза), свыше 70 тыс. – в Украине (перевес в 2,5 раза). На остальные районы страны приходилось 78 тыс. выходцев из Беларуси (перевес в 3,5 раза) [1, с. 135].

Миграционные потоки из Беларуси определялись также количеством репрессированного ее населения, которое было вывезено за ее границы в лагерь. Реконструированные по материалам архивов пенитенциарной системы СССР данные о количестве заключенных с 1934 по 1953 г., в том числе и осужденных по политическим мотивам, данные баланса лагерного населения, включая разделы, связанные с поступлением и выбытием контингента за 1934–1947 гг., показывают, что наибольшее количество заключенных белорусов в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) по политическим мотивам относится к началу 1938 г. – 49 818 человек. Анализ этнической структуры заключенных ИТЛ свидетельствует, что наиболее высокая интенсивность репрессий пришлась именно на белорусов. Так, согласно расчетам Л. Л. Рыбаковского, коэффициент интенсивности репрессий белорусов составлял – 1,7, русских – 1,1, украинцев – 0,96, евреев – 0,81, народов Казахстана и Средней Азии – 0,69, народов Кавказа – 0,65, других народов СССР – 0,71 и 0,52 – народов других стран [1, с. 136].

После присоединения Западной Беларуси к СССР миграция белорусского населения была обусловлена, прежде всего, ее политическими обстоятельствами. Из бывшей Западной Беларуси значительное количество лиц было депортировано в Сибирь, Поволжье, Казахстан, Коми. Так, с января 1940 г. 177 тыс. человек были высланы из Западной Беларуси в восточные и северные районы Советского Союза. Их национальный состав был следующий: 96 593 – поляки, 59 031 – евреи, 9 334 – украинцы, 9 084 – белорусы, 271 – немцы и 2 790 – представители других национальностей.

Некоторые зарубежные исследователи оценивают миграционные потери за эти полтора года только в Западной Беларуси в 300 тыс. человек. В результате доминировавшее до 1939 г. в западной части Беларуси польское присутствие сменилось усилением белорусского и русского. Начался интенсивный миграционный приток, прежде всего, советских военнослужащих и чиновников на территорию Западной Беларуси,

что создавало иную социокультурную и этническую реальность [1, с. 143].

Заключение. Таким образом, миграционные процессы из Беларуси в Россию в 20–30-х гг. XX столетия были обусловлены потребностями развития народного хозяйства СССР. Разрабатываемая переселенческие мероприятия, руководство страны учитывало экономические задачи, стоящие перед СССР. Это, прежде всего, необходимость формирования мощной промышленной базы в регионах, близких к источникам сырья, но не обладающих достаточным количеством рабочих рук, создание крупных сельскохозяйственных центров, снабжающих новые промышленные предприятия продовольствием и сырьем, увеличение производства сельхозпродукции на экспорт.

Важным аспектом переселенческой политики было повышение обороноспособности СССР путем увеличения численности населения приграничных территорий Дальнего Востока. Оно должно было способствовать развитию национальных окраин СССР.

Среди задач республиканского уровня основной была борьба с аграрной перенаселенностью в 1920-х гг. и оздоровление белорусских колхозов через переселение в многоземельные регионы СССР, неэффективностью используемых трудовых ресурсов в 1930-х – 1941 г. Сельскохозяйственное переселение в 1920-х гг. дало возможность в самый трудный момент восстановительного периода снизить накал земельного голода и позволило сотням тысяч крестьян наладить хозяйство как за пределами республики, так и в БССР.

Тем не менее переселенческая политика не смогла решить всех поставленных перед ней задач. Это было связано как с объективными (нехватка финансирования), так и субъективными (формальное отношение советских и государственных деятелей к переселенческим мероприятиям в местах выхода и вселения) причинами. Ключевым фактором, оказавшим негативное влияние на реализацию переселенческих мероприятий, стало изменение концептуальных подходов государства к дальнейшему экономическому развитию СССР.

Сворачивание НЭПа в конце 1920-х гг. привело к отказу государства от индивидуальной формы сельскохозяйственных переселений и концентрации усилий только на коллективных переселениях. В сфере промышленного переселения государство проводило противоречивую политику – то усиливая государственный контроль за подбором кадров, то предоставляя относительную свободу хозорганам. Это не позволяло переселенческой политике в полной мере реализоваться.

Литература

1. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / ред. Л. Л. Рыбаковский. М.: Akademiya, 2009. 431 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2295.
3. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3625.
4. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск: Из-во Том. ун-та, 1976. 283 с.
5. Йоцюз В. А. Фарміраванне арганізацыйна-прававой асновы сельскагаспадарчага перасялення ў БССР (1920–1940 гг) // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2014. № 2. С. 24–27.
6. Ракачев В. Н. К вопросу об организации переселения красноармейцев белорусского военного округа на Кубань и Ставрополье в 1930-е гг. // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 51–55.
7. Йоцюз В. А. К вопросу об национальном аспекте переселенческой политики в БССР (1920–1930 гг.) // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2015. № 2. С. 69–72.

References

1. *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve*. Red. L. L. Rybakovskiy [Transformation of migration processes in the post-Soviet space]. Ed. L. L. Rybakovskiy. Moscow, Akademia Publ. 2009. 431 p.
2. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4p. I 1. F. 2295.
3. NARB. Fund 4p. I 1. F. 3625.
4. Platonov N. I. *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i eye osushchestvleniye v SSSR (1917 – iyun' 1941 g.)* [Resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1976. 283 p.
5. Yotsyus V. A. Formation of the organizational-legal bases of agricultural resettlement in the BSSR (1920–1940 gg.). *Vesti Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Belarusian State Pedagogical University], 2014, Series 2, History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economy. Culturology, no. 2, pp. 24–27 (In Belarusian).
6. Rakachev V. N. On the question of the organization of resettlement of red army soldiers the Belarusian military district in the Kuban and Stavropol in the 1930s. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2014, no. 5: History, Philosophy, Philology, pp. 51–55 (In Russian).
7. Yotsyus V. A. To the question about the national aspect of the resettlement policy in the Byelorussian SSR (1920–1930). *Vesti Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Belarusian State Pedagogical University], 2015, Series 2, History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economy. Culturology, no. 2, pp. 69–72 (In Russian).

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.03.2018

УДК 821.161.3 «1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ПРАЦЭСЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ЛЁСЕ
БЕЛАРУСКАЙ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ (1920-Я – 1930-Я ГАДЫ)**

У артыкуле разглядаюцца пытанні правядзення нацыянальнай палітыкі, вядомай як беларусізацыя, ролі нацыянальнай інтэлігенцыі, шляхоў і метадаў падпарадкавання яе партыйнаму кіраўніцтву. Вызначальную ролю ў лёсе беларускай інтэлігенцыі адыграла кампанія па барацьбе з «нацыянал-дэмакратызмам», якая стала лагічным вынікам фарміравання жорсткай, камандна-бюракратычнай сістэмы наогул, заснаванай на рэжыме асабістай улады і ўсеагульнай падазронасці. Такі рэжым не мог цяпець самастойнасці ні ў эканоміцы, ні ў нацыянальнай палітыцы, не хацеў мірыцца з самастойнасцю мясцовых кадраў. Небяспеку для гэтага рэжыму прадстаўляла і нацыянальная інтэлігенцыя, па якой і прыйшоўся першы ўдар.

Ключавыя словы: нацыянальная культура, палітыка беларусізацыі, нацыянальная інтэлігенцыя, «нацыянал-дэмакратызм», настаўніцтва, рэпрэсіі, беларуская навука, мастацкая спадчына.

I. U. Kolyada

Belarusian State Technological University

**NATIONAL PROCESSES IN THE BELARUSIAN LANDS
IN THE FATE OF THE BELARUSIAN INTELLIGENTSIA (1920–1930)**

The article deals with issues of national policy known as belorussizatsiya, the role of national intelligence, ways and methods of its subordination to the party leadership. A decisive role in the fate of the Belarusian intelligentsia played a campaign against «national democracy», which is a logical result of the formation of a rigid, bureaucratic command system in general, based on the regime of personal power and general suspicion. Such a regime could not tolerate any independence in the economy, nor in national politics, would not accept the independence of local personnel. The danger to this regime and represented the national intelligentsia, of which the first blow fell.

Key words: national culture, Belarusization policy, national intelligentsia, «national democracy», mentoring, repressions, the Belarusian science, artistic heritage.

Уводзіны. У гісторыі Беларусі 1920-я гг. сталі часам правядзення палітыкі нацыянальна-культурнага будаўніцтва, вядомай як беларусізацыя. Гэта дзесяцігоддзе называюць «зала-тым», маючы на ўвазе ўзлёт інтэлектуальных сіл беларускага народа, які адбыўся ў гэтыя гады, уздым яго культуры, навукі, поспехі народнай адукацыі, што, несумненна, спрыяла росту нацыянальнай самасвядомасці.

З самага пачатку беларусізацыі і на працягу ўсяго ходу яе ажыццяўлення вельмі востра стаялі пытанні нацыянальнай палітыкі, ролі нацыянальнай інтэлігенцыі, шляхоў і метадаў падпарадкавання яе партыйнаму кіраўніцтву, развіцця нацыянальнай свядомасці. Па гэтых пытаннях сутыкаліся два погляды і два падыходы. Іх можна вызначыць як жорсткі, адміністрацыйна-сілавы і больш памяркоўны, прафілактычна-выхаваўчы. Па меры таго, як набірала моц палітыка ўсталявання аднапартыйнай сістэмы, першы падыход становіўся адзіна правільным.

Асноўная частка. Ужо ў канцы 1920-х гг. у рэспубліцы пачынае разгортвацца кампанія па разгрому так званага «нацыянал-дэмакратызму»,

якая вызначыла карэнны паварот у правядзенні беларусізацыі. І калі першапачаткова «нацыянал-дэмакратызм» вызначаўся як тэндэнцыя «ставіць нацыянальныя інтарэсы вышэй класавых», то пазней яго палітычныя ацэнкі сталі штучна завастрацца аж да правядзення аналогій з нацыянал-фашызмам [1, с. 43–44].

КП(б)Б прыкладвала вялікія намаганні для таго, каб адцясніць ад правядзення беларусізацыі нацыянальна свядомых прадстаўнікоў інтэлігенцыі, дабіцца манополіі ў гэтай справе.

Усё часцей абвінавачванні ў падтрымцы ідэалогіі «нацыянал-дэмакратызму» сталі гукаць у адрас беларускай інтэлігенцыі. Упершыню аб гэтым было заяўлена ў верасні 1925 г. А. І. Крыніцкім, першым сакратаром ЦК КП(б)Б, на сходзе Мінскай гарадской партыйнай арганізацыі: «Отмечается неизбежное при росте хозяйства возрастание тяги некоторых элементов мелкобуржуазной интеллигенции к национально-демократической платформе, особенно под влиянием зажиточного крестьянства...» [2, с. 7–8].

А неўзабаве барацьба з інтэлігенцыяй, як лепшай, нацыянальна свядомай часткай, якая выступала супраць партыйнага дыктату,

становіцца афіцыйнай палітыкай. Сваю ролю ў гэтым адыграла камісія ЦКК КП(б) Украіны на чале з яе старшынёй У. П. Затонскім, якая вывучала практыку правядзення нацыянальнай палітыкі ў БССР. Высновы яе былі наступнымі: нацыянал-дэмакратызм у рэспубліцы перайшоў у адкрытае наступленне; падкрэслівалася непамерна вялікая роля інтэлігенцыі ў палітычным жыцці рэспублікі, з настроймі якой лічылася партыйнае кіраўніцтва; ставілася задача спыніць «занадта зацягнуўшуюся палітыку падладжвання пад вярхушку інтэлігенцыі», а таксама «прымірэнчыскія адносіны да розных ухілаў» [3].

Дзейнасць камісіі стала пачаткам нацыянальнай трагедыі. Палітычныя ацэнкі нацыянал-дэмакратызму сталі ненатуральна завастраца ажно да правядзення аналогіі з нацыянал-фашызмам. Пад ім сталі разумець варожую савецкаму ладу ідэалогію і практыку, контррэвалюцыйныя плыні, мэта якіх – рэстаўрацыя капіталізму ў БССР і арыентацыя на Захад [1, с. 3–4].

Калі спачатку нацыянал-дэмакратызм разглядаўся як нацыяналістычная плынь, якая можа ўзнікнуць на дробнабуржуазнай аснове ў любой нацыі, то пазней ён набыў ацэнку менавіта беларускага нацыяналізму. Больш таго, галоўнай небяспекай у ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі на Беларусі сталі лічыць менавіта беларускі нацыянал-дэмакратызм [4, с. 164–165]. Пры гэтым палярна мяняліся ацэнкі мінулага. Ужо ўвесь нацыянальна-вызваленчы рух без якой-небудзь дыферэнцыяцыі, пачынаючы з Ф. Багушэвіча, стаў абвясчана рэакцыйным.

Такія вызначэнні патрабавалі выяўлення канкрэтных ворагаў, прычым аб'яднаных у буйныя антысавецкія арганізацыі. Абвінавачванні ў нацыянал-дэмакратызме ўсё часцей сталі гучаць у адрас такіх вядомых партыйных і дзяржаўных дзеячаў, як Д. Жылуновіч (старшыня Белдзяржвыдавцтва), У. Ігнатоўскі (прэзідэнт Акадэміі навук Беларусі), Д. Прышчэпаў (наркам земляробства), А. Баліцкі (наркам асветы) і інш., асабліва тых з іх, якія да ўваходжання ў склад КП(б)Б з'яўляліся членамі арганізацый рэвалюцыйна-дэмакратычнага кірунку. У ходзе кампаніі па выкрыцці «нацдэмаўшчыны» крытыка нярэдка накіроўвалася і супраць старшыні ЦВК БССР А. Чарвякова. На XVI з'ездзе КП(б)Б у 1937 г. ён падвергся яўна інспіраваным злосным нападкам з боку кіраўніцтва і дэлегатаў з'езда. Яму было прад'яўлена абвінавачванне ў тым, што ён з'яўляецца ідэйным натхняльнікам і кіраўніком нацыянал-апартуністычнага ўхілу у КП(б)Б і «нацдэмаўскага руху наогул».

Такім чынам, з умацаваннем адміністрацыйна-каманднай сістэмы палітычныя ацэнкі

«нацыянал-дэмакратызму» становіліся ўсё больш вострымі, і неўзабаве справа дайшла да сур'ёзных абвінавачванняў вялікай групы беларускай інтэлігенцыі аж да абвясчэння яе праціўнікамі савецкага ладу. Апагеям гэтай кампаніі стала сфабрыкаваная ад пачатку да канца справа, якая атрымала назву «Саюз вызвалення Беларусі». У канцы 1929 г. – пачатку 1930-х гг. быццам за прыналежнасць да гэтага Саюза было асуджана больш за 90 чалавек, галоўным чынам работнікі навукі, культуры, мастацтва і шэрагу наркаматаў рэспублікі. Сярод іх – наркам асветы А. Баліцкі, дырэктар выдавецтва «Беларусь» П. Іллючонак, наркам земляробства Д. Прышчэпаў. Кіраўніцтва гэтай арганізацыяй прыпісвалася І. Лёсіку, С. Некрашэвічу, В. Ластоўскаму – акадэмікам АН БССР. Усіх іх абвінавачвалі ў імкненні звергнуць савецкую ўладу і ўсталяваць беларускую буржуазную дзяржаўнасць. Як вынік – розныя тэрміны зняволення, высылкі, а ў 1937 г. амаль усе, хто праходзіў «па справе СВБ», былі асуджаны паўторна да вышэйшай меры.

Пад сцягам барацьбы з «нацдэмаўшчынай» моцны ўдар быў нанесены па розных групам творчай інтэлігенцыі. Па няпоўных даных, у 1930-я гг. было асуджана каля 90 членаў Саюза пісьменнікаў Беларусі, з якіх больш за 50 загінулі ў лагерах і турмах. Сярод іх такія выдатныя дзеячы культуры, заснавальнікі сучаснай беларускай літаратуры, як М. Гарэцкі, У. Галубок, М. Чарот, М. Зарэцкі і інш. Больш за 100 навукіцаў страціла ў тых гадах АН БССР [5, с. 301]. Масавыя рэпрэсіі знішчылі значную частку работнікаў мастацтва, асветы.

З пункту гледжання тагачаснай афіцыйнай ідэалогіі небяспеку рэжыму прадстаўлялі школьныя настаўнікі, таму што менавіта на іх быццам бы абпіраліся ў сваёй контррэвалюцыйнай дзейнасці беларускія нацдэмы і сярод іх вербавалі сваіх прыхільнікаў. Таталітарызм праганяў са школы найбольш адукаваных, нацыянальна свядомых настаўнікаў. З пачатку 1930-х гг. рэпрэсіі сярод настаўнікаў пачалі насіць масавы характар, арыштоўвалі ўжо не па адным, а групамі. І што мог супрацьпаставіць гэтаму радавы настаўнік, хто мог яго абараніць, калі нават наркамы асветы не маглі абараніць сябе, сваё жыццё? Аднаго за другім па палітычных абвінавачваннях выключалі з партыі, здымаюць з пасады, а потым арыштоўваюць і прыгаворваюць да вышэйшай меры пакарання наркамаў асветы А. А. Чарнушэвіча, А. І. Дзьякава, У. І. Півавава.

Многія настаўнікі былі арыштаваны без усялякіх падстаў. Іх месца займалі людзі мала падрыхтаваныя, без спецыяльнай адукацыі (асноўны склад настаўнікаў меў сярэдняю і

незакончаную сярэдняю адукацыю). Так, наркам асветы Е. Уралава, прызначаная на гэту пасаду ў ліпені 1938 г., мела пачатковую адукацыю. Зразумела, што ўсё гэта не магло не адбіцца на ўзроўні работы агульнаадукацыйнай школы.

У хуткім часе ўжо само навучанне на беларускай мове становіцца аргументам для абвінавачвання ў «нацыянал-дэмакратызме». Так здарылася з таленавітым вучоным, рэктарам БДУ У. Пічэтам, якога абвінавацілі яшчэ і ў праходняй арыентацыі за тое, што ва ўніверсітэце вялося выкладанне на беларускай мове і чыталіся курсы лекцый па «Гісторыі славян» і «Гісторыі Польшчы». А менавіта гэты чалавек шмат зрабіў для паспяховага вырашэння задачы планамернага ўводу беларускай мовы ў розныя сферы грамадскага жыцця, і ў першую чаргу ў дзейнасць рэспубліканскага дзяржаўнага і партыйнага апарата. Бачачы, з якой цяжкасцю, а часам пры адкрытым ці завуаліраваным супраціўленні службовых асоб ідзе ўкараненне беларускай мовы ў справядства дзяржаўных, партыйных, адміністрацыйна-гаспадарчых органаў, у сістэме народнай асветы, У. Пічэта выдае кнігу «Беларуская мова як фактар нацыянальна-культурны», якая дапамагла многім беларусам карэнным чынам змяніць сваё стаўленне да беларускай мовы. У сваёй рабоце вучоны пераканаўча даказаў, што ў беларусаў была і ёсць родная мова, адметная ад рускай, украінскай і польскай. Акрамя таго, ён беспамылкова вызначыў, што галоўнай апорай ў адраджэнні павінна стаць інтэлігенцыя як найбольш адукаваны і нацыянальна-свядомы пласт беларускага народа.

Пад выглядам барацьбы з нацыянал-дэмакратызмам з ВДУ былі выдаленыя вядомыя навукоўцы, прыхільнікі беларусізацыі, якія выдатна ведалі гісторыю, мову, культуру народа. Новых супрацоўнікаў вышэйшай школы, што прыйшлі на іх месца, мала хвалявалі нацыянальныя інтарэсы.

Спынілі сваё развіццё цэлыя напрамкі беларускай навукі. У 1938 г. былі закрыты інстытуты філасофіі і савецкага будаўніцтва і фізіка-тэхнічны з той прычыны, што ў іх практычна не засталася работнікаў. У распараджэнне Дзяржплана БССР перайшоў Інстытут эканомікі.

На доўгія гады былі падарваныя асновы для паспяховай падрыхтоўкі нацыянальных кадраў і развіцця навукі і культуры. Інтэлігенцыя ВДУ, падначаленая партыйным і класавым прынцыпам, вымушаная была прытасоўвацца да таго курсу, які праводзіўся. Гэта зніжала творчы патэнцыял, дрэнна адлюстроўвалася на якасці работы выкладчыцкіх кадраў.

Пасля «справы СВБ» афіцыйная прапаганда звярнула свой позірк на літаратурны кірунак,

дзе, нібыта, ізноў пачала актывізавацца нацдэмаўшчына. У хуткім часе былі арыштаваныя С. Грахоўскі, А. Звонак, С. Шушкевіч, У. Хадзька і інш.

Абстаноўка разгубленасці і хвалявання за заўтрашні дзень не садзейнічала стварэнню ўмоў для творчай працы пісьменнікаў і паэтаў, свабоднаму выяўленню поглядаў на рэчаіснасць. Людзі пачалі баяцца адзін аднаго, пазбягаць сустрэч і сяброў, усіх апанаваў страх. Масавыя арышты прывялі да таго, што ў 1938 г. літаратары знаходзіліся ў стане творчай дэпрэсіі, маральнай падаўленасці.

У 1930-я гг. перад літаратурай была пастаўленая задача служэння новаму лозунгу часу – «сацыялістычнаму будаўніцтву». Асноўным метадам літаратуры быў заяўлены метады сацыялістычнага рэалізму, галоўным прынцыпам якога аб'яўлялася «праўдзівае гісторыка-канкрэтнае адлюстраванне рэчаіснасці ў яе рэвалюцыйным развіцці».

У выніку ўсё гэта садзейнічала зніжэнню духоўнага і мастацкага ўзроўню літаратурных твораў. І таму заканамерна, што менавіта другая палова 1930-х гг. аказалася асабліва беднай у творчых адносінах.

Метады сацыялістычнага рэалізму, класавы падыход дамінавалі не толькі ў літаратуры, але і ў тэатральным і музычным мастацтве. Творчы працэс кантраляваўся цензурай, урадавымі і прафесійнымі арганізацыямі, якія настойвалі на тым, каб і ў тэатральных пастаноўках, і ў музычных творах адказваліся ад тэм гістарычнага мінулага, а шукалі актуальныя тэмы ў сучаснасці. У беларускім тэатры былі забаронены амаль усе лепшыя пастаноўкі 1920-х гг. Былі зняты з рэпертуару спектаклі па п'есах А. Міровіча «Кастусь Каліноўскі», «Машэка», М. Чарота «На Купалле», В. Шашалевіча «Апраметная», Я. Купалы «Гутэйшыя», п'есы Ф. Аляхновіча.

Пад шылдаю змагання з нацыянал-дэмакратызмам на мастацкім фронце з ведама аддзела мастацтва Наркамасветы БССР пачынаецца чыстка мастацкай спадчыны. Шэраг мастакоў былі абвінавачаныя ў наследванні буржуазнаму мастацтву. Так, у вобразах мастака М. Філіповіча (аўтар такіх палюцен, як «Ноч на Івана Купалу», «Бітва на Нямізе», «Паўстанне К. Каліноўскага») знайшлі ідэалізацыю мінулага, адлюстраванне народных забабонаў і кулацкіх настрояў. Яго ўдзел у экспедыцыях, як і сам факт паездкаў з мэтай зарысавак старажытных цэркваў і царкоўнага абсталявання, быў расцэнены як варожая дзейнасць нацыянал-дэмакратаў. Ад мастакоў усё больш патрабавалі паказу жыцця з пафасам манументальнасці, праслаўлення вышэйшага кіраўніцтва. Тых, хто не згаджаўся з гэтым,

падвяргалі крытыцы як з боку партыйнага кіраўніцтва, так і з боку кіраўніцтва Саюза мастакоў. І ўжо нават самыя таленавітыя мастакі (каб апраўдаць гэтае званне і проста выжыць) вымушаны былі прыстасоўвацца, пісаць пра тое, аб чым гаварыла афіцыйная прапаганда.

Мастакі-графікі былі раскрытыкаваныя за імкненне адродзіць традыцыі Скарынінскай бібліі, што расцэнвалася як праява нацдэмаўшчыны ў мастацтве. На заклік партыі «выкарчоўваць» ідэалізацыю мінулага Беларусі распачалася кампанія вынішчэння прац, якія можна было падагнаць пад гэту катэгорыю.

Пачынаецца рэгулярная чыстка бібліятэк ад нацдэмаўскай і іншай «варожай» літаратуры, што на справе прыводзіла да ачышчэння ад усёго нацыянальнага ў літаратуры і гісторыі. Былі забаронены падручнікі па гісторыі беларускай літаратуры М. Гарэцкага, мове – Я. Лёсіка, геаграфіі – А. Смоліча, гісторыі – У. Ігнатоўскага і інш. Знішчаліся творы У. Дубоўкі, Я. Пушчы, Ц. Гартнага, усіх тых таленавітых людзей, каго нападкаў лёс называцца нацдэмамі. Не дапускаліся да чытача часопісы «Узвышша», «Полымя», выданні Інстытута беларускай культуры па гуманітарных дысцыплінах. Органы Галоўліта вялі пастаянны кантроль за ходам знішчэння ў бібліятэках «класава варожай» літаратуры. А з прыняццем пастановаў «Аб парадку захоўвання кніжных фондаў у масавых бібліятэках», (1933 г.) былі пакладзены асновы стварэння «спецыяльных» сховішчаў, у якія пападала забароненая літаратура. Фактычна, беларуская кніга стала ўяўляць сабой вялікую небяспеку.

У выніку гэтай кампаніі знішчаліся музейныя экспанаты, сабраныя навукоўцамі, багаты этнаграфічны і фальклорны матэрыял, старадрукаваныя кнігі і рукапісы. Спробы захавання іх былі небяспечнымі. Ды ўжо і няма каму было практычна займацца захаваннем культурна-гістарычных помнікаў. Большая частка прадстаўнікоў інтэлігенцыі, тых, хто быў непасрэдна звязаны з адроджэннем культуры, мастацтва і навукі беларускага народа, была рэпрэсаваная.

За даволі кароткі тэрмін у якасці выканання сацыяльнага заказу дзяржавы і партыі з'яў-

ляюцца цэлыя «навуковыя працы», якія тэарэтычна і гістарычна абгрунтавалі разгром нацыянал-дэмакратызму (С. Вальфсон «Ідэалогія і методологія нацдэмакратызма», А. Зюзькоў «Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі»). Многія важныя падзеі, што адбыліся падчас беларусізацыі, былі паказаны зусім у іншым свеце, як бы ў крывым люстэрку. Небяспечным лічылася нават імкненне творчай інтэлігенцыі сцвярджаць нацыянальны стыль у літаратуры, жывапісе, тэатральных п'есах і інш. Зразумела, што такія творы зрабілі адмоўны ўплыў на ўсё ход беларусізацыі.

Заклучэнне. Адзначым, што ўсе гэтыя працэсы былі цесна звязаныя са згортаннем НЭПа. Менавіта ў канцы 1920-х гг. стала згортавацца НЭПаўская мадэль развіцця сацыялізму, што не магло не адлюстравацца на ідэалагічнай дзейнасці партыі. Тэндэнцыя да спрашчэння, аднастайнасці, аднадумства паступова знішчыла ўсё, што не ўпісвалася ў сталінскую мадэль грамадскага ладу. Усё часцей нацыянальнае свядома сталі атаясамліваць з нацыяналістычным, з падазрэннем адносіцца да любых праяў нацыянальных пачуццяў і турбоце аб развіцці нацыянальнай культуры і мовы. Гэтая насцярожанасць даволі хутка стала вылівацца ў ваяўнічую нецярпімасць да любога іншадумства.

Трансфармацыя такога роду перш за ўсё адчулася ў сферы нацыянальна-дзяржаўнага, нацыянальна-культурнага будаўніцтва, дзе аб'ектыўна існавала глеба для неаднолькавых поглядаў на шматлікія пытанні практычнага ажыццяўлення нацыянальнай палітыкі.

Нельга сказаць, што разгром нацыянал-дэмакратызму быў спецыяльна задуманым ударам супраць нацыянальнай інтэлігенцыі. Ён быў лагічным вынікам фарміравання жорсткай, камандна-бюракратычнай сістэмы наогул, заснаванай на рэжыме асабістай улады і ўсеагульнай падазронасці. Такі рэжым не мог цягнуць самастойнасці ні ў эканоміцы, ні ў нацыянальнай палітыцы, не хацеў мірыцца з самастойнасцю мясцовых кадраў. Небяспеку для гэтага рэжыму прадстаўляла і нацыянальная інтэлігенцыя, як найбольш адукаваная частка грамадства, па якой і прыйшоўся першы ўдар.

Літаратура

1. Трэцяя сесія ЦВК БССР IX склікання. 10–16 снежня 1930 г. Стэнаграфічная справаздача. Мінск: Выд-ва ЦВК БССР, 1931. 452 с.
2. Криницкий А. И. Особенности внутрипартийного положения КП(б)Б. Доклад на собрании бюро ячейки Минской городской организации КП(б)Б 18 сентября 1925 г. Минск: Изд-во газеты «Звезда», 1925. 21 с.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4. Воп. 21. Спр. 196. Арк. 108–109.
4. Сінякевіч А. За ленінскую лінію ў нацпалітыцы // Полымя. 1930. № 11–12.
5. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1997. 486 с.

References

1. *Tretyaya sesiya TsVK BSSR IX sklikannya. 10–16 snezhnya 1930 g. Stenagrafitchnaya spravazdatcha* [The third session of the CEC of the BSSR IX convocation. 10–16 December 1930. Verbatim Report]. Minsk, Vydavetstva TsVK BSSR Publ., 1931. 452 p.
2. Krinitskiy A. I. *Osobennosti vnutripartiynogo polozheniya KP(b)B. Doklad na sobranii byuro yacheyki Minskoy gorodskoy organizatsii KP(b)B 18 sentyabrya 1925 g.* [Features inner-position of the CP(b)B. Report to the branch committee meeting of the Minsk city organization of the CP(b)B of September 18, 1925]. Minsk, Izdatel'stvo gazety "Zvyazda" Publ., 1925. 21 p.
3. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund. 4. I. 21. F. 196. L. 108–109.
4. Sinyakevich A. For the Leninist line in natspalitytsy. *Polymya* [Flame], 1930, no. 11–12 (In Belarusian).
5. Lych L., Novitsky U. *Gistoriya kul'tury Belarusi* [History of Belarusian Culture]. Minsk, VP "Ekaperspektyva" Publ., 1997. 486 p.

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускае дзяржаўнае тэхналагічнае ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь).

Information about the author

Kolyada Ina Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Пасмуніў 20.03.2018

УДК 327:930(4)«1938/...»

Л. Ч. Дрожжа

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**МЮНХЕНСКАЕ ПАГАДНЕННЕ 1938 Г.: УРОКІ МІНУЛАГА
(ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ)**

Прадметам даследавання з'яўляецца Мюнхенскае пагадненне 30 верасня 1938 г., якое характарызуе міжнародныя адносіны перадваеннага перыяду ў адлюстраванні сучаснай заходне-еўрапейскай, польскай і расійскай гістарыяграфіі з мэтай высвятлення ролі гэтай падзеі ў гісторыі Еўропы і свету. Мюнхенскае пагадненне лічыцца класічным прыкладам праявы палітыкі «замірэння» агрэсара, якая ў канцы 1930-х гг. прывяла да росту агрэсіўнасці Германіі і стала адной з перадумоў пачатку Другой сусветнай вайны.

Ключавыя словы: міжнародныя адносіны, Мюнхенскае пагадненне 30 верасня 1938 г., Другая сусветная вайна, гістарыяграфія.

L. Ch. Drojja

Belarusian State Technological University

**MUNICH AGREEMENT 1938: LESSONS OF THE PAST
(HISTORIOGRAPHY OF PROBLEM)**

The article of research is the Munich agreement of September, 30, 1938, which characterizes the international relations of period before World War II, in the reflection of modern Western-European, Polish and Russian historiography with the purpose of finding out of role of this event in history of Europe and world. The Munich agreement is considered the classic example of display the policy of appeasement for aggressor, which at the end of 1930th y. resulted in growth of aggressiveness of Germany and became one of pre-conditions of the beginning of World War II.

Key words: international relations, World War II, Munich agreement of September, 30, 1938, historiography.

Уводзіны. Гістарычныя падзеі, звязаныя з перадумоўмі пачатку Другой сусветнай вайны, у тым ліку Мюнхенскае пагадненне 1938 г., у апошні час сталі прадметам дыскусій не толькі сярод гісторыкаў, але і грамадскіх дзеячаў. Мэта праведзенага даследавання – аналіз сучаснай гістарыяграфіі ў высвятленні ролі Мюнхенскага пагаднення ў гісторыі перадваеннай Еўропы і свету. Для дасягнення гэты вырашаны наступныя задачы: 1) разглядзець трактоўку Мюнхенскага пагаднення ў заходне-еўрапейскай, польскай і расійскай гістарыяграфіі; 2) раскрыць адметныя і агульныя рысы ў ацэнцы замежнымі і расійскімі гісторыкамі вытокаў і наступстваў Мюнхенскага пагаднення.

Асноўная частка. Мюнхенскае пагадненне 1938 г., правамерна названае савецкімі гісторыкамі «змовай», – адна са знакавых падзей, якая папярэднічала Другой сусветнай вайне. Мюнхенская змова, пагадненне аб далучэнні памежных зямель Чэхаславакіі, населеных пераважна судэцкімі немцамі да нацысцкай Германіі, было падпісана 30 верасня 1938 г. на канферэнцыі ў Мюнхене прадстаўнікамі Вялікабрытаніі (Н. Чэмберлен), Францыі (Э. Даладзье), Германіі (А. Гітлер) і Італіі (Б. Мусаліні). Дамова з'явілася вынікам агрэсіўнай палітыкі Германіі і Гітлера, які абвясціў рэвізію Версальскага

мірнага дагавора з мэтай аднаўлення германскага рэйха, з аднаго боку, і англа-французскай палітыкі «*appeasement*» – «замірэння» агрэсара, з другога [1].

Цікава тое, што Чэхаславакія не прымала ўдзелу ні ў абмеркаванні Мюнхенскага пагаднення, ні ў яго падпісанні. Да асноўнага тэксту дагавора дадаліся адно дадатковае пагадненне і тры дадатковыя дэкларацыі, якія былі паслядоўна падпісаныя на працягу ночы з 29 на 30 верасня 1938 г. прадстаўнікамі краін-удзельніц асобна [2, с. 237–239]. У сувязі з гэтым тэрмін «Мюнхенскае пагадненне» ў навуковай літаратуры часта прыводзіцца ў множным ліку – «Мюнхенскія пагадненні». Абодва тэрміны маюць адзін і той жа сэнс і з'яўляюцца раўнапраўнымі.

У апошнія гады ў канцы верасня – пачатку кастрычніка публікуюцца, прымеркаваныя да гадавіны падпісання Мюнхенскага пагаднення, меркаванні палітыкаў, навукоўцаў па такіх пытаннях: ці стаў Мюнхенскі дагавор «кропкай невяртання» ў развязванні Другой сусветнай вайны; ці вінаватыя Вялікабрытанія і Францыя, якія праводзілі палітыку «замірэння» агрэсара, у гэтай трагедыі; якія актуальныя ўрокі «Мюнхенскай змовы» вывучаюцца на сучасным этапе і інш. [3].

Вынікі дагавора далі кіраўніцтву Трэцяга Рэйха сур'ёзныя падставы спадзявацца на тое,

што Англія і Францыя і ў будучыні не будуць рэагаваць на агрэсіўныя дзеянні Германіі. Гэтае пагадненне, складзенае без удзелу Чэхаславакіі, фактычна прывяло да яе падзелу паміж Германіяй, Венгрыяй і Польшчай. Мюнхенскае пагадненне відавочным чынам зашчамляла інтарэсы дзяржавы, якая не ўдзельнічала ў вырашэнні свайго ўласнага лёсу.

У *англійскай гістарыяграфіі* з дня заключэння Мюнхенскага пагаднення яго ацэнка гісторыкамі змянялася некалькі разоў. Пагадненне выклікала ў свой час рэзкае размежаванне ў англійскім палітычным асяроддзі. Пачатак вайны ў верасні 1939 г. пераканаўча пацвердзіў, што знешнепалітычны курс Англіі пацярпеў крах. Пагадненне ў Мюнхене было прызнана «памылкай». Аднак за гэтым не было сур'ёзнага аналізу прычын гэтай «памылкі». Брытанскія гісторыкі імкнуліся прадставіць Мюнхенскае пагадненне справай рук аднаго Н. Чэмберлена і невялікай групы яго дарадцаў. Прафесар Лонданскага ўніверсітэта, аўтар двухтомніка «Эканамічная блакада», які ўвайшоў у афіцыйную англійскую «Гісторыю Другой сусветнай вайны», і яго калега У. Медлікот у сваіх працах абвінавачвалі Чэмберлена за «адсутнасць ініцыятывы, прадбачлівасці і хуткай рэакцыі». Канцэпцыя Мюнхенскай змовы як вынік уласнай памылкі Чэмберлена апынулася жывучай, у розных варыянтах яна паўтаралася ў англійскай навуковай літаратуры доўгі час [4].

Іншы англійскі гісторык Л. Нэмір у кнізе «Дыпламатычная прэлюдыя» лічыць, што Н. Чэмберлен быў дэлетантам у дыпламатыі, не меў ведаў і вопыту, неабходных для кіраўніцтва знешняй палітыкай Англіі ў выключна складанай абстаноўцы тых гадоў; ён проста не разумеў да канца таго, што адбываецца, не аддаваў сабе справаздачы ў наступствах сваіх крокаў [2, с. 190–195]. У сучаснай англійскай гістарычнай навуцы зацвердзілася меркаванне аб непазбежнасці Мюнхенскага пагаднення з мэтай захавання міру ў перадаеннай Еўропе.

Падыходы вядучых *французскіх гісторыкаў* да палітыкі Трэцій рэспублікі ў перыяд Мюнхена ў некаторай ступені разыходзяцца. Аднак французскія даследчыкі, напрыклад Ж.-Б. Дзюразэль, Ф. Бедарыда і іншыя, у той ці іншай меры схільныя ўскладаць адказнасць за заключэнне Мюнхенскіх пагадненняў на Англію, прызнаючы факт уплыву ў перадаенны перыяд на французцаў брытанскіх дыпламатычных колаў. Маральна-палітычная характарыстыка Мюнхенскіх пагадненняў, як «знака ганьбы» (М. Бамон), у французскай гістарыяграфіі адназначная [4].

Асаблівасцю *ўсходнегерманскай гістарыяграфіі* стаў той факт, што аналіз вытокаў і вы-

нікаў Мюнхенскага пагаднення гісторыкамі ГДР у гэты перыяд цалкам адпавядаў савецкай канцэпцыі: здрадніцтва заходнееўрапейскіх дыпламатыў сваім саюзным абавязкам, палітыка «замірэння» агрэсара і зрыў падпісання Усходняга пакта аб калектыўнай бяспецы перад пагрозай нямецкай агрэсіі [5, с. 68–69].

У канцы 1980-х гг. у *гістарыяграфіі ФРГ* адбыліся пэўныя змены. У 1988 г. да пяцідзесятай гадавіны Мюнхенскага пагаднення быў падрыхтаваны зборнік «Мюнхен 1938 год. Канец старой Еўропы». Аўтары зборніка прыйшлі да высновы, што дыскрымінацыя судэцкіх немцаў у Чэхаславакіі, мела месца і прэтэнзіі А. Гітлера былі тэарэтычна абгрунтаваныя [5, с. 66–67]. Пры гэтым ні адзін з аўтараў не спрабаваў апраўдаць нямецкую палітыку ў дачыненні да суседа (Чэхаславакіі).

Неабходна адзначыць, што асноўнай вартасцю прац *польскіх даследчыкаў*, выдадзеных у канцы 1980-х – 2000-я гг., якія адлюстроўваюць канцэпцыю знешняй палітыкі «раўнавагі» паміж вялікімі суседзямі Германіяй і СССР П Рэчы Паспалітай у перыяд Судэцкага крызісу 1938 г., з'яўляецца адсутнасць ідэалагічнай накіраванасці і імкненне даследчыкаў да гістарычнай аб'ектыўнасці. Большасць гісторыкаў лічыць, што Мюнхенскі дагавор 29–30 верасня 1938 г. стаў сімвалам палітыкі «*appeasement*». Па іх меркаванні, «замірэнне» агрэсіўнай палітыкі Германіі было вынікам дзейнасці Нэвіля Чэмберлена, які прыступіў да абавязкаў прэм'ер-міністра Вялікабрытаніі ў маі 1937 г. На думку польскіх гісторыкаў, асноўнай мэтай яго палітыкі было жаданне накіраваць экспансію нацыстаў на ўсход, у бок СССР. Брытанскія і французскія дыпламаты вырашылі, што рэгуляваць адносіны паміж Германіяй і Італіяй яны павінны без удзелу СССР і ЗША [6, s. 205].

Гісторыкі-міжнароднікі М. Корнат, С. Жэрка, А. Л. Сова негатыўна ацэнаюць вынікі дзейнасці міністра замежных спраў П Рэчы Паспалітай Ю. Бэка, які, праводзячы палітыку «лавіравання» паміж Англіяй, Францыяй, Германіяй на захадзе, і СССР – на ўсходзе, здрадзіў нацыянальным інтарэсам Польшчы, падтрымліваючы «добрасуседскі нейтралітэт» у перыяд Судэцкага крызісу 1938 г. Польскі ўрад быў вельмі зацікаўлены ў далучэнні Цэшынскай вобласці ЧСР, населенай этнічнымі палякамі (67 тыс. чалавек), што паспяхова атрымалася пасля падпісання Мюнхенскай дамовы [7–9].

Дадзеная тэндэнцыя была відавочна адлюстравана гісторыкамі на міжнародных навуковых канферэнцыях, прысвечаных юбілею Мюнхенскага пагаднення 1938 г. і 50-годдзю пачатку Другой сусветнай вайны, арганізаваных навукоўцамі Ягелонскага ўніверсітэта ў Кракаве.

Некаторыя гісторыкі разглядалі тэзы аб магчымасці прадухілення пачатку Другой сусветнай вайны, калі б яшчэ ў перыяд Мюнхенскага пагаднення вядучымі еўрапейскімі дэмакратыямі быў дадзены калектыўны адпор агрэсіўным дзеянням Германіі, а не пасіўнае «замірэнне» агрэсара і імкненне да вырашэння яго інтарэсаў за кошт малых суседніх дзяржаў [10, 11].

Значны ўнёсак у навуковае *польска-расійскае* супрацоўніцтва быў зроблены ў 2004 г., дзякуючы намаганням створанай Міжурадавай групы па складаных пытаннях, якія вынікаюць з гісторыі расійска-польскіх адносін, і Цэнтра польска-расійскага дыялога і пагаднення пад кіраўніцтвам вядомага польскага даследчыка доктара гісторыі Славаміра Дэмбскага. З расійскага боку саўдзельнікам з'яўляўся рэктар МДіМА, акадэмік РАН Таркуноў А. В. Вынікам працы дадзенай групы навукоўцаў з'явілася калектыўная манаграфія, прысвечаная асноўным падзеям міжнароднага крызісу 1938–1939 гг. [12, 13].

На мяжы стагоддзяў значны ўнёсак у прапрацоўку вывучаемага пытання зрабілі чэшскія даследчыкі, дзякуючы праведзенай у Празе ў 2003 г. Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Мюнхенскае пагадненне – шлях да дэструкцыі дэмакратыі ў Еўропе» (Прага, 24–25 кастрычніка 2003 г.). Дамінуючы пункт гледжання, які прагучаў у прамовах удзельнікаў канферэнцыі, зводзіўся да наступнага: Мюнхенскае пагадненне з'явілася «вынікам палітыкі прымірэння, небяспечнай і беспаспяховай у любы час і ў любым асяроддзі, мэтанакіраваным прымірэнствам дэмакратыі з дыктатарам, які абвясціў вайну дэмакратыі» [14].

«Мюнхен» – гэта назва стала намінальным паняццем, яна сімвалізуе агрэсіўную сутнасць гітлераўскай знешняй палітыкі, злучынае невыкананне міжнародных абавязальстваў заходнімі дзяржавамі і несумяшчальнасць з асноўнымі прынцыпамі міжнароднага права. На думку замежных гісторыкаў, Мюнхенскае пагадненне вызначыла чарговы крок на шляху да развязвання Другой сусветнай вайны і першы крок да страты чэхаславацкай дзяржаўнасці, ліквідацыі сістэмы калектыўнай бяспекі і канчатковага ўхілення Лігі Нацый ад рашэння значных пытанняў еўрапейскай і сусветнай палітыкі, фактычную дэансацыю савецка-чэхаславацкага дагавора аб узаемнай дапамозе ад 16 мая 1935 г. [14, с. 7].

Чэшскія гісторыкі, аналізуючы геапалітычнае становішча ЧСР у верасні 1938 г., акцэнтавалі ўвагу на такіх пытаннях: ці ішла тады гаворка аб «здрадзе» нацыянальных інтарэсаў урадам Э. Бэнеша; ці была Чэхаславакія дэмакратычнай дзяржавай, супольнасцю грамадзян, здольных да барацьбы за свабоду і самастойнасць, альбо з'яўлялася краінай, якая раздзіралася ўнутранымі супярэчнасцямі, новай «турмой народаў», і не заслугоўвала нічога, акрамя дэструкцыі; наколькі абгрунтаванай была арыентацыя знешняй палітыкі ЧСР выключна на падтрымку Францыі, краіны слабай, абякроўленай Першай сусветнай вайной, і г. д. [14]. Па сутнасці, усе гэтыя пытанні з'яўляюцца актуальнымі і абмяркоўваюцца гісторыкамі і па сённяшні дзень.

Заклучэнне. Такім чынам, магчыма канстатаваць наяўнасць супярэчлівых падыходаў гісторыкаў у трактоўцы Мюнхенскага пагаднення, яго вытокаў і наступстваў. Асноўнай вартасцю ўсіх навуковых даследаванняў, як замежных, так і расійскіх, з'яўляецца жаданне гісторыкаў паказаць з улікам назапашаных ведаў і новых архіўных крыніц, як свет падышоў да фатальнай рысы, назваць усіх вінаватых у развязванні глабальнага канфлікту ў верасні 1938 г. і тыя сілы, якія спрыялі эскалацыі агрэсіі.

У сучаснай *англійскай, французскай, нямецкай і польскай* гістарыяграфіі асноўны акцэнт у рэалізацыі палітыкі «замірэння агрэсара» робіцца на «ляяльнасць» еўрапейскіх дэмакратыі да агрэсіўных дзеянняў Гітлера, а таксама палітычнай недалянабачнасці прэм'ер-міністра Вялікабрытаніі Н. Чэмберлена ў перыяд Мюнхенскага крызісу. Між іншым, у замежнай гістарычнай навуцы зацвердзілася меркаванне аб непазбежнасці Мюнхенскага пагаднення з мэтай захавання міру ў перадаванай Еўропе.

З нашага пункту гледжання, цікавым і карысным для сучасных гісторыкаў з'яўляецца магчымасць сістэмнага аналізу як замежных, так і расійскіх крыніц для пераасэнсавання існуючых канцэпцый «замірэння» агрэсара, здрадніцтва еўрапейскіх дыпламатыі сваім саюзным абавязкам, ігнаравання міралюбівых прапаноў СССР і інш. з мэтай вывучэння ўрокаў і наступстваў перадавааных падзей у развязванні глабальнай эскалацыі агрэсіі для вырашэння актуальных праблем развіцця сусветнага грамадства.

Літаратура

1. Политическая наука: словарь-справочник / авт. и сост. И. И. Санжаревский. Изд. 6-е, испр. и доп. Тамбов: ТГТУ, 2015. 368 с.
2. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. 1. Ноябрь 1937 г. – дек. 1938 г. / М-во иностр. дел СССР; редкол.: И. Н. Земсков [и др.]. М.: Политиздат, 1981. 376 с.

3. Кто помогал Гитлеру в развязывании Второй мировой войны // Сегодня.ru. Информационно-аналитическое сетевое издание. 11.10.2011. Москва, 2011. URL: <http://www.segodnia.ru/content/11746> (дата обращения: 20.09.2017).

4. Рубцова Е. В., Лендич В. В., Прокопова Е. А. Мюнхенское соглашение 1938 года и его последствия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 161–165. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86036.htm> (дата обращения: 20.09.2017).

5. Куренков В. Ю. Мюнхенское соглашение 1938 г. в работах российских и германских исследователей: Краткий историографический обзор // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 48. С. 65–70.

6. Kamiński M. K., Zacharias M. J. W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939. Warszawa: Wyd. Głos, 1993. 238 s.

7. Kornat M. Józef Beck i polityka «równowagi» międzywojennej polski jako mit. Uwagi nad historiografią problemu // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne, Studia Polono-Danubiana et Balcanica. Kraków, 1997. Z. 124. S. 213–224.

8. Żerko S. Polska wobec zbliżenia niemiecko-radzieckiego u schyłku lat trzydziestych // Przegląd Zachodni. 1998. Z. 2. S. 115–135.

9. Sowa A. L. U progu wojny (z dziejów spraw wewnętrznych i polityki zagranicznej II Rzeczypospolitej. Kraków: WUJ, 1997. 246 s.

10. Rok 1938: Aneksja Austrii i Monachium // Materiały Międzynarodowej sesji naukowej, 7–8 grudnia 1983 r. / pod red. Henryka Batowskiego. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne, Studia Polono-Danubiana et Balcanica II. Kraków: WUJ, 1987. Z. 83. 126 s.

11. Polska, Niemcy, Europa w 1939 r. // Materiały sesji zorganizowanej w Uniwersytecie Jagiellońskim 14 grudnia 1989 r w okazji 50 rocznicy wybuchu II wojny światowej / pod red. Michała Pułaskiego., Uniw. Jagiel., Praca Historyczna. Kraków: WUJ, 1991. Z. 99. 168 s.

12. Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków / pod red. Sławomira Dębskiego i Michała Narińskiego; Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa: PISM, 2009. 479 s.

13. Кризис 1939 года в интерпретациях польских и российских историков / под ред. Славомира Дембского и Михаила Наринского. Варшава: Польский институт международных дел, 2009. 479 с.

14. Mnichovská dohoda. Cesta k destrukci demokracie v Evropě. Praha: WPU, 2004. 272 s.

References

1. *Politieskaya nauka: slovar'-spravochnik* [Political science: dictionary-reference book]. Author and comp. I. I. Sansharevski. Tambov, TGTU Publ., 2015. 368 p.

2. *Dokumenty i materialy kanuna Vtoroy mirovoy voyny. 1937–1939. V 2 t. T. 1. Noyabr' 1937 – dekabr' 1938 g.* [Documents and materials before the Second world war. 1937–1939. In 2 vol. Vol. 1. November 1937 – December 1938]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 376 p.

3. Who helped Hitler in the outbreak of the Second World War. *Segodnya.ru. Informatsionno-analiticheskoye setevoye izdanie* [Segodnya.ru. Information analytical network edition]. 11.10.2011. Moscow, 2011 (In Russian). Available at: <http://www.segodnia.ru/content/11746> (accessed 20.09.2017).

4. Rubtsova E. V., Lendich V. V., Prokopova Ye. A. Munich agreement of 1938 and its implications. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Konsept"* [Scientific-methodical electronic journal "Concept"], 2016, vol. 11, pp. 161–165 (In Russian). Available at: <http://www.e-koncept.ru/2016/86036.htm> (accessed 20.09.2017).

5. Kurenkov V. Yu. The Munich agreement of 1938, in the works of Russian and German researchers: the brief historiographical review. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra* [Bulletin of the Dagestan scientific center], 2013, no 48, pp. 65–70 (In Russian).

6. Kamiński M. K., Zacharias M. J. W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939. Warszawa, Wyd. Głos, 1993. 238 s.

7. Kornat M. Józef Beck i polityka "równowagi" międzywojennej polski jako mit. Uwagi nad historiografią problem. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne, Studia Polono-Danubiana et Balcanica. Kraków, 1997, z. 124, ss. 213–224.

8. Żerko S. Polska wobec zbliżenia niemiecko-radzieckiego u schyłku lat trzydziestych. *Przegląd Zachodni*, 1998, z. 2, ss. 115–135.

9. Sowa A. L. U progu wojny (z dziejów spraw wewnętrznych i polityki zagranicznej II Rzeczypospolitej. Kraków, WUJ, 1997. 246 s.

10. Rok 1938: Aneksja Austrii i Monachium. Materiały Międzynarodowej sesji naukowej, 7–8 grudnia 1983 r. Pod red. Henryka Batowskiego. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne, Studia Polono-Danubiana et Balcanica II. Kraków, WUJ, 1987, z. 83. 126 s.

11. Polska, Niemcy, Europa w 1939 r. Materiały sesji zorganizowanej w Uniwersytecie Jagiellońskim 14 grudnia 1989 r w okazji 50 rocznicy wybuchu II wojny światowej. Pod red. Michała Pułaskiego, Univ. Jagiel., Praca Historyczna. Kraków, WUJ, 1991, z. 99. 168 p.

12. Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Pod redakcją Sławomira Dębskiego i Michała Narińskiego. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, PISM, 2009. 479 s.

13. *Kryzys 1939 goda v inerpreatsiach pol'skih i rossijskih istorikov* [The crisis of 1939 in the interpretations of Polish and Russian historians]. Ed. by Sl. Dembski and M. Narinski. Warshawa, Pol'skiy institut Mezhdunarodnykh del Publ., 2009. 479 p.

14. Mnichovská dohoda. Cesta k destrukci demokracie v Evropě. Praha, WPU, 2004. 272 s.

Інфармацыя пра аўтара

Дрожжа Людміла Чэславаўна – магістр гісторыі, майстар кафедры прамысловай экалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: l_drojja@tut.by.

Information about the author

Drojja Liudmila Cheslavovna – Master of History, master, the Department of Industrial Ecology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: l_drojja@tut.by.

Паступіў 14.03.2018

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²¹ Военная академия Республики Беларусь² Белорусский национальный технический университет**ОБЕСПЕЧАТ ЛИ ЯДЕРНЫЕ БОМБЫ США
БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ?**

В статье рассмотрены основные направления размещения в Европе тактического ядерного оружия США, вопросы его размещения, модернизации ядерных бомб и средств их применения, а также планирование применения ядерного оружия в органах управления НАТО военно-воздушными силами США, Турции, Италии, Германии, Бельгии, Нидерландов. Показаны практические мероприятия, проводимые альянсом под руководством США на континенте, которые оказывают неоднозначное влияние на развитие общей военно-политической и стратегической обстановки в мире.

Ключевые слова: ядерные авиационные бомбы, самолеты-носители, Группа ядерного планирования НАТО, модернизация ядерных авиабомб.

A. A. Zaytsev¹, N. V. Zaytseva²¹ Military Academy of the Republic of Belarus² Belarusian National Technical University**WILL THE NUCLEAR BOMBS OF THE UNITED STATES
GUARANTEE EUROPE'S SECURITY?**

The article focuses on the main directions for the deployment of US tactical nuclear weapons in Europe, the issues of its deployment, the modernization of nuclear bombs and their means of use, and the planning for the use of nuclear weapons in NATO control by the air forces of the United States, Turkey, Italy, Germany, Belgium, the Netherlands. Practical activities conducted by the alliance under the leadership of the United States on the continent, which have which have an ambiguous both on the development of the overall military-political and strategic situation in the world, are shown.

Key words: nuclear aviation bombs, carrier aircraft, NATO Nuclear Planning Group, modernization of nuclear bombs.

Введение. В настоящее время вероятность применения ядерного оружия в военных конфликтах значительно снизилась. Однако в основном документе «Стратегии национальной безопасности США» говорится, что «основополагающим военным потенциалом государства являются ядерные силы. Пока существует ядерное оружие, США обязаны вкладывать средства, необходимые для поддержания эффективных сил ядерного сдерживания, помогающих сохранять стратегическую стабильность» [1], что подразумевает возможность его применения.

По данным открытых источников, в составе стратегических ядерных сил США в так называемой «ядерной триаде» имеется около 450 межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен-3» с дальностью пуска до 10 тыс. км, 14 атомных подводных лодок типа «Огайо» с 24 ракетами «Трайидент-2» каждая, с дальностью пуска до 9 тыс. км, и около 160 стратегических бомбардировщиков. Кроме этих стратегических ядерных сил на территории ряда стран Европы складировано тактическое ядерное оружие (ТЯО) США, которое якобы должно обеспечить военную безопасность в Европе. Так ли это?

Основная часть. В политической директиве США № 24 «Стратегия применения ядерного оружия», подписанной Б. Обамой в июне 2013 г., указано, что «передовое базирование ТЯО в Европе будет сохранено до тех пор, пока руководство НАТО не решит, что созданы благоприятные условия для изменения ядерной политики». Однако, по оценке Обамы, такие условия будут созданы не скоро [2]. Этим документом было заявлено о создании тактических ядерных сил (ТЯС) НАТО, имеющих на вооружении около 200 ядерных авиабомб (ЯАБ) типа B61 для ВВС США, Турции, Германии, Италии, Бельгии и Нидерландов. Эти бомбы в настоящее время размещены в хранилищах авиабаз европейских государств.

В стратегической концепции НАТО заявлено, что ТЯО предназначено для регионального (ядерного) сдерживания агрессии против блока и поражения объектов государственного и военного управления, военно-экономического потенциала и группировок войск (сил) вероятных противников на Западном театре военных действий, в пределах которого находится и Беларусь. В качестве одной из важнейших задач считается, что американское ТЯО в Европе

обеспечивает поддержание политической и военной связи между европейскими и североамериканскими участниками альянса.

ЯАБ являются собственностью США и обслуживаются американским военным персоналом. Нахождение ТЯО США регламентировано двусторонними соглашениями, в соответствии с которыми страны обеспечивают внешнюю охрану и оборону объектов, борьбу с терроризмом, создание объектов инфраструктуры и необходимых условий для работы американских специалистов.

В документе отмечается: «Задачи размещения и применения ТЯО за пределами территории США рассматриваются исключительно в рамках переговорного процесса внутри НАТО». США являются единственным государством в мире, которое заключило с большой группой стран-членов НАТО специальные «соглашения о разделении ядерной ответственности» [1]. Они позволяют военному руководству США не только содержать ТЯО на территории этих государств, но и проводить там стратегические учения по доставке учебных ЯАБ с их условным применением по наземным целям. При этом 15 членом блока НАТО присоединились к таким соглашениям, а 27 из 29 стран, входящих в альянс, участвуют в консультациях, проводимых в рамках Группы ядерного планирования.

Оснащение ядерным оружием тактической авиации (истребители-бомбардировщики F-16A/B ВВС Бельгии, Нидерландов и Турции, а также Tornado ECR ВВС Германии и Италии) неядерных стран блока значительно усиливает мощь НАТО в Европе. Ядерными бомбами также оснащены американские истребители-бомбардировщики F-15E и F-16C/D, стратегические бомбардировщики B-2A, а к 2024 году будут оснащаться истребители пятого поколения F-35A Lightning II и тяжелые бомбардировщики нового поколения LRS-B ВВС США.

По сообщению Национальной администрации по ядерной безопасности министерства энергетики (National Nuclear Security Administration, NNSA), в настоящее время завершился очередной этап испытаний модернизируемой атомной бомбы B61-12 тактического назначения. Ведомство уточняет, что в ходе испытания авиабомба с новой хвостовой частью была сброшена экипажем тактического истребителя F-15E, действовавшего с авиабазы Неллис (Невада). Бомба ядерным зарядом не оснащалась. «Все системы оружия сработали в штатном режиме, в условиях, близких к реальным», отметили в NNSA.

По итогам испытаний американские военные эксперты пришли к выводу об эффективности модернизации данного типа боеприпаса.

Переоборудование самолетов под носители ядерного оружия включает в себя работы по обновлению программного обеспечения, оперативные летные испытания с полной интеграцией оружия. На эту программу планируется израсходовать более 1 млрд долл. США.

Еще 154 млн будет направлено на обеспечение безопасности ядерных баз в Европе. В многочисленных публикациях зарубежных СМИ неоднократно подчеркивалось, что большинство мест хранения ЯАБ в Европе не отвечает требованиям безопасности США, но эти нарушения в свое время были проигнорированы государственными чиновниками.

Иностранные специалисты отмечают, что основной причиной проведения работ по дооборудованию авиабазы (АВБ) Инжирлик является ее довольно опасное расположение. Во-первых, база размещена на территории Турции, где продолжается вооруженный конфликт между турецкими властями и курдскими вооруженными формированиями. Во-вторых, рядом, всего в 110 км, находится охваченная гражданской войной Сирия.

Помимо периметра безопасности модернизация коснулась сооружений технических служб, обеспечивающих хранение ТЯО, в том числе гаража для специальных транспортировщиков боеприпасов, которые используются для доставки авиабомб B61 в авиационные ангары. Здания технических служб расположены за пределами периметра безопасности. Кроме того, модернизируется парк машин для обслуживания боеприпасов путем их замены новыми трейлерами STMS.

Разработкой ядерной политики и планированием применения ТЯО занимается группа ядерного планирования (ГЯП) НАТО, куда входят представители всех стран альянса (кроме Франции), при этом ведущая роль в принятии решения на применение ТЯО принадлежит президенту США. В подчинении ГЯП находится группа высокого уровня как консультативный орган, в составе которого работают правительственные эксперты. Страны Североатлантического союза участвуют в ядерном планировании в ГЯП и штабе верховного главного командования ОВС НАТО, осуществляющего непосредственное планирование. В первую очередь учитываются возможности ОВС по поражению критически важных и стратегических объектов Российской Федерации и Республики Беларусь.

По заявлениям ВПР НАТО, оно намерено более активно приглашать неядерные государства альянса к решению задач планирования применения ТЯО с разделением «ядерной ответственности». В связи с этим Великобритания,

Венгрии, Греции, Дании, Польше, Норвегии, Португалии, Румынии и Чехии были поставлены такие «активные ядерные задачи», как воздушное патрулирование, радиолокационная разведка, обеспечение связи, дозаправки самолетов ВВС США и ОВВС НАТО топливом в воздухе, подготовка объектов аэродромов для приема самолетов-носителей ЯО, выполнение различных обеспечивающих мероприятий.

Освоение планов применения ТЯО на Западном ТВД проводится в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки. Так, ежегодно проводится до шести командно-штабных учений (КШУ) высших органов управления альянса. Основная их цель – совершенствование работы органов военного управления НАТО по выработке и оформлению решения на применение ТЯО и практическая отработка различных вариантов его применения на ТВД. К участию в КШУ обычно привлекаются оперативные группы штабов стратегического командования операций, объединенных командований ОВС НАТО, эскадрильи тактических истребителей ВВС Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, США и Турции, транспортно-заправочные самолеты и части ядерного обеспечения.

В ходе КШУ отрабатываются задачи: перевод ТЯС альянса в высшие степени боевой готовности; выполнение мероприятий наращивания охраны и обороны, прикрытие объектов ТЯО от ударов наземного и воздушного противника; всестороннее обеспечение применения ТЯО.

Результаты анализа открытых информационных материалов показывают, что решение на применение ТЯО будет приниматься в случае неэффективности мер регионального сдерживания и с целью гарантированного отражения нападения и восстановления территориальной целостности государств альянса. При этом осуществляется перевод эскадрилий самолетов-носителей ТЯО в высшие степени боевой готовности с рассредоточением и реальными вылетами в назначенные районы с последующим применением ТЯО. Выдача и подвеска на самолеты тактической авиации ЯАБ и нанесение первого ядерного удара осуществлялись (условно) с санкции президента США. Отмечалось, что самолеты-носители ядерного оружия ОВВС НАТО могут нести несколько авиабомб, однако для повышения боевой эффективности основным вариантом заявлено подвесок не более двух, поскольку последовательное выполнение задач носителями снижает вероятность нанесения последующих ударов в одном вылете.

В целом анализ итогов подготовки и проведения командно-штабных учений показывает

стремление ВПР НАТО совершенствовать подготовку войск (сил) к участию в крупномасштабных военных конфликтах на Западном ТВД, в том числе с применением оружия массового поражения.

В условиях, когда США осуществляют модернизацию стратегических наступательных сил, ведут развертывание глобальной системы ПРО и ее региональных сегментов, имеют ядерных союзников (Великобритания, Франция) и реализуют комплекс оперативно-технических мероприятий по продвижению ядерного оружия на Восток, дестабилизирующая роль ТЯО США в Европе является очевидной. Это подтверждается следующим. Так, ВПР Соединенных Штатов и НАТО, размещая ТЯО на территории ряда стран-участниц, грубо нарушают ст. 1 «Договора о нераспространении ядерного оружия» (ДНЯО). Как известно, эта статья вводит запрет для ядерных держав на передачу или предоставление управления ядерным оружием неядерным государствам, а ст. 2 ДНЯО – запрет для неядерных держав на приобретение и использование ядерного оружия. Серьезную озабоченность вызывает так называемая практика «совместного использования ЯО» в рамках НАТО.

Таким образом, США и их союзники по НАТО, применяя комплекс санкций против Ирана и КНДР, требуя выполнения этого договора рядом других «фактических ядерных государств», сами демонстрируют полное неуважение к данному важному договорному акту, заложившему принципиальные международно-правовые основы нераспространения этого вида ОМП в глобальном масштабе.

Положения ядерной стратегии и политической директивы президента США №24 адаптируют военно-доктринальные установки ядерной политики США к новым условиям военно-политической и стратегической обстановки. При этом, ст. 19 стратегической концепции НАТО предусматривает «обеспечение наиболее широкого участия всех союзников в ядерном планировании, решении вопросов базирования ядерных сил в мирное время, а также в управлении, контроле и проведении консультаций» [3].

В связи с этим происходит расширение НАТО на Восток, ведется подготовка и объектов инфраструктуры для носителей ТЯО на территории новых членов блока, что означает распространение ядерного оружия и создает угрозу для безопасности Союзного государства. Так, на территории стран Балтии подготовлены объекты инфраструктуры для базирования самолетов-носителей ТЯО и проводятся мероприятия по их освоению. При этом все стратегические и критически важные объекты Беларуси и большая часть объектов РФ находятся

в зоне досягаемости самолетов-носителей ТЯО. По оценкам специалистов, при перебазировании самолетов-носителей ядерного оружия ОБВС НАТО на передовые аэродромы Польши (АвБ Мальборк, Ласк, Минск-Мазовецкий и др.) и стран Балтии (АвБ Зокняй, Лиелварде, Эмари), в этой зоне окажется вся территория Республики Беларусь и европейская часть России. При этом подлетное время к объектам у западных границ сокращается с 40–50 до 4–7 мин.

США не скрывают, что видят в России потенциального противника и возмущены ее так называемой военной активностью вблизи границ НАТО.

Заключение. Таким образом, прекращение процесса хранения американского тактического ядерного оружия в ряде европейских стран НАТО как гарантии их безопасности, навязанной военно-политическим руководством США, в ближайшей перспективе не ожидается.

Интеграция американского ядерного оружия на боевых самолетах государств, не обладающих ядерным оружием и подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), является, по меньшей мере, дискуссионной и противоречит нормам ДНЯО.

В целом характер и содержание проведенных в последние годы мероприятий строительства и развития, оперативной и боевой подготовки тактических ядерных сил НАТО свидетельствуют о том, что ТЯО США в современных условиях остается для Североатлантического союза важнейшим инструментом достижения своих военно-стратегических целей.

Также следует отметить, что большинство членов НАТО под давлением США подтвердили необходимость сохранения американского ТЯО в Европе как гарантии собственной безопасности.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности США. URL <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-national-security-strategy/4168347.htm> (дата обращения: 29.01.2018).
2. Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Fact Sheet. The White House. Office of the Press Secretary. 2013. June 19. URL <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/19fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states> (accessed 29.01.2018).
3. Громов А. О хранении тактического ядерного оружия США в Европе. URL http://factmil.com/load/zhurnaly/zarubezhnoe_voennoe_obozrenie/zarubezhnoe_voennoe_obozrenie_12_2015/14-1-0-1571_HBO (дата обращения: 29.01.2018).

References

1. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti SShA* [US National Security Strategy]. Available at: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-national-security-strategy/4168347.htm> (accessed 29.01.2018).
2. Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Fact Sheet. The White House. Office of the Press Secretary. 2013. June 19. Available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/19fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states> (accessed 29.01.2018).
3. Gromov A. *O khranenii takticheskogo yadernogo oruzhiya SShA v Yevrope* [About the storage of US tactical nuclear weapons in Europe]. Available at: http://factmil.com/load/zhurnaly/zarubezhnoe_voennoe_obozrenie/zarubezhnoe_voennoe_obozrenie_12_2015/14-1-0-1571_HBO (accessed 29.01.2018).

Информация об авторах

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории. Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the authors

Zaytsev Aleksandr Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Minsk, Nezavisimosti Ave., 220057, Republic of Belarus).

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic theories. Belarusian National Technical University (65, Minsk, Nezavisimosti Ave., 220013, Republic of Belarus).

Поступила 23.02.2018

УДК 316.343:005.334

В. В. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)

ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СЛОЖНОСТИ: НА ПУТЯХ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В центре внимания публикации – проблема управления общенациональным развитием стран и народов в ситуации их кризисного и экстремального развития. В статье исследуется феномен вызовов современности, с которыми столкнулись человечество и отдельные общества в современную эпоху, совпавших с вызовами сложности их культурного и цивилизационного развития. Обосновывается, что в ситуации новых геополитических вызовов и роста сложности цивилизационной и культурной жизни народов возрастают риски дальнейшего развития, риски конфликтов и экстремумов, связанные с потерей контроля над охватывающими мир и отдельные народы процессами. В статье обоснована глубинная проблема дальнейшего бытия человека и общества – вызовы гиперсложностью и управление ею. Введено и обосновано понятие управления гиперсложностью и антикризисного экстремального управления в ситуации гиперсложности. Гиперсложность обосновывается автором как состояние одновременных и множественных внутренних и внешних вызовов в развитии системы, которому сопутствуют трудности в контроле и регулировании процессов развития этой системы, возникающие, прежде всего, вследствие недостаточности и неадекватности наличных ресурсов управления. Тем самым в основе гиперсложности лежит неконтролируемая сложность. В контексте процессов общественного развития к основным факторам, детерминирующим гиперсложные процессы в современном обществе, автор относит дефицит внутренних ресурсов развития, природных и человеческих, как в количественном, так и в качественном выражении. Но также к этим факторам относится и деформация внутренних и внешних поддерживающих человека в обществе социальных связей, прежде всего разрушение и деформация базовых социальных институтов общества. К ним относится и возрастание внутренних противоречий в обществе, возрастание внешнего противостояния государств мира за лучшее место под солнцем, в том числе в виде различных санкционных войн между государствами и т. д. Главный посыл статьи – поиск адекватных научных методов управления с наступающей на человека сложностью и гиперсложностью. В основе этого – овладение адекватными научными технологиями, к которым автор обоснованно относит, прежде всего, ресурсы социально-синергетического знания. Таким образом, тема антикризисного экстремального синергетического управления перед вызовами сложности – главный предмет данного исследования. Важное место в статье занимает контекст антикризисного управления в современном российском обществе.

Ключевые слова: сложность, гиперсложность, риски общественного развития, антикризисное управление, синергетика управления.

V. V. Shalaev

Volga State University of Technology
(Joshkar-Ola, Russian Federation)

SOCIETY BEFORE COMPLEXITY CALLS: ON THE WAYS OF CRISIS MANAGEMENT

In the center of attention of article a problem of management of national development of the countries and the people in a situation of their crisis and extreme development. In article the phenomenon of calls of the present which the mankind and separate societies faced in present period, coincided with calls of complexity of their cultural and civilization development is investigated. Locates that in a situation of new geopolitical calls and growth of complexity of civilization and cultural life of the people, the risks of further development, risks of the conflicts and extrema connected with loss of control over the processes covering the world and the separate people increase. In article the deep problem of further life of the person and society - calls by hyper complexity and management of it is proved. The concept of management of hyper

complexity and crisis extreme management in a hyper complexity situation is entered and proved. Hyper complexity locates the author, as a condition of simultaneous and multiple internal and external calls in development of system to which the difficulties in control and regulation of developments of this system arising, first of all, owing to insufficiency and inadequacy of cash resources of management accompany. Thereby at the heart of hyper complexity uncontrollable complexity. In the context of processes of social development, to the major factors determining hyper difficult processes in modern society, the author refers deficiency of internal resources of development, natural and human, both in quantitative, and in high-quality expression. But also, deformation internal and external supporting the person in the society of social communications, first of all destruction and deformation of basic social institutes of society also belongs to these factors. Increase of internal contradictions in society, increase of external opposition of the states of the world for the best place in the sun, including in the form of various type of sanctions wars between the states, etc. also concerns to them. The main message of article – search of adequate scientific methods of management with the complexity stepping on the person and hyper complexity. At the heart of it is mastering adequate scientific technologies to which the author reasonably refers, first of all, resources of social and synergetic knowledge. Thus, a subject of crisis extreme synergetic management before complexity calls - such is the main subject of this research. The important place in article is taken by a context of crisis management in modern Russian society

Key words: complexity, hyper complexity, risks of social development, crisis management, synergetics of management.

Введение. Возможности антикризисного управления в условиях экстремального развития, прежде всего в ситуации вызовов гиперсложности, в России сложились не сразу. Длительный период социальной диффузии и социального хаоса в период распада СССР и последовавшее время существенным образом повлиял на разрушение государственного социального института. Его реанимация стала возможна лишь с обретением Россией нового государственно-центричного курса и новой постперестроечной правительственной команды. Способность к экстремальному управлению общенациональным развитием страны в условиях гиперсложности ее внутренних и внешних связей была проявлена, прежде всего, в способности страны к новым общенациональным проектам развития. Это стало возможно в целом благодаря следующим объективно сложившимся обстоятельствам, не раз исследованным в наших предыдущих работах [2, 3, 4, 7].

1. Изменение политического руководства страны, приход к власти нового лидера и элиты, ориентированных на реализацию проекта государственности, возвращение России статуса самостоятельного субъекта международной политики и экономики, в ситуации глобализации.

2. Наличие освоенного элитой страны (прежде всего политической) негативного опыта либеральных, мониторингистских западофицированных проектов развития России в период после распада СССР, конца XX – начала XXI века, роста сензитивности к новым идеям, ностальгии и стремления к возвращению России адекватного статуса на международной арене. Был накоплен существенный протестный потенциал политических элит России, трансформировавшийся и фокусировавшийся в новую стратегию общественного развития страны.

3. Высокий уровень массовых ожиданий населения страны лучших времен через короткие и более успешные в практическом отношении реформы, связанные в представлениях населения с усилением роли государства в вопросах наведения порядка во всех сферах жизнедеятельности общества. Эти ожидания и стремления стали реакцией на негативные результаты предыдущего периода (приватизация, чрезмерная либерализация общества, граничащая с социальной диффузией и социальным хаосом в постперестроечный период времени, связанным с ослаблением позиций государства в экономике, социальной сфере и т. д.).

4. Несомненно, повлиял и высокий конъюнктурный уровень цен на главный международный капитал России – нефтегазовые ресурсы, позволившие интегрировать необходимый финансовый ресурс для обновленной стратегии и тактики общественного развития.

5. Свою роль сыграла и новая геополитическая и геоэкономическая ситуация – появление в мире новых государств-лидеров, претендующих на перераспределение своего политико-экономического статуса в мире (Индия, Китай, мусульманский мир). Повлиял и связанный с этим рост конкурентности и напряженности отношений стран и регионов мира, а отсюда – возникновение новых региональных и мировых союзов в борьбе за продвижение своих интересов.

6. Возросшие риски и кризисные явления в жизнедеятельности самого западного сообщества (старение населения, рост разрыва поколений, экономическая напряженность, нехватка энергетических и трудовых ресурсов, мусульманизация крупных и столичных городов и т. д.), бывшего до сих пор главным регулятором внешних и даже внутренних процессов в России и мире.

7. Экспоненциальный рост угроз терроризма в современном мире как реакции на разрушение традиционных культур и религий, возросшую эксплуатацию Западом духовных и материальных ресурсов стран и народов третьего мира. Также рост темпов цивилизационной и культурной колонизации мира Западом и связанное с этим резкое понижение социальных статусов многих государств мира, в том числе и России.

В конечном счете, обобщая, нельзя не заметить того скачка по перестройке, переделу мира, который был спровоцирован и подталкиваем процессами западофицированной формы глобализации, наступающего на мир общества к разрушению традиционных социальных институтов в системе общества (в том числе таких, как традиционная семья, традиционная мораль, кровное родство, этнические отношения и т. д.). До сих пор традиционные социальные институты были для народов мира важным фактором безопасности и устойчивого развития их и принадлежащих им индивидов. И вот народы и индивид попали в ситуацию незащищенного одиночества, гипертрофированно востребующего быстрые и решительные формы порядка.

Парадоксально, но новые вызовы даруют хорошие шансы странам и народам на обретение новых, более адекватных и перспективных культурных и цивилизационных форм развития. После распада СССР в такой ситуации оказались многие постсоветские республики и Россия в том числе.

Появился уникальный шанс изменить свое место и роль в мире, свое внутреннее положение. Под влиянием возросшей нестабильности в мире и в самой стране и нарастания в них хаотических, центробежных процессов включились механизмы самоорганизации. С другой стороны, проявившие себя в последнее время противоречивые процессы, связанные с последствиями экономической инверсии глобализации, давлением западной цивилизации и общества потребления, не могли не отразиться и на процессах роста рисков столкновения цивилизаций и культур. Это столкновение, несомненно, идет сегодня и по пути экономической борьбы (за ресурсы планеты, за ее природный и человеческий потенциал), и по пути культурной борьбы (за сохранение самобытных, формировавшихся столетиями и тысячелетиями культурных миров). В ситуации разрушения однополярного мира и растущей экономической и политической нестабильности в нем эти противоречивые процессы могут приобрести еще более жесткие формы борьбы за лучшее место под солнцем. Но, с другой стороны, они могут привести и к более глубоким формам кооперации стран и народов, способных по-

новому структурировать и гармонизировать культурные и цивилизационные отношения в мире. Для России этот процесс закономерным образом стал спусковым механизмом побуждения к социальной активности по всем направлениям ее жизнедеятельности, реанимации многих ее исторически сложившихся целей и миссии в мире. После холодного душа социального хаоса после распада СССР и кильватерной политики в отношении Запада в России все явственнее проявляется тенденция осмысленной государственной политики, основывающейся на приоритете ее общенациональных интересов. Россия все более осознает необходимость борьбы за сохранение базовых ресурсов своей нации. В государственную политику постепенно возвращаются центричные общенациональные, патриотические идеи и цели развития, критическое восприятие своих наличных ресурсов и прагматизм в концепциях культурного и цивилизационного развития. Значимым проявлением перехода России к новой прагматичной и реалистичной стратегии государственной политики, демонстрирующей ее самоорганизующие силы, стали рационально осмысленные и запущенные к реализации общенациональные проекты ее развития. Государство критическим рациональным образом смогло вернуться к вопросу стратегии государственного развития.

Общенациональные проекты – ясный сигнал и показатель возвращения науки в систему государственного управления. Ведь с точки зрения системного подхода общенациональные проекты выступили механизмами, способными «перезагрузить» и «социально завести» общество в направлении его стратегических интересов и целей развития, собрать и сфокусировать общенациональные силы на путях новых вызовов современности в новых условиях глобализирующегося, хаотизирующегося и все более конкурентного мира. Государство со всей ясностью и полнотой осознало проблему общенациональной безопасности общества в новой культурной и цивилизационной реальности, смогло с точки зрения общенациональных интересов взглянуть на такие фундаментальные потенциалы общества, как:

1) человеческий популяционный потенциал общества (проблема природно-ресурсного воспроизводства и здоровья населения в обществе – проблема физического и психического здоровья, рождаемости и смертности);

2) образовательный (проблема интеллектуального ресурса);

3) культурный (проблема духовно-культурного воспроизводства);

4) профессиональный потенциал общества, прежде всего специалистов высшей квалификации (проблема профессионального ресурса);

5) производственно-технический (проблема уровня и качества производственных мощностей, техники и технологий);

6) экономический потенциал общества (проблема устойчивой системы связей и отношений внутри и между различными сферами общественной жизнедеятельности, особенно сферами производства и потребления, их динамизм);

7) природно-экологический (ресурсы жизнедеятельности). Государством были переосмыслены и запущены общенациональные проекты в сфере образования, здравоохранения, рождаемости, жилья, сельского хозяйства, бизнеса.

По нашему мнению, критическая рациональность общенациональных проектов России, запущенных в последнее десятилетие, свидетельствует о росте востребованности научного анализа, прогноза и научно обоснованных решений в государственном управлении. Мы убеждены, что в новых условиях наиболее востребованной научной методологией XXI века объективно и во все большей степени становится методология сложности и управления сложностью. Наиболее глубоко и всесторонне эта методология сегодня разработана в синергетике и ее теории сложности, воплощенной, в том числе, в современных обществоведческих работах в области экономики, политологии, социологии, социальной философии и т. д. И хотя укоренение синергетики в эти и другие общественные науки пока еще фрагментарно и нередко поверхностно, но процесс ассимиляции ими теории сложности и управления ею набирает свою силу во все большем количестве критически выполняемых работ, в особенности имеющих дело с переходными, хаотическими социальными объектами [1, 5, 6, 8].

Синергетика управления как самостоятельная отрасль научных знаний и в методологии, и в общественной теории оперирует понятиями сложных систем, неравновесности, бифуркационности, аккупунктурности, моделирования процессов развития, сценарного подхода и другими, способными наиболее адекватно схватывать жизнь «социальных систем» в ситуации их переходности, кризисности развития. Она способна «схватить» и связанные с этим процессы непрерывного усложнения человеческой цивилизации и культуры, в особенности в современной ситуации экспоненциального роста их сложности в форме модернизированного, ускоренного развития общества в направлении все более сложного производства и потребления, а значит, знаний ценностей, взаимосвязей в многомерном глобальном мире как открытой системы. По существу речь идет об овладении человеком новой антикризисной системой управления, устремленной к управлению гиперсложностью (слабой контролируемости непрерывно

растущей сложности), проявившей себя во всем объеме в эпоху глобализации и роста многомерных коммуникаций мира внутри себя.

К наиболее востребуемым теорией и практикой государственного управления научным ресурсам, в критических, экстремальных условиях развития общества, в том числе перед вызовами гиперсложности, мы бы отнесли исследовательские, аналитические, прогностические и проектные ресурсы синергетического антикризисного управления. К сильным методологическим сторонам синергетики можно отнести следующее:

- синергетика позволяет сформировать многомерное аналитическое, диалектическое описание сложных социальных систем, каковыми являются общество и государство;

- синергетика позволяет описать социальную реальность в категориях самоорганизующихся систем, способных к самоорганизации и саморазвитию, с учетом понимания этих самоорганизующихся процессов в госуправлении;

- синергетика использует понятие аттракторов – центров внутреннего роста и влияния общественных систем, фиксирует внимание на их учете в государственном планировании, прогнозировании и проектировании общественного развития;

- синергетика фиксирует внимание на управлении сложными системами как соуправлении, опираясь на понимание аттракторов и самоорганизующихся сил общества, в форме аккупунктурного управления обществом;

- синергетика владеет математическим моделированием процессов сложных общественных процессов и сценарным подходом к прогнозированию и проектированию общественного развития, получившим в современной общественной практике название ситуационного, параметрического подхода;

- синергетика описывает и понимает социальные системы как системы, подчиняющиеся диалектике бифуркационных и детерминистических факторов и механизмов развития, использование которых в государственном управлении является синергетической азбукой адекватного понимания общества и его процессов;

- синергетика исходит из диалектики понимания порядка и хаоса как естественных состояний развивающихся систем. Позволяет реабилитировать хаос как условие развития общества и предлагает подходы к управлению социальным хаосом в интересах общественного развития и государственного строительства;

- синергетика чрезвычайно темпоральна (чувствительна) в своем видении мира и общества, учитывает не только макро-, но и микрореальность как факторы новообразований на путях развивающихся систем и ориентирует государственное управление на учет малых флюктуаций (отклоне-

ний), малых воздействий, случайностей во все более сложном социальном мире глобализации.

Все это и дает нам право рассматривать проблему развития России в современном мире как комплексную и взаимосвязанную со всем миром [1, 5, 6, 8].

Нельзя не подчеркнуть, что наличие благоприятных условий для развития – еще не достаточное основание успешного развития социальной системы. Условие – лишь один и отнюдь не необходимый элемент развития. Чрезвычайно важно при этом еще и владеть в адекватной сложившейся ситуации теорией и методологией управления, учитывающей специфику ситуации, в которой находится управляемая система. В нашем случае это ситуация возрастающих рисков вхождения отдельных обществ и мирового сообщества в целом в ситуацию гиперсложности (слабой контролируемой сложности). В этой ситуации национальные проекты, как управляемое на основе четкого и ответственного рационального понимания и целеполагания четко ориентированное воздействие на общественную систему, могут быть успешными как технология синергетически сфокусированного акупунктурного управления. Жить во все менее стабильном мире – означает, прежде всего, учиться в нем жить и учиться управлять своим положением в ходе все более подверженного рискам и хаотизации жития в нем, подбирая для этого адекватные методологические и теоретические инструментари управления этим положением.

Идея и практика общенациональных проектов как технологий акупунктурного управления различными ключевыми сферами общественной жизнедеятельности, в ситуации нарастающей гиперсложности, без сомнения, общемировой тренд. В технологиях акупунктурного управления соединяются воедино, объективно и диалектично растущая гиперсложность и хаотизация социальной организации мира как новый вызов современным обществам и человеку, так и растущая потребность со стороны человека в овладении этой гиперсложностью и хаотизацией на уровне новой, еще более сложной, учитывающей факторы этой гиперсложности и хаотизации социальной организации общества, оснащенной адекватной и результативной научной методологией и теорией управления.

У нас нет сомнения в том, что вызов сложностью и гиперсложностью может быть снят только аналогичной сложностью в управлении этой сложностью. Современный мир в его цивилизационных и культурных координатах глобализации, управляемой развитыми западными странами мира и их политическими и экономическими элитами, может быть нами охарактеризован в качестве образцового процесса, стиму-

лирующего поиск такого рода новых и более адекватных технологий управления своим положением и процессами своего все более противоречивого и неоднозначного развития.

Современное российское общество в наибольшей степени нуждается в такого рода технологиях, в связи с рядом особенных свойств России. Среди этих свойств многочисленные субкультурные, субполитические, субэкономические общественные формы, сложившиеся (заложенные) на протяжении всей совокупной истории российского общества, а также и под влиянием вызовов современности, представленных ростом сложности современных глобализационных процессов в области цивилизационного и культурного развития народов. Эти процессы представлены, прежде всего, нарастающими процессами деформации и разрушения однополярности мира и пробуждения в нем альтернативных западной глобализации сценариев развития, связанных с иными, нежели западные, точками влияния на мир и его процессы (формирование многополярного мира и многополярных координат развития в нем) [3, 4, 6, 7].

К изменениям этим оказались не готовы не только многие государства мира, движущие ими политические и экономические элиты, но и значительные слои населения, а скорость наступления этих процессов породила столкновение людей, представляющих самые различные социальные группы, в том числе половые, поколенные, идеологические и другие в рамках современности, которые стали спусковым механизмом, породившим столкновение различных исторических, культурных и цивилизационных времен и картин мира в одних отдельно взятых обществах и мире в целом.

Управлять этим (в значительной степени поляризованным и неорганичным) миром и его общественными воплощениями оказывается возможным лишь в категориях признания его сложности, со свойствами переходного состояния. У нас нет сомнений в том, что для выживания, продолжения и дальнейшего устойчивого развития современных обществ в мире в самом начале необходимо объективно исходить из четкого понимания происходящего, его причин, факторов возбуждения, форм и направлений развития. Только это адекватное и критичное понимание способно стать научной основой нового, соответствующего ситуации системного управления в условиях все более беднеющей ресурсами планеты, под влиянием возрастающей сложности и растущей конкуренции стран и народов мира за место под солнцем.

При этом, например, новой форме организации общественной жизни, которой России приходится овладевать на переходе от одной политико-экономической системы к другой, от одного экономического уклада к другому, также не

остаётся выбора в овладении новым мировидением и новыми технологиями управления своим развитием в нем. Хорошо забытое старое в истории человечества – экономия ресурсов и продуманное точечное (проектное) антикризисное управление наличным состоянием, как условие выхода современных обществ через период очередного социального хаоса к новой форме соци-

ального порядка. Таков, по нашему мнению, генеральный план возрастающей роли синергетики в управлении современным обществом. Управлять синергетически для нас означает управлять сложностью, хаосом и рисками в социальных системах или управлять социальными системами в ситуации нарастающей сложности, хаоса и рисков в них [1, 6].

Литература

1. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
2. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time / Социальное время. 2016. № 1. С. 71–81.
3. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 50–59.
4. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
5. Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. 360 с.
6. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: метаморфозы, вызовы и перспективы. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
7. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.
8. Шалаев В. П. Из истории системосинергетики в пространстве отечественного и западного социально-гуманитарного знания // Socio Time / Социальное время. 2017. № 1 (9). С. 80–100.

References

1. Shalaev V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy* [Actual synergetics: man and society in the era of global transformations]. Yoshkar-Ola, PGU Publ, 2013. 184 p.
2. Shalaev V. P. Bifurcational person in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2, pp. 71–81 (In Russian).
3. Shalaev V. P. Globalization as a Westernization and colonization of the world and the epilogue of the Western axis of world history. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 50–59 (In Russian).
4. Shalaev V. P. Caution mutation: man and society facing the challenges of globalization, Westernization and consumption: contradictions are mounting. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).
5. Shalaev V. P. *Sinergetika v prostranstve filosofskikh problem sovremennosti* [Synergetics in the space of philosophical problems of our time]. Yoshkar-Ola, MarGTU Publ., 2009. 360 p.
6. Shalaev V. P. *Chelovek i obshchestvo v globalizirovannom mire: metamorfozy, vyzovy i perspektivy* [Man and society in a globalized world: metamorphoses, challenges and prospects]. Yoshkar-Ola, PGU Publ., 2015. 288 p.
7. Shalaeva S. L., Shalaev V. P. Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global zapadification and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).
8. Shalaev V. P. From the history of systemosynergetics in the space of domestic and Western socio-humanitarian knowledge. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2017, no. 1 (9), pp. 80–100 (In Russian).

Информация об авторе

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: shalaevvp@volgatech.net.

Information about the author

Shalaev Vladimir Pavlovich – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sg., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevvp@volgatech.net.

Поступила 10.03.2018

УДК 162.6:316.7

Ч. С. Кирвель¹, П. А. Водопьянов²¹Гродненский государственный университет имени Янки Купалы²Белорусский государственный технологический университет**ДИАЛЕКТИКА «ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ»
И ОСОЗНАННОГО ВЫБОРА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

В противоположность сложившимся представлениям о будущем как обусловленной исторической необходимости в статье обосновывается его многовекторность, вероятностный характер исторического процесса. Также обосновывается необходимость выявления таких направлений исторического развития, которые соответствуют принципам гуманизма и достижения социальной справедливости в условиях глобальной нестабильности. Подвергнуты критическому анализу такого рода доктрины, которые под видом утверждения общечеловеческих ценностей и реализации идеи «нового глобального порядка» пытаются навязать тем или иным странам либо народам ложные перспективы и тупиковые пути исторического движения.

Ключевые слова: социальная закономерность, историческая предопределенность, вероятностный характер истории, социальная справедливость, новый гуманизм, новый глобальный порядок, перспективы цивилизации, фатальная неизбежность.

Ch. S. Kirvel¹, P. A. Vodop'yanov²¹Yanka Kupala State University of Grodno²Belarusian State Technological University**DIALECTICS OF “HISTORICAL NECESSITY”
AND CONSCIOUS CHOICE OF WAYS OF SOCIETY DEVELOPMENT**

In contrast to the prevailing ideas about the future as conditioned by historical necessity, the article justifies its multi-vector nature, the probabilistic nature of the historical process. The necessity of revealing such directions of historical development that correspond to the principles of humanism and achievement of social justice in conditions of global instability is substantiated. Critical analysis of this kind of doctrine, which under the guise of affirming universal values and realizing the idea of a “new global order” is trying to impose on one or another countries or peoples false prospects and dead ends of the historical movement

Key words: social regularity, historical predetermination, the probabilistic nature of history, social justice, a new humanism, a new global order, the prospects of civilization, a fatal inevitability.

Введение. До недавнего времени многие ученые считали, что движение социума подчинено некоей надчеловеческой силе, которая педантично регулирует события социального мира. В зависимости от своей мировоззренческой направленности данную силу они называли или провидением, или мировым разумом, либо объективной закономерностью. Причем предполагалось, что сила эта благоприятствует людям: вопреки всем превратностям истории, частным деструкциям и препятствиям она, в конечном итоге, приводит все к единому общему благу и обеспечивает в целом прогрессивно-поступательное развитие общества. При таком подходе к разворачиванию исторического процесса свобода человека – общественного существа – нередко определялась как осознанная необходимость, ее познание и уяснение, а значит, и следование ее требованиям.

В настоящее время есть все основания усомниться в этой точке зрения. Сегодня все более распространенным среди исследователей

становится взгляд, согласно которому нет никакого предопределенного движения социума к какой-либо модели «светлого будущего», что оптимизм истории телеологически не задан. А в обстановке трагических социально-политических метаморфоз и глобальных кризисных явлений, охвативших современную техногенную цивилизацию в конце XX – начале XXI в., стало вполне очевидным, что будущее не только многовариантно, но и что его совсем может не быть.

Будущее таит в себе много неведомого. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных сил и факторов: непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д. В настоящее время можно определенно утверждать: развитие социума нелинейно и гиперциклично, оно не подчинено действию каких-либо жестких и однозначных («непреложных») закономерностей.

Обнаруживающие себя сегодня в тех или иных социальных сферах, системах или подсистемах детерминистские цепочки (связи детерминации) могут оказаться неожиданно разорванными завтра. Это происходит потому, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, «взрывы». В моменты последних законы и механизмы причинности отключаются – будущее становится открытым для новой линии развития, нового социального выбора и решения.

Основная часть. Задача исследователей состоит в том, чтобы выявить в гуще ветвящихся дорог и потенциалов исторической эволюции те направления развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости, а также в том, чтобы противостоять тем силам и группам лиц в мире, которые в наше сложное переходное время под видом утверждения общечеловеческих ценностей и реализации идеи «нового глобального порядка» стремятся осуществить свой корпоративный, эгоистический интерес, пытаются навязать тем или иным странам и народам ложные перспективы и тупикивые пути исторического движения, направить их развитие в русло «уготованного будущего».

Современная социальная динамика ознаменовалась быстро изменяющейся диалектикой соотношения объективного и субъективного в развитии общества. Усложнившийся мир социума уже невозможно описать исходя из детерминистской парадигмы, господствующей ранее в общественности. Социальная эволюция сегодня все в меньшей степени становится зависимой от объективных детерминант и все в большей мере демонстрирует способность к самоопределению и самопреобразованию на основе устремлений и деятельности тех или иных социальных субъектов. Социальные субъекты, как свидетельствуют факты, обладают сегодня огромной силой и потенциальными возможностями. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что удельный вес субъективно-волевого и целерационального факторов в комплексе очевидных причин и зависимостей исторически неуклонно возрастает. Важнейшей детерминантой в жизнеустройстве общества, все в большей мере, становятся процессы в сфере субъективной реальности [1, с. 121]. Сегодня субъективный фактор истории стал реальной силой, определяющей судьбы целых поколений народов. Оказалось, что в наше время весьма затруднительно говорить о каких-то чисто объективных социальных процессах, протекающих вне и независимо от субъективной воли, от субъективного фактора истории. Причем пределы человеческого вме-

шательства, можно даже сказать человеческого экспериментаторства, в том числе и деструктивного, разрушительного, резко расширяются в переходные эпохи, во времена глобальных потрясений. В наше время, которое можно охарактеризовать как эпоху вселенского обмена и информационных войн, выявилась возможность перманентного конструирования различного рода ожиданий, надежд, угроз или опасений. В результате ныне немалая часть населения нашей планеты начинает жить в сконструированном мире, виртуальной реальности. В своей действительности это означает, что в вопросе об источниках и движущих силах социальной эволюции происходят изменения парадигмального характера.

Новое всегда является сложным сплавом традиционных и нетрадиционных элементов, его природа зависит главным образом от современных социальных и политических условий. Даже специфика отрицания старого, т. е. сама форма негации, ее глубина, степень деструктивности, неизбежно оказывают определенное влияние на тенденции развития нового, в известной мере задают направленность последующему процессу общественных изменений. Но главное то, что новое обладает способностью к самодетерминации: возникающая общественная система опирается не просто на ту конфигурацию социально-политических сил, которая была характерна для предшествующей системы, но творит для себя соответствующие социальные образования, порождает адекватный для себя социальный базис, который впоследствии становится действенной ее опорой. В результате свершившийся социальный выбор в ряде случаев может привести к необратимым изменениям, на годы и даже многие десятилетия задать определенное направление развитию общества. Факторы же, повернувшие историю на этот путь, могут с точки зрения своей общественной значимости быть незначительными, во многом случайными. Реализовавшись, однако, они жестко определяют движение общества в новом направлении. Причем вероятность такого развития многократно возрастает, когда тот или иной проект преобразования общества становится идеологической доктриной какой-либо общественно-политической силы, монополю властвующей в обществе.

Это означает, что на конкретном историческом этапе, в сложном переплетении ветвящихся дорог общественной эволюции, исторических потенциалов и возможностей, решающую роль играют субъективный фактор, непредсказуемый человеческий выбор и поступок, случайное стечение обстоятельств. Именно они в преимущественной степени определяют кон-

кретную «физиономию» формирующихся новых исторических обстоятельств и уклада жизни людей. И если свершившееся конкретное событие никак не укладывается в полосу прогрессивно-поступательного развития общества, то истории предстоит немало «потрудиться», чтобы преодолеть его последствия.

Очень важно, чтобы выбор основывался на верной, а не на ошибочной интерпретации исторических альтернатив. Выбор – дело сложное, поскольку история постоянно импровизирует и склонна к сюрпризам. А это означает, что выбор всегда сопряжен с риском, а риск, в свою очередь, является имманентной чертой выбора.

В своей работе «Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» Э. Гидденс, выделяя две разновидности риска (внешний и рукотворный), приходит к выводу, что если в предшествующие эпохи доминировал внешний риск, то сегодня господствует риск рукотворный, пронизывающий различные сферы жизни как общества в целом (глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики), так и отдельного индивида (к примеру, связанные с питанием, здоровьем и даже браком); более того, риск превращается в непрерывный процесс [2, с. 102].

Таким образом, историческая действительность является в значительной мере пластичной, способной к различным переменам. В сущности, если не к истории в целом, то к миру конкретных событий понятия «историческая закономерность» и «необходимость» надо применять весьма осторожно, с учетом игры случайностей и человеческих предпочтений. Нравится нам это или нет, история всегда будет представлять собой одну из выбранных и реализованных людьми возможностей, при этом далеко не всегда соответствующих оптимальному пути социального развития. Любая страна, любой народ в определенные моменты истории оказываются перед судьбоносным выбором, и их история осуществляется в процессе реализации этого выбора.

Эмпирические наблюдения за данными явлениями позволили исследователям сделать важный теоретический вывод: историческую свободу людей следует рассматривать не как осознанную необходимость, а как осознанную возможность исторического выбора из имеющих место в данной ситуации альтернативных путей развития [3, с. 215]. Это значит, что люди обладают способностью преодолевать историческую инерцию и творить собственное будущее исходя из целого спектра исторических альтернатив, обладающих различной или оди-

наковой возможностью для реализации. Выбор, стало быть, является важнейшим звеном конструирования социальной реальности. Как отмечает З. Бауман, «будущее как раз и отличается от прошлого тем, что оставляет простор для человеческого выбора и действия. Без выбора нет будущего – даже если выбор состоит лишь в том, чтобы воздержаться от выбора и выбрать плавание по течению» [4, с. 115].

Такого рода особенности развития социума открывают возможность субъекту истории формировать (отказавшись от следования исторической инерции, привычному течению дел) новые пути истории. Подобная возможность исторического субъекта обуславливает, как представляется, субъективную сторону существования альтернатив истории. Истории внутренне присуща альтернативность. Это определено реальным существованием в жизни социума различных противоборствующих политических, экономических и социальных структур, сил и тенденций. Последнее обстоятельство позволяет придать исторической возможности онтологический статус, идентифицировать ее как особую сферу реальности, признать ее укорененность в каждой точке социального пространства и в каждом моменте социального времени [5, с. 60–61].

Понимание исторической свободы как осознанной возможности позволяет отрицать наличие жесткой предопределенности в истории: социальные закономерности реализуются не в форме фатальной неизбежности, а в форме возможности, в сфере человеческого выбора. А если это действительно так, то субъект социального выбора должен быть ответственным за свои действия перед историей, перед другими людьми, наконец, перед самим собой. При таком подходе к социальной реальности отнюдь не снимается, а напротив, утверждается ответственность исторического субъекта за свои поступки и действия. По большому счету, в общественной жизни, как и в личной, нельзя мыслить свободу без ответственности. В данном случае возникает потребность в гуманитарной экспертизе определенного рода и контроле за свободно полагаемой человеческой деятельностью, ее переориентировке, а возможно, и запрете некоторых ее форм. Наверное, человеку разумному, «венцу творения», покорителю природы нужен все-таки какой-то внешний цензор, абсолют, критерий, с которым ему следовало бы соизмерять свои устремления и помыслы. Если говорить шире, человечеству необходимо обезопасить себя, во-первых, от духовного вырождения и деградации, внутреннего саморазрушения, в результате эрозии «экологии души», утраты человеком человеческого,

во-вторых, от разрушения среды обитания, коллапса биосферы, эрозии «экологии природы». В этом, возможно, и заключается смысл истории.

Можно, конечно, утверждать, что выбор, выходящий за пределы спектра наличных возможностей и совсем не сообразующийся с логикой исторического развития, осуществляемый самонадеянным субъектом, рано или поздно отмечается историей или трансформируется до неузнаваемости.

Можно утверждать, что подход к анализу истории не только с точки зрения того, что произошло, но и с точки зрения того, что могло произойти, является оправданным, теоретически корректным и научно плодотворным. Если не соглашаться с фатальной заданностью, запрограммированностью будущего, то неправомерно соглашаться и по отношению к прошлому, утверждать, что в истории все произошло именно так, как должно было произойти? В действительности же прошлое мало чем отличается от будущего. В сущности, от допущения различных альтернативных путей движения не только применительно к будущей истории, но и к прошлой зависят глубина проникновения в эту прошлую историю, ее правильное понимание и оценка. Как отмечает З. Бауман, «каждый момент истории – это развилка путей, ведущих к нескольким будущим. Человеческое общество существует на перекрестках. То, что в ретроспективе предстает как “неизбежное” развитие, в свое время начиналось как вступление на одну дорогу из множества лежащих впереди» [4, с. 115].

Часто встречаемый аргумент, что «все в истории могло быть только так, как и было», слишком категоричен. Использование идей антиномизма И. Канта показало равнодоказуемость тезиса и антитезиса антиномии свободы и необходимости. Последовательное понимание позитивистского абсолютного детерминизма, в свою очередь, показало равнодоказуемость этих тезисов. Выводы, сделанные в рамках философской традиции интуитивизма А. Бергсона, Н. О. Лосского, С. А. Левицкого и экзистенциализма в лице С. Керкьёгора, М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, доказывают существенную первичность человеческой воли в актах выбора альтернатив действий [6].

Отметим, что тезис о свободе как осознанной необходимости не может быть отвергнут окончательно. Хотя в истории, как правило, существует множество возможностей, тем не менее, в отдельных случаях могут возникнуть ситуации, когда будет иметь место лишь одна возможность. Правда, единственная возможность – предельный случай, который возникает лишь тогда, когда общество находится в критическом

состоянии и исчерпаны все другие возможности, кроме гибели. Такая ситуация для отдельных народов мира неоднократно имела место (неслучайно некоторые исследователи рассматривают человеческую историю как «кладбище» цивилизаций и народов). В будущем такая ситуация может стать реальностью для всего человечества, если оно не будет сообразовывать свое развитие с экологическим императивом и окажется не способным дать «ответы» на глобальные «вызовы» современности.

Но даже в критических ситуациях (вплоть до последнего момента) имеются две возможности: одна – гибель, другая – предельная концентрация сил общественного организма с целью самосохранения. Реализация второй возможности требует от общества пресечения всякого противостояния классов и социальных групп, подчинения деятельности элит и масс единой общенациональной цели и воле, а также их готовности и способности идти на достижения невозможного. Только в этом случае историческая свобода может выступить в форме осознанной необходимости.

Проблема альтернативности теснейшим образом сопряжена с вопросом о роли случая в историческом процессе, поскольку социальная система чутко реагирует на случайности. В период социальной неустойчивости, в переходном состоянии, когда осуществляется крупный сдвиг в развитии общества и рождаются новые структуры, меняется диспозиция социальных сил, даже малая случайность может оказать решающее значение на дальнейшую судьбу общества в целом. В «точках бифуркации» (если прибегнуть к синергетической терминологии) такие случайности могут привести к качественной перестройке системы, к коренному изменению дальнейшей траектории ее движения. Случай в данной ситуации означает гибкое начало, имеющее непосредственное отношение к появлению нового в процессе развития.

В некоторые моменты истории роль свободной воли отдельной личности или организованной социальной группы (даже небольшой) вполне может не раствориться и не нейтрализоваться в результате стихийно-спонтанного столкновения с волями других субъектов исторического процесса, а стать доминирующим и системообразующим фактором в процессе разворачивающихся событий, перейти с микроуровня на макроуровень. Правда, в спокойные эпохи в период более равновесного существования социальных систем, когда преобладают детерминистские связи и отношения, способные противостоять «опасностям века», исторические случайности рельефно себя не обнаруживают.

В общественном развитии может сыграть существенную роль такой непредсказуемый по своей природе фактор («историческая случайность»), как отдельная личность. При определенных условиях политические лидеры и вожди способны влиять на макросоциальные процессы, воздействовать на общественное развитие ничуть не меньше, чем «объективные закономерности». Прав был известный русский философ Н. Бердяев, когда, имея в виду Октябрьскую революцию, говорил, что Ленин на практике сумел доказать способность незначительного организованного меньшинства «прервать детерминизм социальной закономерности» [7, с. 88]. Очевидным сегодня представляется и то, что в крушении Советского Союза существенную (если не решающую) роль также сыграл субъективно-личностный момент.

Идея нелинейности социальной среды как важнейшего условия ее самоорганизации позволяет по-новому понять исторический процесс как в эволюционном смысле (различия стран и народов в достигнутом уровне социальной эволюции), так и в мультикультурном (принципиальное социокультурное разнообразие стран и народов, находящихся на примерно одинаковом эволюционном уровне развития). Она также дает нам возможность осмыслить социальную динамику как устойчиво-неустойчивый, многомерный и вместе с тем целостный процесс, в рамках которого имеют место взаимопроникновение и взаимоналожение различных по своему содержанию и направленности детерминистских импульсов, сфер и начал (детерминант) человеческого бытия – от природных до идеологических, что в своей действительности обеспечивает многоуровневый, полидетерминистский подход к пониманию движущих сил развития общества. Рассмотрение жизни общества как открытого, сложного и неоднородного взаимодействия основных компонентов, которое имеет свою специфику факторов, сил и тенденций и в ходе которого происходят чередование, взаимопереходы хаоса и порядка, бесконечное становление полифонической целостности, показывает как невозможность существования единого идеального и универсального порядка «для всех времен и народов», так и несостоятельность интерпретации истории как иерархии высших и низших ступеней, как непреложного движения вперед.

Литература

1. Назаретян А. П. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 121.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.

Однако многофакторность, многовариантность, стохастичность в развитии общества еще не означают, что в социальной жизни вообще отсутствуют причинно-следственные связи и поэтому совсем невозможно предвидеть дальнейший ход общественных событий. Конечно, случайность, стихийность или сознательная концентрация усилий людей в определенном направлении могут сбить, отбросить с того или иного пути общественного развития, привести к сложным блужданиям в рамках спектра исторических альтернатив и возможностей. Но сам спектр возможностей и путей развития общества не безграничен. Ветвящиеся дороги общественной эволюции имеют конечное число, в определенной мере обусловлены прошлыми событиями и обстоятельствами, предшествующей исторической практикой. Иначе говоря, логика истории диктуется долгосрочными факторами существования: природно-климатическими, геополитическими, цивилизационными, экономическими и др. Она не так принудительна, как это представлялось сторонниками «непреложных исторических закономерностей», бывает на своих развилках максимально открытой для всевозможных социально-утопических экспериментов, но она, как свидетельствуют факты, вовсе не безобидна и может быть довольно мстительной.

Под покровом событийной истории скрывается глубинное течение исторического времени, которое обычно поверхностный взгляд не замечает так же, как не замечает он движения Земли вокруг своей оси. Например, никакие усилия людей древних обществ периода рычага и лопаты не смогли бы превратить эти общества в машинные, буржуазные, поскольку для такого превращения необходимы века вызревания объективных предпосылок.

Заключение. На основании изложенного можно заключить, что случайность, субъективность, различные отклонения существенно влияют на социальный процесс, но влияют не произвольно, а в рамках вполне определенного спектра исторических возможностей. Кроме того, следует подчеркнуть, что, когда общественная система «выбирает» определенный путь развития, дальнейшая ее эволюция происходит в рамках детерминистского поля, в соответствии с детерминистскими законами. Следовательно, случайное и необходимое в жизни социума не исключают, а дополняют друг друга.

3. Васильчек В. М. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). URL: http://samlib.ru/w/wanjukow_a/algorithmy2.shtml (дата обращения: 10.04.2017).
4. Бауман З. Свобода. М.: Новое изд-во, 2006. 132 с.
5. Философия и историческая наука: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 60–61.
6. Альтернативность в истории как подход к анализу вариативности развития послевоенной Европы. Понятие и сущность альтернативности в историческом процессе. История в фактах. 2017. URL: <http://www.seaofhistory.ru/shists-932-1.html> (дата обращения: 10.04.2017).
7. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

References

1. Nazaretyan A. P. Psychology in social forecasting: once again about causal dependencies stjah. *Voprosy filosofii* [Question of philosophy], 2016, no 7, p. 121 (In Russian).
2. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The elusive world: how globalization is changing our lives]. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. 120 p.
3. Vasil'chek V. M. *Proshchaniye s Marksom* (Algoritmy istorii) [Farewell to Marx (history Algorithms)]. Available at: http://samlib.ru/w/wanjukow_a/algorithmy2.shtml (accessed 10.04.2017).
4. Bauman Z. *Svoboda* [Freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvovo Publ., 2006. 132 p.
5. Philosophy and historical science: Materials of the round table. *Voprosy Filosofii* [Question of philosophy], 1998, no. 10, pp. 60–61 (In Russian).
6. *Al'ternativnost' v istorii kak podkhod k analizu variativnosti razvitiya poslevoennoy Evropy. Ponyatiye i sushchnost' al'ternativnosti v istoricheskom protsesse. Istoriya v faktach*. 2017. Available at: <http://www.seaofhistory.ru/shists-932-1.html> (accessed 10.04.2017).
7. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.

Информация об авторах

Кирвель Чеслав Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22 Республика Беларусь). E-mail kaf_filosof@grsu.by.

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Information about the authors

Kirvel' Cheslav Stanislavovich – DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department Philosophy. Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: kaf_filosof@grsu.by

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department Philosophy and Law. Belarusian State Technological (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Поступила 01.03.2018

УДК 101.8:316.3:303.43:24.51

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**КОЭВОЛЮЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ В ФОРМИРОВАНИИ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

В статье раскрыта историческая взаимосвязь диалектически противоречивого характера стихийной природной коэволюции, становления оптимистической направленности поведения и формирования ценностных ориентаций человека в контексте сохранения и продолжения жизни в избирательных, благоприятствующих условиях. Охарактеризованы исторические особенности коэволюции в отношениях человека и природы, проявляющиеся в предпочтительных ценностных ориентациях и определенной степени развития жизненного оптимизма в зависимости от характера овладения и использования сил природы для целей самосохранения. В качестве объективного основания оптимистического сценария коэволюционной стратегии и главной ценностной ориентации отношения человека к природе рассмотрены естественные и активно формируемые им возможности сохранения его собственной жизни. Раскрыта объективная необходимость природной коэволюции как естественного условия существования человека. Выявлено значение различных форм коэволюции в сохранении его жизни: опосредованной; локальной, относительно регулируемой; техносферной; глобальной, ноосферно регулируемой. Ноосферная коэволюция рассмотрена в качестве механизма разрешения глобального противоречия между подчинением человеком природы в условиях роста численности населения, формированием общества потребления и ограниченностью природных ресурсов для решения глобальной задачи по обеспечению продолжения существования человечества.

Ключевые слова: коэволюция, диалектическое противоречие, ценностные ориентации, оптимизм, пессимизм, общество, природа, ноосфера.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**CO-EVOLUTION STRATEGY FORMING
VALUABLE ORIENTATIONS OF THE MODERN SOCIETY**

The article reveals the historical interrelation between the dialectically contradictory nature of spontaneous natural co-evolution, the formation of an optimistic orientation of behavior and the formation of value orientations of a person in the context of preserving and continuing life in electoral, favorable conditions. Characterized are the historical features of co-evolution in human relations and nature, which are manifested in preferential value orientations and a certain degree of development of life optimism, depending on the nature of mastering and using the forces of nature for self-preservation purposes. As an objective basis of the optimistic scenario of co-evolutionary strategy and the main value orientation of the attitude of man to nature, natural and actively developed opportunities for preserving his own life are considered. The objective necessity of natural co-evolution, as a natural condition of human existence, is revealed. The importance of various forms of co-evolution in the preservation of his life is revealed: mediated; local, relatively adjustable; technospheric; global, noosphere regulated. Noospheric coevolution is considered as a mechanism for resolving the global contradiction between man's subordination of nature in the conditions of population growth, the formation of a consumption society and the limited natural resources to solve the global task of ensuring the continuation of human existence.

Key words: coevolution, dialectical contradiction, value orientations, optimism, pyssimism, society, nature, noosphere.

Введение. Современное общество – это общество, ориентирующееся на ценности, организационные стандарты и управленческие решения, идеи и принципы культурной экспансии в различных социальных слоях, которые направлены на формирование, воспроизводство и закрепление системы социальных институтов и отношений. Эти институты и отношения це-

ленаправленно ориентированы на достижение блага, прежде всего, в социоцентристском его понимании как важнейшей ценностной ориентации социального прогресса и культивируемого идеала практической деятельности больших масс людей, как главной жизненной установки их сознания и жизненной устремленности в будущее. Иными словами, такое общество есть

общество, в котором доминирует потребительский вектор развития всех его основных сфер, а сохранение и продолжение жизни связано с развитием материального производства, умножением разнообразия потребностей и соответствующим увеличением потребления. Благополучие и возможности развития человека связываются преимущественно с данными тенденциями. Вместе с тем доминирование данной стратегии в современном мире, выражающей общую направленность социального прогресса на, казалось бы, гуманную цель – стабильное обеспечение благосостояния человека, обнаруживает все больше признаков упадка культуры и дефицит социально-позитивного стратегического интеллектуального потенциала. Происходит их замена утилитарным, узкопрагматическим миропониманием, сопровождающаяся утратой исторического оптимизма, состоящего в способности человека к разностороннему развитию и соответствующей креативной деятельности по решению сложных проблем, которые предопределяют будущее общества. Между тем все более четко обозначается социальный заказ на людей новой генерации, подготовленных и способных решать современные комплексные, междисциплинарные проблемы в контексте утверждения стратегии оптимистического будущего цивилизации.

В настоящее время продолжает обостряться глобальное противоречие между воспроизводством и сохранением потребительского образа жизни, его социокультурной матрицы (принципами устройства, ценностными ориентациями, целями, идеалами и приоритетами общества потребления), сокращением природных ресурсов и все более неотложной необходимостью решения задач по формированию социальных условий соотносительного сохранения природной среды и человечества на длительное время.

Данное противоречие, по своей онтологической сущности, является глобальным вызовом человечеству, адекватным ответом на который может стать генерирование кооперативного, кодифицированного ответа планетарного масштаба, состоящего в разработке и практической экспансии в качестве общепризнанной методологической, мировоззренческой, аксиологической и регулятивной доминанты креативного мышления, познания и деятельности новой коэволюционной стратегии. Целевое предназначение данной стратегии основано на принципах гармонизации внутрисоциальных и социоприродных отношений при сохранении репродуктивных механизмов во взаимосвязанном развитии общества и природы. Козволюционная стратегия – один из наиболее перспективных на сегодняшний день вариантов формулирования

долговременных целей, задач и принципов организации самоподдерживаемого человечеством собственного развития в единстве с активным и конструктивным воздействием на природную среду и сохранением репродуктивных механизмов экосистемной организации живой природы. Козволюционная стратегия не вытеснит полностью из жизни общества потребительский вектор экономического развития, поскольку необходимость удовлетворения потребностей человека остается важнейшей задачей воспроизводства его собственного вида. Кроме этого, весьма отчетливо осознается и необходимость формирования новых онтологических потребностей, сущность которых состоит в сохранении бытия общества и природы в их единстве, постоянном взаимодействии, развитии и взаимообусловленности.

Козволюционная стратегия – это идеология ограничения сугубо социоцентристской ориентированной культуры общества потребления, направленной на сохранение принципа самовозвышения человека над природной реальностью, дошедшая до состояния весьма ограниченного понимания жизни и предназначения человека как самим себя назначенного только лишь для собственного блага. И если некая культура воспринимает данную саморепрезентацию человека как стержневую конструкцию в выстраивании собственного «дома его жизни», то она становится разрушительной для природы. Переход на коэволюционную стратегию развития общества во взаимосвязи с природным окружением требует кропотливого теоретического обоснования сущности данной стратегии. В представленной статье предпринята попытка анализа взаимосвязи коэволюции (различных ее исторических проявлений) с формированием соотносительных вариантов оптимизма и пессимизма, а также с ценностными ориентациями, направленными на сохранение человеческой жизни. Сущность коэволюции рассматривается в контексте диалектического принципа развития и представлена как взаимозависимые тенденции упорядочения и разупорядочения взаимообусловленно изменяющихся явлений. Такой подход к пониманию коэволюции позволил автору статьи выявить онтологические предпосылки, связанные с коэволюцией оптимизма и пессимизма, лежащих в основе ценностных ориентаций человека и общества на различных исторических стадиях и в различных вариантах социоприродного взаимодействия.

Основная часть. Попытки уточнения сущности естественной, стихийной коэволюции в природе приводят к представлению о ней как об особой форме явления, имеющего диалекти-

чески противоречивую структуру процессуальной организации. Спонтанная коэволюция в природе проявляется в единстве и взаимосвязи нестабильных процессов, к которым относятся наводнения, засухи, землетрясения, извержения вулканов, ураганы, эпидемии, пандемии и т. д., и относительно устойчивых природно-климатических, гидрологических, географических, физико-химических и других явлений. Такой характер природой коэволюции обуславливал и, в определенной степени, формирует возможности сохранения человеческой жизни в настоящее время и ее продолжения в перспективе. Взаимодействие единства этих двух противоположных тенденций в развитии естественной природы образует перманентно действующее объективное противоречие природной коэволюции. В этой связи оно было и является континуальным фактором своеобразного экологического адаптиогенеза наших исторически далеких предков и современников. Жизнь первобытного человека протекала в зависимости от влияния противоположных тенденций природной коэволюции, одновременно детерминирующей ожидание непреходящей напряженности в отношениях с природой, с одной стороны, и надежду на природные блага и продолжение жизни, с другой стороны. Возможности сохранения человеческой жизни в таких условиях не могли не стать основным критерием отношения человека к различным проявлениям стихий неконтролируемой им природной коэволюции. Избегание, уход, поиск убежища, укрытия от угрожающих его жизни природных разрушительных процессов, страх перед ними, вероятно, зафиксировался в истории становления человека в форме инстинкта самосохранения. Данный инстинкт в разной степени развития и способах осуществления, по многочисленным наблюдениям специалистов присутствует в поведении различных видов высших животных, птиц и других представителей животного царства. Наш современник – представитель вида *Homo sapiens* также не утратил данный инстинкт как важнейшее проявление биологической саморегуляции собственной жизнедеятельности. Инстинкт поддерживается и усиливается теми социальными отношениями и деятельностью, которые важны и для сохранения социальной природы человека. Надежда на сохранение жизни и ее продолжение, уверенность в возможности достижения данной цели посредством организации самовоспроизводящей деятельности составляют проективные основы и активную мобилизующую сущность оптимизма человека как социально-биологического существа. Если предпосылкой оптимизма является его биологическая жизнеспособность

(биологическое самосохранение), то условием социального оптимизма человека является индивидуально-личностное (социально обусловленное) сохранение в развитии и посредством такового. Однако и в социальной природе человека, в его бытии на различных стадиях индивидуальной истории сохраняется противоречие между оптимистическим и пессимистическим восприятием жизни в обществе и в отношениях между людьми. При этом, сохраняется отношение к жизни как к важнейшей ценности, в которой присутствуют тенденции созидания и разрушения, что характерно и для естественной коэволюции. Оптимизм, «приходящий» к человеку в период его зрелости на смену пессимизму молодости, согласно замечанию И. И. Мечникова, обусловлен «развитием чувства жизни» (инстинкт самосохранения), в то время как «в молодости инстинкт этот слабо выражен» [1, с. 218]. Возможно, в этом случае имеет место повторение в индивидуальном масштабе закономерности подверженности человека негативным явлениям жизни в обществе в силу недостаточной опытности и знаний адаптационных навыков и неготовности жить в противоречивой среде, что каким-то образом напоминает период неуверенности и недостатка опыта жизни в сложной природной среде наших далеких предков. Представляется, что их биологическое самосохранение в условиях диалектической противоречивости стихийной природной коэволюции было обусловлено рядом важнейших особенностей отношений с природным окружением. Выживание формирующегося исторически человека разумного было связано с первичным различением им значения взаимосвязанных между собой природных процессов и явлений, как негативных и позитивных, для сохранения его жизни. Возможности такого сравнения и неодинаковость функциональной роли подобных процессов и явлений обуславливали формирование первичных представлений о ценности природных явлений и соответствующих ценностных ориентаций для обеспечения выживания. Первичная протоценностная ориентация древнего человека выражала и направляла два взаимообусловленных вектора поведения и активных целенаправленных действий: избегание или уход от неблагоприятных воздействий естественной природы и использование ее явлений как благоприятных для самосохранения человека. Назовем класс природных условий, благоприятствующих сохранению жизни человека, термином «убежище». Под «убежищем» можно понимать широкий спектр природных условий и предпосылок, детерминирующих самосохраняющую активность человека. К такого рода факторам относятся

различные укрытия естественной природы, например, пещеры, а также благоприятные для поддержания жизни географические места, стабильные естественные источники питания, относительно комфортные природно-климатические условия существования и другие естественные факторы, согласующиеся с продолжением жизни человека. Эти факторы смягчали или значительно уменьшали риски попадания во власть разрушительных тенденций стихийной природной коэволюции. Таким образом, имели место целенаправленное поведение человека и реализация элементов стратегии выживания на основе опосредования губительного воздействия стихийных тенденций естественной коэволюции при помощи использования природных явлений, значительно уменьшающих угрозу элиминации человеческих жизней. Это означало, что человек «не отменял» природную коэволюцию в единстве ее противоположных тенденций разрушения и упорядочения. По сути он предпринял попытку использовать такого рода связи природных процессов и явлений, что позволяло ему удерживать под сильным контролем стихию природных воздействий на его жизнь. В данном контексте можно утверждать, что человек использовал «тактические» приемы перевода стихийной природной коэволюции в русло опосредованной коэволюции в воспроизводстве собственной жизнедеятельности по отношению к природе. Такого рода исторический факт с позиции современной культуры взаимодействия общества и природы оказался стратегическим условием, предпосылкой развития целенаправленной деятельности по перестройке природы в целях самосохранения человека. Есть основания предполагать, что уже на ранних этапах опосредованной коэволюции формировался взгляд на единство человека и природы и их различия в контексте связи коэволюции как диалектически противоречивого явления, выбора благоприятных для сохранения жизни природных факторов как первоочередной ценности и основной ценностной ориентации. Соответствующий характер исторического оптимизма возникал под воздействием активной роли поведения человека в ожидании благоприятного продолжения существования. Это означает, что оптимистическая направленность развития человека опиралась на взаимосвязь объективных условий коэволюции и деятельности самого человека по использованию благоприятных для него коэволюционных тенденций. Таким образом, разрешение диалектических противоречий естественной коэволюции, формирование отношения к природе и собственной человеческой жизни как основным и

взаимосвязанным ценностям, стихийный выбор тенденции опосредования природной коэволюции и оптимистическая направленность человеческого бытия оказались исторически взаимообусловленными и, по нашему представлению, непреходящими факторами всей последующей коэволюции человека как социоприродного существа. Следует отметить, что опосредованная коэволюция, очевидно, представляет собой некую общую объективно действующую стратегическую тенденцию эволюции, сохранения, активного продолжения жизни на планете Земля. Фактически о такой закономерности писал В. И. Вернадский, называя ее различными проявления «техники жизни». Существенным признаком «техники жизни» является «биогенная миграция» химических элементов, что выражает процесс воспроизводства и сохранения живых организмов. Особенно заметной является «техника жизни» в форме работы «роющих животных, следы которой известны с древнейших геологических эпох; таковы же отражения социальной жизни животных – постройки термитов, муравьев или бобров». Цивилизованное человечество в своих отношениях с природой значительно усиливает «биогенную миграцию» химических элементов, что является условием сохранения и продолжения его жизни [2, с. 121–122]. Согласно В. И. Вернадскому, развитие всего «живого вещества» представляет собой общую закономерность формирования независимости и власти над биосферой. Причем власть человека над биосферой и независимость от нее проявляются «в геологическом эволюционном процессе создания ноосферы» [3, с. 271]. Следующий исторический этап коэволюционного самосохранения и социального развития человека был связан с утверждением объективно складывающейся стратегии относительной локально регулируемой человеком коэволюции в его отношении с изменяемой им природой. Точнее сказать, данная коэволюция была связана с осуществляемыми им изменениями тех природных условий своего существования, результаты которых обуславливали оптимизм не только текущей жизни, но и ее сохранение в будущем. Это были качественно новые уровень и масштаб формирования человеком сохраняющего и спасающего его жизнь «убежища» от стихийной природной коэволюции, связанной с недостатком сугубо природных ресурсов для удовлетворения витальных потребностей. Регулируемая коэволюция, выражающая новый этап формирования стратегии отношения человека и природы, явилась фактором обеспечения относительной безопасности человеческой жизни в связи со снижением рисков зависимости от го-

товых ресурсов дикой природы в удовлетворении важнейших потребностей в пище, одежде и жилье. Сравнительная безопасность благодаря локально регулируемой коэволюции достигалась на основе развития земледелия и животноводства, которые опирались на искусственный отбор растений и животных, распространение domestikации, строительство жилья из природных материалов, производство орудий труда как важнейших постоянных факторов поддержания жизнедеятельности человека. Но не только все эти виды занятий и их продукты явились важнейшими ценностями, постоянные воспроизводство и развитие соответствующей системы отношений между людьми, также к природным условиям обеспечения безопасности составляют важнейшие ценностные ориентации, способствующие сохранению жизни и продолжению существования человеческого рода. Регулируемая коэволюция, которая соединяла в единую систему все отмеченные факторы организации жизни людей, была основным способом в построении их отношений с той частью природы, которую они изменяли своим трудом для обеспечения выживания. Однако регулируемая коэволюция не была абсолютным условием самосохранения человека, поскольку она не «отменяла» постоянно действующую стихию в естественной природной коэволюции. Различные природные стихии часто уничтожали результаты трудов земледельцев и скотоводов, а пессимистические отражения этих процессов мировоззрения людей явились демонстрацией ограниченной власти человека не только над природой вообще, но и над окультуриваемой ими природой и над собственным существованием. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что оптимизм и пессимизм являются диалектическими противоположностями, которые по объективным и субъективным причинам соединяются человеческой жизнью как единым целым. Поэтому она всегда протекает в единстве и взаимопереходах, в неразсторжимой взаимообусловленности и определенных соотношениях этих процессов. Отношения между людьми и отношения людей к природе осуществляются в контексте противоречия или сквозь призму взаимодействия оптимизма и пессимизма. Их связь находит выражение в различных ценностных ориентациях, самым главным проявлением которых выступает связь тенденций бытия и небытия человека. Утверждение в качестве доминирующей оптимистической направленности жизни человека не означает полного устранения пессимизма, который имел и имеет неоднозначное влияние на человеческое бытие. Пессимизм, связанный с объективными природными разрушительны-

ми процессами, как нам представляется, с самого начала человеческой истории был одним из весьма значимых стимулов оптимистического выбора путей самосохранения человека, в том числе и посредством использования природных условий (опосредованная коэволюция) и их изменения (регулируемая ограниченная коэволюция). В условиях трудностей выживания в природе внешняя регулируемая коэволюция дополнялась внутренней духовной коэволюцией в ожидании вечного существования на основе следования совершенству могущественной надприродной силы, создавшей посясторонний мир, во власти которого и благо, и бедствие человека в его отношениях к природе. Такого рода тенденция поисков возможностей самосохранения человека на путях его духовного самосовершенствования, его стремление наилучшим образом приспособиться к природному миру и к отношениям людей посредством обращения к духовному идеалу как важнейшей, оптимизирующей жизнь ценности, особенно четко проявилась в форме политизма в мифологические времена. Вместе с тем зывание к духовным силам и надежда на их помощь в регулировании отношений человека с природным окружением также относятся к форме опосредованной коэволюции, смягчающей негативное воздействие стихийных природных процессов. Локально регулируемая коэволюция человека и природы не обеспечивала безопасность его растущей численности от спонтанных изменений в природе, обусловленных неконтролируемой естественной коэволюцией, и ее дестабилизирующих проявлений в хозяйственной деятельности людей. Закрепление в формировании культуры общества нормативного представления о человеческой жизни, как главной ценности, в сравнении с дикой природой, делающей человека подчиненным существом в ее стихийном коэволюционном воспроизводстве, в самосохранении тенденций упорядочения и разупорядочения, как основного способа развития целостности природы, выразилось в практическом стремлении вытеснения подчинения природе ее подчинением. В этой связи особо масштабный захват природных ресурсов (продолжающийся и сейчас) как источников жизни людей и саморазвития общества произошел в индустриальный период становления господства над природой. Локально регулируемая коэволюция человека и изменяемой им части природы в целях выживания не исчезла полностью, как не исчезла и опосредованная коэволюция, хотя в современном обществе их формы изменились, прежде всего, под влиянием культуры и практики антропоцентризма. Антропоцентризм, выражающийся в идее покорения

природы и господства над нею, понимался как закономерная победа человека над стихиями природы, приносящая ему неоспоримые блага, сохраняющая его жизнь и едва ли не окончательно утверждающая жизненный оптимизм на всех уровнях социальной действительности. С позиций современного козволюционного подхода выявляется существенная черта антропоцентризма, состоящая в вытеснении из адаптивной деятельности человека и общества стихийной природной козволюции, как объективно действующего перманентного принципа и стимула развития свойства жизнеспособности человека как биологического вида. Произошла также сопутствующая значительная утрата опыта и культуры в целом отношений к природе как исходной стратегической ценности для определения путей сохранения человека. Доминирование антропоцентристской идеологии выразилось в замене природной козволюции как основания нестабильности человеческой жизни, внутрисоциальной и сициотехнической козволюциями, репрезентируемыми в качестве важнейших ценностных оснований, обеспечивающих сохранение человечества, жизнеутверждающий оптимизм и надежное, комфортное убежище от природных катаклизмов. Антропоцентризм, как кажущаяся перманентной стратегическая ценностная ориентация и как нормативная жизнеобеспечивающая искусственная козволюция, явился не только ограниченным в понимании роли отношений общества и природы в перспективе сохранения и развития человека, но и породил новые риски и опасности во всех сферах жизни общества, включая и отношения к природе. Искусственность редукционистски отлаженной козволюции в рамках антропоцентристки ориентированной культуры заключалась в том, что она не была теоретически идентифицирована как собственно реальная козволюция, объективно обуславливающая взаимозависимость процессов упорядочения и разупорядочения во взаимодействии природы и общества и формирующая в этой связи новую социоприродную системность бытия человека и биосферы. С позиций антропоцентризма ценилось, прежде всего, креативное решение человеком технических, технологических, гносеологических, организационных, управленческих и других задач, а также кадровых вопросов для обеспечения растущей добычи и переработки природных материалов. Такой подход к природе развивался в целях все более полного удовлетворения разнообразных потребностей людей и воспроизводства их жизни в качестве первостепенной ценности в сравнении с природной реальностью. В антропоцентристской картине мира природа ценилась настолько, на-

сколько она была богата теми ресурсами, которые можно было использовать для стабильного существования и собственного развития человека. В социокультурной ситуации самоприсвоения человеком статуса надприродного (сверхприродного) существа, практического обретения им роли покорителя природы и творца своего лучшего искусственного мира, в котором он становится полным хозяином и властителем над любыми явлениями, формировалось социоцентристское понимание смысла жизни и эгоизированное понимание своего исторического предназначения. При таких культурных акцентах представление о человеке как вершителе собственной судьбы и совершенствовании им природы в форме создания искусственной среды жизни выражало направленность его оптимизма и доминирующий взгляд на сущность основных ценностных ориентаций деятельности, а мысли о вызываемых негативных последствиях в природе и самом обществе находились на периферии общественного сознания. Это означает, что антропоцентризм представлял собой фактический отказ от принципа объективной взаимосвязи развития человека, общества и природы. Поэтому доминирование антропоцентристской культуры в человеческой цивилизации выразилось и продолжает воспроизводиться в тенденциях роста разнообразных рисков и объективной синергии нестабильности в природе и обществе. Вместе с тем в условиях антропоцентристски-потребительского поведения человека в отношении к биосфере козволюция общества и природы в стихийном варианте происходила и происходит. Она осуществляется независимо от того, знает ли человек что-либо о ее сущности, понимает ли ее значение для природы и общества или же не имеет о ней никаких сведений и не контролирует козволюционные процессы. Использование природных ресурсов, с одной стороны, приводит к разрушению экосистем, распространению волн миграции живых организмов, заселению ими урбанизированных территорий, различным процессам выветривания, другим изменениям и проявлениям качественных и количественных параметров развития природной среды. С другой стороны, человек затрачивает в процессе разработки и производственной переработки ресурсов природы в потребляемые им изделия свои знания, физические и интеллектуальные силы, здоровье и жизнь. Также он по-новому формирует природные материалы, создает технологии, технику, строит социальные объекты, производит отходы, загрязняет среду своей жизни и дестабилизирует экологические условия в целом. В обоих случаях прогрессивные и регрессивные изменения являются взаи-

мозависимыми. Человек изымает из природы вещество и энергию для собственной жизни, но и природа «отдает» все это не задаром. При любых действиях человека в ней в свою пользу он должен затратить время своей жизни, свое здоровье, свои физические и интеллектуальные силы, созданную им же технику, износить и привести в негодное состояние множество созданных вещей. Осуществление и спонтанное развитие всех подобных процессов разупорядочения и упорядочения в их взаимосвязи и обусловленности и есть коэволюция, протекающая стихийно и неконтролируемо в условиях антропоцентристской ориентации образа жизни человека. Антропоцентристское давление на природу вследствие незнания и неконтролируемости складывающейся при этом коэволюции усиливает дестабилизирующий характер ее спонтанных проявлений в самом обществе. Это связано, в особенности, с довольно распространенным в современном обществе пониманием сущности принципа развития и использованием его в различных проектах модернизации только лишь как прогресса вне его органической связи с регрессивными изменениями. Поэтому не происходит должной теоретической разработки прогнозирования результатов (включая риски нестабильности) некоторых привлекательных по своей актуальности проектов, что может приводить к незначительным, в сравнении с затратами, позитивным результатам.

В настоящее время становится все более очевидным, что естественная природная коэволюция приносит не только блага, но и бедствия (землетрясения, засухи, извержения вулканов и т. д.) в ценностном человеческом измерении, хотя для самой природы, в которой отсутствует ценностная шкала определения значимости таких явлений для ее самосохранения, они не представляют собой нежелательные изменения. Вклад в природную нестабильность вносит само человечество, превратившись в глобальную «геологическую силу» (В. И. Вернадский), изменяющую поверхность нашей планеты.

Жизнь человека, его деятельность становятся все более заметным фактором глобальной экологической и социальной нестабильности. Историческая трансформация духовной культуры, развитие материального производства, социального строительства, конституирование социальных идеалов на основе идей антропоцентристского мировосприятия и миропонимания способствовали появлению и развитию искусственной природы планетарного масштаба – специфического «дома» социального человека – техносферы. Техносфера является тем глобальным «убежищем», которое выполняет роль формирования особых условий организации

жизнедеятельности, воспроизводства и сохранения человека в перспективе. Техносфера ограничивает воздействие на общество и человека стихийных процессов спонтанной природной коэволюции, в связи с чем жизнь становится более защищенной от разрушительных воздействий естественной природы. В техносфере человек стремится установить свою особую коэволюцию, содержание и направленность которой обуславливают характерные черты и взаимосвязь оптимизма и пессимизма, а также ценностные ориентации в том или ином обществе. Жизнь в техносфере организуется на основе материального производства и в русле поддержки искусственной коэволюции в единстве и взаимодействии четырех основных ее форм. Это – опосредующая внешние природные процессы коэволюция; регулируемая степень изменений техносферных объектов коэволюция с целью поддержания их полезности для общества в условиях определенных природных изменений; контролируемая коэволюция, состоящая в сохранении работоспособности сложившихся техносферных структур производства и потребления для постоянной организации их функционирования как основы сохранения жизнеспособности общества; управляемая коэволюция, составляющая сущность стратегии обеспечения воспроизводства и сохранения общества в целом как особой системы в единстве с сохранением и развитием техносферы как искусственной природы. Данная форма коэволюции реализует принцип взаимосвязи обновления и устранения недееспособных элементов общества и техносферы для обеспечения оптимистической перспективы бытия человека техногенного общества. Все эти формы коэволюции направлены на самосохранение техногенного общества и созданной им второй природы. Они выражают характер и направленность исторически обусловленного оптимизма и ценностных ориентаций, нацеленных на комфортную организацию жизни человека за счет ресурсов природы. В данном стремлении к благу нет никакого правового преступления, но при этом объективно складывается и растет опасность хронической нехватки природных ресурсов при значительном приросте народонаселения, и это обстоятельство является фактором развития пессимистического миропонимания и соответствующих оценок перспектив человеческой цивилизации. Настроения в оценках будущего общества потребления усиливаются под влиянием сложившейся системы производства и потребления, которая методично продуцирует привлекательные стандарты постоянного роста потребления среди широких масс населения в современном мире.

Создав глобальное «убежище» для целей самосохранения в форме техносферы человек сотворил и новое глобальное противоречие между своим стремлением к выживанию и развитию за счет естественной природы при росте собственной численности и значительным сокращением природных ресурсов, необходимых для достижения этих целей. Как уж отмечалось, данное противоречие представляет собой глобальный вызов человечеству, его культуре, мировоззрению и ценностным ориентациям в стремлении к материальным благам. Оно же обуславливает исторически ограниченный характер оптимизма и пессимизма, соотношение этих диалектически противоположных оснований ценностных ориентаций на всех уровнях организации техногенного общества.

Вместо заключения. Оптимистический прогноз будущего человечества связан с решением проблемы регулируемой коэволюции в отношениях общества (человека) и биосферы,

которая явилась бы механизмом глобального контроля соотношения позитивных и негативных проявлений стихийной природной и социальной коэволюции, сохранения биосферы и обеспечения условий продолжения существования человека. Идея такой коэволюции, а значит, ценностных ориентаций и исторического оптимизма является главной в представлениях о ноосфере, основы учения о которой заложены В. И. Вернадским. Концепция ноосферы должна явиться теоретической основой нового оптимистического мировоззрения и спасительной ценностной ориентацией, а также и той общепланетарной социальной организацией деятельности всех социальных институтов, которая будет способствовать преодолению стихийного развития современного глобального противоречия системы производства и потребления, которая из «убежища», спасающего человеческую жизнь, превращается в социальную машину, разрушающую природу.

Литература

1. Мечников И. И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1988. 328 с.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
3. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.

References

1. Mechnikov I. I. *Etyudy optimizma* [Studies of optimism]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 328 p.
2. Vernadskiy V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 261 p.
3. Vernadskiy V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Ayris-press Publ., 2007. 576 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by.

Поступила 25.04.2018

УДК 37.01:15

О. П. Пунченко, А. В. Цыра

Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (Украина)

**СТРУКТУРА МАТРИЦЫ ОБРАЗОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

В статье эксплицируется сущность новой парадигмы образования, которая объяснена как «стрела времени». Раскрыто содержание понятия «матрица» как средства уплотнения информации о системе, содержащей атрибутивные элементы, составляющие ее структуру. Матричный анализ показал, что определяющей задачей новой парадигмы образования является подготовка специалиста с панорамным кругозором видения главных задач общественного развития и способностью их решать. Выделены и раскрыты детерминирующие составляющие матрицы подготовки такого специалиста: ноосферизация (интеллектуализация), инновационность, информационность и гуманистичность.

Ключевые слова: образование, парадигма, матрица, специалист, ноосферизация, интеллектуализация, инновационность, информационность, гуманизация.

O. P. Punchenko, A. V. Tsyra

Odessa National Academy of Telecommunication named after A. S. Popov (Ukraine)

**STRUCTURE OF THE MATRIX OF EDUCATION
OF INFORMATION CIVILIZATION**

The article explicates the essence of the new education paradigm which is explained as the “arrow of time”. The content of the concept “matrix”; is disclosed as a means of condensing information about a system containing attributive elements that make up its structure. The matrix analysis has shown that the defining task of the new paradigm of education is the training of a specialist with a panoramic outlook on the vision of the main tasks of social development and the ability to solve them. The determining components of the training matrix for such a specialist are identified and disclosed: noospherization (intellectualization), innovatization, informatization and humanisation.

Key words: education, paradigm, matrix, specialist, noospherization, intellectualization, innovatization, informatization, humanization.

Введение. Духовную культуру конца XX – начала XXI века часто характеризуют как культуру, пребывающую в кризисе, как отстающую от потребностей современного цивилизационного этапа общественного развития, как неспособную быстро, эффективно и конструктивно решать задачи этого развития. Этот кризис увязывают с разрывом концептуальных и инструментальных моделей по решению глобальных проблем человечества, развитию глобализационных процессов и других насущных проблем современного этапа жизни человечества.

Вышеотмеченные проблемы, требующие своего безотлагательного решения, нашли свое отражение как в постановлениях ООН (концепция устойчивого развития; глобализирующего мира), так и в трудах известных ученых-теоретиков. Сюда можно отнести концепции М. Кастельса, Дж. Нейсбита, Р. Осборна, Э. Тоффлера, Ф. Фернандес-Армстро, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, а на постсоветском пространстве концепции Е. М. Бабосова, А. А. Гусейнова, В. С. Степина, Д. И. Широконова, П. А. Водопьянова, А. И. Зеленкова, М. С. Кагана, Ч. С. Кирвеля, И. К. Лисеева,

А. А. Лазаревича, А. Н. Чумакова, Я. С. Яскевич и других.

Одной из детерминирующих проблем сферы духовного производства, радикально меняющая свою парадигму развития в условиях становления информационной цивилизации и развертывания процессов глобализации, выступает образование.

Образование – неотъемлемая составляющая духовного содержания человеческой истории. С глубин далекого прошлого и до наших дней оно определяло ход цивилизационной истории человечества. Образование – это ось жизни. Сегодня оно находится на переломном этапе своего развития. Кризис в его содержании отражает кризис современности в целом, он «носит не только глобальный, но и системный характер, то есть затрагивает не отдельные стороны, а всю архитектуру мирового устройства, все аспекты материальной и духовной культуры мирового развития, когда глобализация никому не оставляет шансов наблюдать со стороны за происходящими событиями» [1, с. 113]. Суть кризиса в образовании заключается в том, что сегодня подготовка специалиста больше

обращена в прошлое, то есть осуществляется по «накатанному рутинному руслу», носит поддерживающий характер, а не опережающий. Поддерживающее образование – это отживший вид учебной деятельности, который направлен на поддержание социального опыта, сохранение традиций в образовании. А опережающий вид учебной деятельности требует инновационного педагогического опыта, на высоком уровне профессионализма использования современных технологий, ему должно быть присуще свое структурно-смысловое содержание, которое базируется на достижениях науки. Наука в союзе с образованием к середине XX века заложили основы формирования информационной цивилизации.

Основная часть. Становление нового типа цивилизационного бытия человечества резко меняет содержание всех сфер его жизнедеятельности, особенно духовную. В образовании, как фундаментальной основе общества, определяющей его жизненную активность и конкурентоспособность, происходят кардинальные преобразования, вызвавшие к жизни новую парадигму его содержания и направленности развития. Фундаментом формирования новой образовательной парадигмы стали научные революции конца XX – начала XXI века. К ним необходимо отнести: информационно-компьютерную (изменившую методологию подготовки и повышение квалификации специалистов); нанотехнологическую (базирующуюся на новых дисциплинах – нанофизике, нанохимии, нанобиологии, нанотехнике и т. д.); сетевую (охват в единую образовательную сеть всех учреждений); гуманитарно-технологическую (термин Г. Г. Малинецкого), задачи которой заключаются в формировании личности с панорамным видением перспектив конструктивного решения проблем как материального, так и духовного производства.

Особенностью новой парадигмы образования выступает процесс его глобализации. По мнению Г. А. Ключарова, глобализация образования – это «всеобщее изменение порядка распределения знаний через образовательные институты, при которых постепенно складывается образовательное общество» [2, с. 197]. Но Китай, решая задачу превращения страны в такое общество, предлагает совершенно иную систему его формирования, видя, например, в Болонской системе ряд изъянов, не способствующих решению их задач, и поэтому не копирует ее. Что же касается точки зрения М. Д. Щелкунова, что «глобализация образования – процесс все большего приспособления системы обучения к запросам глобальной рыночной экономики» [3, с. 95], то здесь закладывается краеугольное

положение современного образования – сформировать конкурентоспособного специалиста на международном рынке, то есть «вбросить» его в новую реальность – «образование – рынок труда», где его знания и практические навыки будут релевантны требованиям производства.

Становление нового типа цивилизационного устройства вызвало к жизни новую парадигму образования – ноосферно-информационную. «Подобно “осевой эпохе”, ознаменовавшей начало всемирной истории... сегодня человечество с неотвратимостью приблизилось к “современной осевой эпохе” (в образовании – О. П. Пунченко), когда для его выживания требуются новые обновленные ориентиры и духовные ценности» [4, с. 10]. В новой парадигме образования этими ориентирами выступают процессы формирования общественного интеллекта, инновационность, информатизация и гуманизация.

Палитра взглядов на сущность новой концепции образования весьма разнообразна и противоречива. Возникает множество моделей образования нового цивилизационного устройства, но все ли они выступают в качестве парадигмы? Несомненно, нет. Ни одна из моделей образования не может не отражать новое содержание процесса его ноосферизации, с одной стороны. А с другой, нельзя не учитывать смыслообразующий стержень новой цивилизации – информацию, ее социальную значимость, процессы информатизации и формирование интеллектуальных ресурсов общества. Научные мысли, научное творчество и научное знание были и остаются определяющими составляющими всех парадигм образования, но в новой парадигме они интегрируются в единое целое.

В этой парадигме образования объединены два фундаментальных концепта, содержание которых в истории этого социокультурного феномена не исследовалось в их диалогическом взаимодействии. Эти два концепта являются фундаментальными составляющими матрицы новой парадигмы образования, которая выступает как «качественно новый уровень формирования инновационного типа мышления обучающихся», базирующийся на информационных ресурсах общества и способствующий на основе креативной методологии и достижений современной науки становлению нового уровня индивидуального и общественного интеллекта, развитию новых форм информатизации обучаемого субъекта с целью формирования у последнего панорамного мировидения. Специалист с таким мировоззрением способен конструктивно решать проблемы глобализации.

Несмотря на то, что сегодня трудно объективно прогнозировать уровень нового цивилизационного развития человечества, трудно оп-

ределить ноосферную мощьность этой парадигмы образования, трудно прогнозировать ее результаты, в отношении того, что больше всего ожидает общество, все же можно утверждать, что такое понимание новой парадигмы эксплицитно выражает то, что в ней заложено имплицитно. Эту парадигму можно репрезентировать как «стрелу времени» в образовании, поскольку она содержит процессы направленности и развития в ее содержании, их необратимость; системность; устойчивость; инновационность; уникальность; фрактальность как свойство структуры образования воспроизводить себя в постоянно изменяющемся масштабе социальной значимости.

А что же включает в свое содержание матрица новой парадигмы образования? Концепт «матрица» используется в современном научном знании в разных ипостасях. Прежде всего, этот концепт используют для исследования систем различных уровней, моделирования их развития. В экономике матричная модель предстает как нормативная. В общем плане матрица – это выделение и расположение элементов, составляющих структуру системы. Это средство уплотнения информации о системе, которая может быть использована для ее анализа. В этом случае матричный анализ – это метод исследования внутрисистемных взаимосвязей с помощью матричного моделирования.

Анализ матрицы новой парадигмы образования показывает, что в ее центре стоит задача подготовки специалиста с широким панорамным диапазоном видения и решения первоочередных задач цивилизационного развития. С этой позиции можно артикулированно выстроить составляющие матрицы грядущей парадигмы образования. К ним относятся: ноосферизация (интеллектуализация), инновационность, информатизация и гуманизация образования. В своем единстве они и репрезентируют не только ход преобразования смыслового содержания образования, но и совокупность операций, связанных с решением глобальной задачи образования.

Какова смысловая направленность и ценность каждой из этих составляющих новой парадигмы образования?

Ноосферизация отражает процесс движения интеллекта субъекта и общества. Интеллектуализация образования – это краеугольное положение формирования будущего специалиста «как активного существа, которое находится в деятельном отношении к миру» [5, с. 85]. Интеллектуализация образования резко усиливает фактор деятельности человека, формирует его в качестве преобразующей силы и основы технологических и социальных преобразований. Но

главная задача образования заключается в формировании интеллекта специалиста, как основной ценности новой цивилизации. Познавательно-преобразующая деятельность будущего специалиста рассматривается в образовании как его главное предназначение.

Современный специалист – это человек с высоким интеллектуальным уровнем, гибким мышлением, способный перестраиваться при постоянно меняющихся требованиях, осознающий динамику общественного развития, стремящийся к постоянному развитию и совершенствованию способов и методов взаимодействия с окружающим пространством. А для этого необходим процесс совершенствования логического аппарата мышления, развитие интеллектуальной сферы как одной из базисных ценностей в становлении личности.

В структуре образования интеллект, как система познавательных способностей обучаемого, очевиднее всего проявляется в легкости научения, способности быстро и легко усваивать транслируемый материал, приобретать новые знания и умения в преодолении возникающих препятствий, в способности найти выход из нестандартных ситуаций, умении адаптироваться к сложной среде. Высший уровень развития интеллекта в образовании определяется по уровню мышления, экспрессивности функции языка, рассматриваемого в единстве с другими познавательными процессами – восприятием, памятью, речью. Такое понимание интеллекта в образовательной реальности отражает конструктивный процесс подготовки высококачественного специалиста. А это и есть основа основ образования.

На фундаменте интеллекта в системе образования разворачивается и такая составляющая его матрицы, как инновационность, которая в новой цивилизации охватывает не только образование, но и все сферы жизнедеятельности общества. Новая «цивилизация в самом своем бытии определена как общество, постоянно меняющее свои основания. Поэтому в ее культуре активно поддерживается и ценится постоянная генерация новых образцов, идей, концепций» [5, с. 86].

В образовании инновационность предстает как основополагающий механизм, который используется для эффективной подготовки специалиста, отвечающего требованиям современного информационного рынка. Инновационное образование – это такой вид учебной деятельности, который стимулирует у обучающихся внесение изменения в существующую культуру, социальную сферу, экономику с целью создания нового конкурентоспособного специалиста.

Ядром разветвления инновационного образования выступает инновационная педагогическая деятельность. Детерминирующими направлениями этой деятельности выступают: инновации в управленческой деятельности по подготовке высококвалифицированных специалистов; инновации в содержании методики и методологии обучения; развитие и использование инноваций в технологиях образования. Цель инновационного образования заключается в том, что оно должно обеспечить условия для материального и социокультурного развития каждого человека и как члена общества, и как индивида. То есть инновации в образовании обретают уникальное качество социального механизма, тем самым моделируя облик будущего общественного устройства и всего диапазона взаимоотношений человека с природой и социумом. Инновационное образование должно носить превентивный, фундаментальный, непрерывный, деятельностный характер.

Фундаментальной составляющей интеллектуально-инновационного типа мышления субъектов образовательной реальности выступает экспоненциальный рост информации и быстрое внедрение ее в информационный оборот, развитие информационных технологий и процессов информатизации общества.

В структуре информационных ресурсов образования относятся к информационным услугам. Образовательные услуги – один из основных социально-экономических показателей, составная часть ресурсного потенциала страны. Образование как информационная услуга представляет собой профессиональный ценностно-смысловой акт деятельности, в котором имеет место распределение конкретной информации обучающим субъектом с целью обеспечения обучаемого необходимой ему суммой знаний для удовлетворения его информационных потребностей.

Такое понимание образования как информационной услуги в условиях резко меняющейся системы образования в школе и вузе соответствует требованиям, предъявляемым к нему не только информационным рынком, но и современным социумом в целом. Ядром этой услуги выступает смысловая «нагруженность» образования. Все остальные аспекты образовательной реальности философско-педагогического плана выступают необходимыми, но они направлены на уяснение ядра образования, они оказываются инструментом при решении главной задачи. К этим аспектам можно отнести: методологию трансляции новейшей информации обучаемому (то есть информатизирование его); процессы социализации личности через систему образования; выработку стиля мышле-

ния; раскрытие сущности коммуникативного взаимодействия посредством языка и т. д.

Особое место в образовании принадлежит информатизации. Это целенаправленный процесс, призванный удовлетворять инфопотребности обучаемого субъекта. Информатизировать обучаемого – означает кардинально изменить структуру и характер образования, перейти к новым видам обмена информацией обучающего и обучаемого. Информатизировать образовательный процесс означает необходимость создания условий для того, чтобы любая нужная для решения проблем, задач, поставленных обучающим субъектом, информация была доступна субъекту обучения.

Информационная составляющая в образовании включает в свое содержание информационные технологии, инструментально обеспечивающие процесс информатизации. Эти технологии опираются на достижения в области компьютерной техники и средств связи. Информационные технологии представляют собой совокупность технических, программных и организационно-экономических средств, объединенных структурно и фундаментально для решения той или иной поставленной задачи. В образовании эти технологии позволяют достичь высокого уровня информатизации обучаемого субъекта, это фактор динамики развития его личностного знания.

Важнейшей составляющей матрицы новой парадигмы образования выступает его гуманизация. Гуманизация образования предполагает единство общекультурного, социально-нравственного и профессионального развития личности. В новой образовательной парадигме гуманизация делает упор на интеллект, который должен стать духовным и нравственным, а не бездушным, механистическим. Здесь речь идет не столько о самом интеллекте, оторванном от бытия личности, сколько о комплексе органическом единстве интеллектуальности, нравственности и духовности человека. Бездуховный интеллект, не стоящий на позициях добра, справедливости, коллективизма, открытости, ценностных установок человека, выжить не может.

Гуманизация ноосферно-информационной парадигмы образования призвана формировать ментальность нового типа как совокупность представлений, ценностных ориентаций и жизненных установок будущего специалиста, формировать толерантность, что позволяет ему осознать свою связь с обществом, выработать гуманистическое мировоззрение как обобщенную систему взглядов, убеждений, идеалов, которая строится вокруг одного центра – человека. И это мировоззрение базируется на широком кругозоре его знаний.

В единстве всех вышеотмеченных составляющих матрицы ноосферно-информационной парадигмы образования раскрывается ее человекообразная сущность.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что становление нового типа цивилизационного устройства вызвало к жизни необходимость трансформации образования как детерминирующего тренда духовной реальности. Новая парадигма образования – ноосферно-информационная, объединила два концепта, которые в предыдущих парадигмах не исследовались в своем взаимодействии.

Эксплицирована сущность новой парадигмы образования. Она репрезентирована как «стрела времени». Матрица новой парадигмы объяснена как средство уплотнения информации о системе, это выделение и расположение элементов, составляющих ее структуру. В структуре матрицы раскрыты: подготовка специалиста, как главного элемента образовательного процесса; ноосферизация (интеллектуализация); инновационность, информационность, гуманистичность этой парадигмы образования, через взаимосвязь составляющих матрицы раскрыта ее человекообразная сущность.

Литература

1. Береговая О. А., Кудашов В. И. Глобализирующий мир и трансформации высшего образования // Век глобализации. 2017. № 4. С. 112–121.
2. Ключарев Г. А. Глобализация образования // Глобалистика: энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.: Радуга, 2003. С. 197.
3. Щелкунов М. Д. Образование в эпоху глобализации // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 2. С. 95–100.
4. Яскевич Я. С. Время кризиса – время надежды и диалога. Минск: Право и экономика, 2011. 189 с.
5. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

Reference

1. Beregovaya O. A., Kudashov V. I. The globalizing world and transformations of higher education. *Vek globalizatsii* [The century of globalization], 2017, no. 4, pp. 112–121 (In Russian).
2. Klyucharev G. A. The globalization of education. *Globalistika: entsiklopediya*. Pod. red. I. I. Mazura, A. N. Chumakova [Globalistics: Encyclopedia]. Ed. I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow, Raduga Publ., 2003, p. 197.
3. Shchelkunov M. D. The education in the era of globalization. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2008, no. 2, pp. 95–100 (In Russian).
4. Yaskevich Ya. S. *Vremya krizisa – vremya nadezhdy i dialoga* [The time of crisis is the time of hope and dialogue]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2011. 189 p.
5. Stepin V. S. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2011. 408 p.

Информация об авторах

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (65029, Одесса, ул. Кузнечная, 1, Украина). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Цыра Александра Васильевна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры «Сети связи». Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (65029, г. Одесса, ул. Кузнечная, 1, Украина). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Information about the author

Punchenko Oleg Petrovich – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and History of Ukraine. Odessa National Academy of Telecommunication named after A. S. Popov (1, Kuznechnayz str., 65029, Odessa, Ukraine). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Tsyra Aleksandra Vasylyevna – PhD (Philosophy), lecturer, the Department of Communication Networks. Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov (1, Kuznechnaya str., 65029, Odessa, Ukraine). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Поступила 01.03.2018

УДК 1(091)+101.1:316

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

**КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ КАК ДЕСТРУКЦИИ**

В статье раскрывается сущность социального насилия как деструкции, под которой понимается структурное насилие, проявляющееся в способе организации социального бытия и связанное с его репрессивными функциями. При раскрытии природы насилия как разрушения сделан акцент именно на деструкции как «расколотости» социального бытия человека, его отчужденности. Основанием для выделения социального модуса насилия послужили классические версии «теории насилия» и марксистская теория классов. Общим для всех концепций, объединенных в конфликтологический подход, стал тезис о том, что источником насилия является неравный доступ к благам, ресурсам, власти, влиянию, что приводит к появлению классов, обуславливает борьбу между привилегированными и дискриминируемыми группами. Вместе с тем в рамках этого подхода сделан акцент на функциональности насилия, в частности, оно рассматривается как средство борьбы, как регулятор социальных отношений и, более того, как определяющее начало в образовании государства. К конфликтологическому подходу отнесены структурно-функциональная теория, теория конфликтов, теория девиации, теория структурного насилия Й. Галтунга. В качестве основного вывода сделано утверждение о том, что эффективный способ решения социальных конфликтов – регулярное изменение сети взаимодействий в социальной структуре. Отсюда конфликт и война представляют собой нечто большее, чем прямое насилие, они обусловлены структурными изменениями, и чтобы остановить войну, необходимо трансформировать внутренние структуры враждующих сторон.

Ключевые слова: социальное насилие, структурное насилие, культурное насилие, прямое насилие, деструкция, конфликт, война.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

**CONFLICTOLOGICAL SCIENTIFIC DIRECTION
ABOUT THE NATURE OF SOCIAL VIOLENCE AS THE DESTRUCTION**

This article focuses on the disclosure of social violence as a destruction, The destruction is understood as the structural violence, which manifests itself in the way of organizing social existence and its repressive functions. Revealing the nature of violence as the destruction, the emphasis was placed on destruction as a «split» of human social existence and despair. The basis for the allocation of the social modus of violence was the classic versions of the «theory of violence» and Marxist class theory. Common to all concepts integrated into the conflictological scientific direction was the thesis that the source of violence is unequal access to benefits, resources, power, influence, it leads to the emergence of classes, determines the struggle between privileged and discriminated groups. However, in this direction the functionality of violence has been focused, in particular, it has been seen as means of combating, as a regulator of social relations and, moreover, as a defining beginning in the formation of the state. The structural-functional theory, the theory of conflicts, the theory of deviation, the theory of structural violence by J. Galtung were carried out to the conflictological scientific direction. As the main conclusion, it was stated that the effective way to solve social conflicts is to change the network of interactions in the social structure regularly. Hence, conflict and war are more than physical violence, they are conditioned by the structural changes, and in order to stop war, it is necessary to transform the internal structures of the warring parties.

Key words: social violence, structural violence, cultural violence, physical violence, destruction, conflict, war.

Введение. В статье раскрывается сущность социального насилия как деструкции, под которой понимается структурное насилие, проявляющееся в способе организации социального бытия и связанное с его репрессивными функциями. Сущность насилия – это разрушение; в

данном случае «расколотость» социального бытия человека, его отчужденности.

Основанием для выделения социального модуса насилия послужили классические версии «теории насилия» (Л. Гумплович, К. Каутский, Е. Дюринг) и марксистская теория

классов. В классических версиях сущность социального насилия выражена в том, что государство возникает в результате завоевания и поэтому обладает репрессивной природой. Идейные истоки «теории насилия» относятся к Античности (проекты идеального государства Платона, Аристотеля); научное обоснование она получила в XIX–XX вв. Возникновение частной собственности, социальных классов и государства данная теория напрямую связывает с внутренним и внешним насилием, т. е. с прямым политическим действием. Между теорией насилия и марксистской теорией классов есть как сходство, так и существенное различие. Первое строится на общем основании: обусловленность действий человека социально-экономическими факторами его существования. Что же касается различия, то с точки зрения марксизма государство не представляет собой силы, извне навязанной обществу, а есть результат его внутреннего развития. Необходимо также отметить антиномичную природу насилия, раскрываемую в марксизме: признается насильственный революционный переход от одной общественно-экономической формации к другой, но при этом происходит в целом отрицание роли насилия в образовании государства (например, В. Ленин рассматривал революцию как насилие против насилия).

Основная часть. Начнем рассмотрение сущности социального насилия как деструкции с анализа концепций, которые мы объединили в конфликтологический подход. Общим для всех этих концепций будет тезис о том, что источником насилия является неравный доступ к благам, ресурсам, власти, влиянию и т. п., что приводит к появлению классов, обуславливает борьбу между привилегированными и дискриминируемыми группами. Вместе с тем подход этот делает акцент и на функциональности насилия, в частности, оно рассматривается как средство борьбы, как регулятор социальных отношений и, более того, как определяющее начало в образовании государства. К конфликтологическому подходу мы относим структурно-функциональную теорию, теорию конфликтов, теорию девиации, теорию структурного насилия Йохана Галтунга.

Ярким примером конфликтологического подхода, с нашей точки зрения, может быть представлена структурно-функциональная теория. Так, американский ученый Т. Парсонс исследовал поведение людей как взаимодействие социальных субъектов, связанных между собой «системой взаимных ожиданий» в том смысле, что их поступки ориентированы на определенные ожидания партнера [1]. На поведение человека оказывает формирующее воздействие не

только система ожиданий его партнеров по взаимодействию, но и нормы, ценности культуры, господствующие в обществе. Парсоновская теория социального действия вплотную подводит к проблеме социального насилия, нормативности и социального поведения. Те виды поведения, которые соответствуют общепринятым в обществе нормам, характеризуют как «нормальные». Те же, которые в той или иной мере расходятся с ними, называют отклоняющимся (от норм) либо девиантным поведением. Девиация – это отклонение от общепринятой в социальной группе или обществе нормы, правила, которое влечет за собой моральное осуждение, изоляцию, наложение штрафа, тюремное заключение или другое наказание нарушителя. Она чрезвычайно многолика: к ее различным проявлениям относятся и алкоголизм, и наркомания, и проституция, и рэкет, и коррупция, и подделка денег, и убийство, и др.

Правила, закрепляемые в обычаях, традициях, а затем и в законодательных актах, становятся социальными нормами. Получается, что нормы, границы их применимости, степень отклонения от них понимаются разными людьми по-разному, и поэтому существуют серьезные трудности с определением понятия девиации. Во-первых, проблема определения поступка как девиантного связана с тем, что в разных обществах имеются разные нормы, т. е. определенный поступок в одном обществе будет оцениваться как нормальный, а в другом – как девиантный. Во-вторых, девиация связана с неопределенностью как поведенческих ожиданий, так и оценок, даваемых тем или иным поступкам различными людьми. Конкретное действие, поведение одни люди склонны считать девиацией, другие – нормой. В-третьих, оценивание поступка или поведения с учетом ситуации (например, выстрел в мирное время – девиация, на войне – норма). В-четвертых, существует проблема согласия относительно того, что считать девиацией. В-пятых, с развитием общества происходит развитие и изменение норм.

Отклонения от нормы могут быть как в положительную (гении, творящие новые нормы), так и в отрицательную сторону. Виды девиации с «отрицательным знаком» различаются в зависимости от степени причиняемого вреда интересам личности, социальной группе или обществу в целом и от типа нарушаемых норм: деструктивное поведение; асоциальное поведение; противоправное поведение.

Можно выделить несколько основных объяснений девиации: биологическое, психологическое и социологическое.

В основу биологического объяснения положены идеи итальянского врача Ч. Ломброзо.

Согласно его теории, «криминальный тип личности» является результатом деградации к более ранним стадиям человеческой эволюции. Для этого типа характерны определенные физические черты: выступающая нижняя челюсть, пониженная чувствительность к боли и др., на что было указано еще в концепции американского психолога У. Шелдона, в которой утверждалось, что к девиации наиболее склонны мезоморфы – индивиды, отличающиеся физической силой, повышенной активностью и пониженной чувствительностью [2]. Однако, как показывает практика, это не всегда так.

Психологическое объяснение связано, прежде всего, с именем австрийского психоаналитика З. Фрейда, который усматривал в основе формирования личности и мотивации ее поведения инстинкты, бессознательные влечения. Источник девиации – инстинкт агрессии, а понижать уровень его энергии человек обучается в процессе социализации [2].

Социологическое объяснение впервые было предложено в теории аномии французского социолога и философа Э. Дюркгейма [3]. По его мнению, источником девиации является аномия, т. е. пренебрежение или отрицание существующих в обществе норм большинством индивидов. Степень отклоняющегося поведения ощущают возрастает в случае, когда общество оказывается в ситуации социально-экономического кризиса. Концепцию аномии Э. Дюркгейма развил американский ученый Р. Мертон, который считал источником девиации конфликт между системой культуры, культурными целями, диктуемыми обществом, с одной стороны, и доступностью социально одобряемых средств к достижению этих целей для различных социальных групп, с другой стороны.

Для предупреждения девиантного поведения важное значение имеет социальный контроль. Данное понятие, введенное в научный оборот французским социологом и социальным психологом Г. Тардом, первоначально означало возвращение к соответствующему нормам общества поведению. В осуществлении социального контроля акцент делается на «групповом давлении», принуждающем индивида приспособиться к существующим нормам. Таким образом, его можно определить как способ саморегуляции системы посредством поощрения или наказания с целью упорядочить взаимодействие индивидов в обществе. Способы социального контроля подразделяются на формальные, официально предписанные обществом, неформальные (одобрение или неодобрение), позитивные (общественное признание заслуг) и негативные (осуждение). Наиболее действенным его видом является формальный контроль,

основывающийся на трех принципах: предупреждение, удержание, применение санкций. Т. Парсонс выделил три метода социального контроля: 1) изоляция; 2) обособление; 3) реабилитация.

Конфликтологический подход представлен и теориями социального конфликта. Конфликт – это столкновение противоположных и несовместимых взглядов, позиций, интересов на почве соперничества и отсутствия взаимопонимания, на фоне проявления негативных эмоций. В большинстве случаев он воспринимается как деструктивное явление, в основе которого лежит недовольство, неудовлетворенность сложившейся ситуацией и т. п. Соответственно, в анализе конфликтных ситуаций на первый план выдвигается точка зрения о том, что конфликт выполняет только негативные функции в обществе, так как нередко ведет к беспорядку, нестабильности, психологическому дискомфорту, снижает социальную активность индивидов.

К. Маркс, автор социологической теории конфликтов, утверждал, что в условиях классовой борьбы конфликт является неизбежным явлением общественной жизни. Антагонизм классов нельзя разрешить в рамках существующего строя. Согласно его теории, классовый конфликт – движущая сила истории, основа и главная причина преобразования общества и перехода на более совершенную стадию развития. Несмотря на то, что большинству конфликтов свойственна достаточно высокая степень остроты, длительности и разрушительности, немецкий философ и социолог Г. Зиммель отметил тот факт, что конфликт имеет и положительные стороны. Ранее предполагалось: если индивиды заинтересованы в сохранении той системы, в рамках которой они реализуют власть и влияние, то любой конфликт рассматривается ими как нечто негативное, способное разрушить уже сложившийся способ их жизнедеятельности. Однако не существует социальных групп без конфликтных отношений, и то, что конфликт подавляется, еще не говорит о гармоничных взаимоотношениях внутри группы. В отличие от К. Маркса, Г. Зиммель видел источник конфликта не в противоположности экономических интересов противоборствующих классов, а в инстинкте враждебности. Он утверждал, что чем сильнее конфронтация, тем менее вероятно исчезновение границ между группами, и чем острее конфликт, тем сильнее внутренняя сплоченность внутри конфликтующих групп. Л. Козер вслед за Г. Зиммелем рассматривал конфликт как результат действия сил притяжения и отталкивания, гармонии и дисгармонии, являющихся теми составляющими

ми элементами социального целого, которые структурируют все связи в обществе. Поэтому не может существовать группа, в которой действуют только силы притяжения и гармония, так как группа есть результат соединения двух процессов: объединения и разъединения, или кооперации и конфликта.

По мнению Р. Дарендорфа, главной причиной конфликта является то, что одни люди имеют власть над другими. Следовательно, конфликты всегда возникают между теми, кто имеет власть, и теми, кто ее не имеет. Основные положения теории конфликта Р. Дарендорфа можно свести к следующему: а) во всех обществах есть господство, конфликт и подчинение; б) общественная структура основана на власти и подчинении; в) интересы членов различных групп противоположны; г) при осознании общих интересов образуются общественные классы; д) классовый конфликт обостряется, если вся власть сосредоточена в руках нескольких людей, остальные же не имеют возможности ее получить.

Интересную трактовку социальных конфликтов представил французский социолог и философ А. Турен. Под социальным конфликтом он понимает систему исторического действия, которая по существу является «сетью оппозиций» и выступает движущей силой социальной динамики. Иерархические отношения в обществе иллюстрируются взаимодействием и противостоянием двух социальных классов: господствующего и подчиненного. Отличительной особенностью господствующего класса являются три типа действия: управление процессом накопления, принуждение, «присвоение сознания» и навязывание культурной модели. При этом захват материальных благ и стремление к экономическому доминированию не отрицаются, однако в качестве главного источника социального конфликта А. Турен определил историчность, а не частную собственность. Под историчностью, следуя его логике, можно понимать символическое насилие как присвоение социального образа, идентификацию с ним и насильственное навязывание этой ориентации другим группам посредством культуры на определенном историческом этапе развития общества. Вследствие этого, как отмечает белорусский ученый Бабосов Е. М., «классовым отношениям в концепции А. Турена придается гораздо более широкое, чем в марксизме, можно даже сказать, всеобъемлющее значение» [4, с. 36]. Вот как об этом писал сам А. Турен: «Классовые отношения связаны не только с производительными силами, с видом экономической деятельности и технического разделения тру-

да; они выражают, в терминах социальных акторов, само историческое действие, способность общества воздействовать на самое себя через процесс инвестирования» [4, с. 36]. Поэтому классы французский ученый рассматривал в качестве социальных акторов. Так, господствующий класс как социальный актор реализует культурную коллективную модель, управляет инвестициями и в то же время осуществляет принуждение. Подчиненный класс сопротивляется господству, отстаивая свою культурную модель, и выступает против частного присвоения. Таким образом, оспаривая существующее положение вещей, подчиненный класс инициирует конфликт. А. Турен отмечал, что в постиндустриальном обществе, в отличие от индустриального, принуждение и манипуляция становятся разнообразными и затрагивают каждого, так как господствующий класс порождает не только экономическое и политическое принуждение и, следовательно, сопротивление, но и глобальное культурное насилие. Отсюда именно «культура становится главной ставкой в современных классовых взаимодействиях» [4, с. 37].

Анализируя концепции, составляющие суть конфликтологического подхода, нельзя обойти вниманием концепцию структурного и культурного насилия норвежского ученого Й. Галтунга [5]. В качестве основной причины социальных конфликтов Й. Галтунг называет проявляемое социальными системами культурное, структурное и прямое насилие. При этом культурное создает условия для проявления структурного, а структурное насилие выступает основой для прямого, которое выражается в действиях, фрустрирующих основные потребности человека, – в выживании, благополучии, идентичности и свободе. Под структурным насилием понимается санкционированная обществом система эксплуатации, т. е. получения «вышестоящими» значительно большего блага по сравнению с «нижестоящими». В частности, оно включает манипуляцию сознанием, ограничение информации, маргинализацию, разобщение, социальную несправедливость в распределении ресурсов, загрязнение окружающей среды, неравные возможности, смерть от голода и болезней.

Главное отличие структурного насилия от прямого заключается в том, что оно действует косвенно, через общественные институты и поэтому не осознается индивидами и социальными группами, подвергающимися его влиянию. Если прямое изменчиво и динамично, то структурное насилие статично и стабильно. Его можно интерпретировать также как целенаправленное создание определенных условий

или структур, ущемляющих потребности и интересы людей. Феномен структурного насилия Й. Галтунг описывает следующими положениями: во-первых, оно естественно, так как между социальными группами всегда существуют различия в позициях власти, которые и находят отражение в структуре социального взаимодействия; во-вторых, под ним понимается социальная несправедливость как неравенство в распределении ресурсов и неравных жизненных шансов; в-третьих, структурное насилие чаще всего является следствием недальновидных политических решений, поэтому его можно избежать [5]. Основа структурного насилия – неравный обмен. Его опасность заключается в том, что оно не осознается как насилие и рассматривается как естественное положение. Так, например, неравное распределение благ воспринимается как следствие игры стихийных рыночных сил, неравенство в реализации жизненных шансов – как следствие неравенства в способностях и т. п.

Культурное насилие включает «те аспекты культуры, символической сферы нашего существования, представленной религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой, т. е. логикой и математикой, которые могут использоваться для оправ-

дания прямого и структурного насилия как законного» [5, р. 170]. Следовательно, культурное насилие определяет прямое и структурное насилие как справедливые акции.

Заключение. В конфликтологическом подходе акцент сделан на такой сущностной черте насилия, как деструктивность, под которой понимается деструктивная организация социального пространства, следствием которой стала потеря смысла социального действия, отчуждение человека от социально-политических практик. Проблема заключается еще и в том, что, если следовать мысли Й. Галтунга, прямое насилие можно ограничить, но уничтожить структуры, его порождающие, нереально. Поэтому можно предположить, что эффективный способ решения социальных или структурных конфликтов – регулярное изменение сети взаимодействий в социальной структуре. Исходя из этого, война и международный конфликт представляют собой нечто большее, чем прямое насилие, они обусловлены структурными изменениями. Итак, чтобы остановить войну, необходимо трансформировать внутренние структуры враждующих сторон. Только так возможно будет достигнуть «позитивного мира», т. е. исключить возможность возобновления конфликта в будущем.

Литература

1. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
2. Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 349 с.
4. Бабосов Е. М. Конфликтология. Минск: ТетраСистемс, 2001. 464 с.
5. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6, no. 3. P. 167–191.

References

1. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Moscow, Aspect Press Publ., 1997. 270 p.
2. Sidorenko I. N. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu* [Philosophy of violence: from metaphor to concept]. Minsk, BGY Publ., 2017. 175 p.
3. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 349 p.
4. Babosov Ye. M. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Minsk, TetraSystems Publ., 2001. 464 p.
5. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research. Journal of Peace Research, 1969, vol. 6, no. 3, pp. 167–191.

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolaevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Поступила 20.02.2018

УДК 141.2:316.4

А. П. ХохловаПоволжский государственный технологический университет
(г. Йошкар-Ола, Российская Федерация)**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ОТЧУЖДЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ**

В данной статье речь идет о генезисе известного понятия «отчуждение» в контексте социальной, философской мысли. Анализ данного понятия необходим для изучения процессов, происходящих в современном российском обществе. Стоит отметить, что для современного общества характерен, преимущественно, потребительский тип отношений. Он упорно проникает во все сферы жизни человека, в том числе и политическую. Традиционно термин «отчуждение» рассматривается через призму социально-экономических или межличностных отношений, однако в области политической жизни общества оно занимает особое, значимое место. В статье рассмотрены основные различия между понятиями делегирования и отчуждения в отношении власти и государства, представлены исторические и социальные предпосылки формирования и популяризации «Теории общественного договора». Также в работе идет речь об основных тезисах и идеях, которые выдвигались Т. Гоббсом, Ж-Ж. Руссо, Д. Локком и другими известными представителями философской мысли того времени. Основная часть статьи посвящена их видению отчуждения естественных прав и свобод человека в пользу официальной власти. Выделены основные различия между позициями мыслителей относительно данного вопроса. Взаимоотношения структур власти и общества с течением времени неизбежно претерпевают значительные изменения, трансформируются и проявления отчуждения в обществе. В настоящее время отчуждение в политической сфере носит иной характер. Отдельное внимание уделено данному проявлению отчуждения в современном обществе, в условиях формирования и распространения общества потребления. Освящены основные проблемы, связанные с волеизъявлением народа и отношением к власти и стереотипам, связанным с данной сферой. Рассмотрены основные причины данного поведения электората в условиях современности. Общество потребления представлено как среда, создающая усредненный тип личности со сформированным стилем мышления и поведения, кратко будет сказано о некоторых характеристиках современного российского общества.

Ключевые слова: политика, социальная философия, общество потребления, глобализация, СМИ, отчуждение, делегирование, социология.

A. P. Khokhlova Volga State University of Technology
(Yoshkar-Ola, Russian Federation)**TRANSFORMATION THE PHENOMENON OF ALIENATION
IN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT**

In this article we will talk about the genesis the concept of “alienation” in the context of philosophical thought. Analysis of this concept is necessary for studying the processes taking place in modern society. It is worth noting that the modern type of society is characterized by a consumer type of relations. It penetrates into all spheres of human life, including political. Traditionally, the term alienation is viewed through the prism of socioeconomic or interpersonal relations, but in the field of the political life of society it occupies a special place. The article will consider the differences between the concepts of delegation and alienation in relation to power. There will be presented the preconditions for the formation and promotion of the “Theory of the social contract”. The paper will be discussed about the main theses put forward by Thomas Hobbes, Jean-Jacques Rousseau, and other representatives of the philosophical thought of the time. The main part of the article is devoted to their vision of the alienation of natural rights and human freedoms in favor of official authority. The main differences between the positions of thinkers on this issue were singled out. The relationship between the structures of power and society over time inevitably undergo changes, transformations and manifestations of alienation. At present, alienation in the political sphere is of a different nature. The main differences between the positions of thinkers on this issue were singled out. Special attention will be paid to this manifestation of alienation in modern society, in the conditions of the formation of a consumer society. It is necessary to sanctify the main problems related to the will of the people and the attitude to power and stereotypes related to this sphere. The main reasons for this behavior of the electorate in the conditions of the present

will be presented. The consumer society will be presented as an environment that creates an average personality type with a formed style of thinking and behavior. Briefly it will be said about some characteristics of modern Russian society.

Key words: politics, social philosophy, consumer society, globalization, media, alienation, delegation, sociology.

Одной из наиболее актуальных проблем современной философии является проблема отчуждения человека. В трудах мыслителей прошлых веков и современности анализ данной проблематики происходит с позиции разных сфер жизнедеятельности человека и социума в целом.

Говоря об определении понятия «отчуждение» в научной литературе, А. А. Ивин дает такую трактовку: «Отчуждение – интегральная характеристика представителей индивидуалистического общества, говорящая об их оторванности друг от друга и от общества в целом, о глубоких, болезненно переживаемых ими расхождениях в мыслях, чувствах и поступках» [1, с. 288].

В данной статье хотелось бы рассмотреть понятие отчуждения в социально политическом контексте. Стоит отметить, что изучение феномена отчуждения в контексте социальной философии и общества потребления следует начинать с середины XVII века. Территориально актуальность данной проблемы появилась в Европейских государствах. На том историческом этапе развития Европы происходил ее всесторонний упадок, череда революций, смена политической власти во многих странах, войны привели к изменениям в поведении населения и метаморфозам в жизни человека с аксиологической точки зрения [2, с. 65].

На данном этапе развития Европа отчаянно нуждалась в реформации и новых идеологиях. Мыслители того периода видели решение назревающих в обществе проблем в создании теории общественного договора. Именно в это время философы, такие как Т. Гоббс, Ж-Ж. Руссо, Д. Локк, излагают свои взгляды на процессы, происходящие в обществе, и формулируют свои научные тезисы касательно устройства общества того времени. Свою известность их труды получили под названием «Теория общественного договора». Необходимость и злободневность их заключалась в том, что активное развитие Европы, индивидуализация человека, а также стремление к личностной свободе привело к тому, что общество, в целом, вышло из состояния стабильности и требовало формирования новых подходов к управлению государством [4, с. 62–65].

Английский философ-материалист того времени Томас Гоббс изложил свою позицию на создание и развитие теории общественного

договора в своем произведении «Левиафан». Автор начинает с описания догосударственной организации общества. Основой взаимоотношений людей того времени была «война всех против всех». В процессе эволюции человеческих отношений и индивидуального сознания человек пришел к выводу, что для более эффективного существования необходимо формирование государственности. Однако создание государства возможно лишь только через добровольное отчуждение некоторых личных прав и свобод в пользу государственного аппарата. Тем самым человек заключает «договор», благодаря которому, отчуждая часть своих прав и свобод в пользу государства, получает защиту в критических ситуациях.

Автор большое внимание уделяет анализу того, какая часть человеческих взаимоотношений отчуждаема, а какая нет. Так, Т. Гоббс приводит в пример неотчуждаемых прав такие, как сопротивление и самооборона. В 1689 г. Джон Локк поддерживает идею создания теории общественного договора и тезисы Т. Гоббса, но с определенными уточнениями и критикой.

Философ пишет «Два трактата о правлении», в которых говорится о том, что естественное поведение человека, его истинная сущность не имеет ограничений нравственными или моральными и, тем более, юридическими законами. В условиях неограниченной вседозволенности люди испытывают естественный страх друг перед другом, так как есть место для непредсказуемости поведения оппонента. Именно это и побудило людей к добровольному отчуждению естественных прав в пользу законной власти. В понимании философа такое отчуждение не должно носить абсолютного характера, а регулировать только конкретные сферы жизни человека и общества для гарантии всеобщей взаимной безопасности. Именно это и отличало позицию Д. Локка от воззрений Т. Гоббса.

Французский просветитель Ж.-Ж. Руссо также дал свою оценку теории общественного договора. Он комментирует уже имеющиеся статьи общественного договора и уточняет основные его принципы. Большое внимание уделяет суверенности государства и качественным характеристикам политика, того, в пользу которого человек отчуждает свои естественные права и свободы. По мнению Руссо, при выборе политического курса должно учитываться воле-

изъявление народа, и если сам политический лидер может сменяться, его место передаваться, то воля народа не может зависеть от воззрений правящей элиты. Именно эти идеи и лежат в основе идеального представления о демократии [5, с. 53]. В контексте «теории общественного договора» понятие отчуждения носит больше законодательный характер и является вполне необходимой и логичной частью развитого общества. В представленной системе речь идет о делегировании (или отчуждении) своих прав, своего голоса в решении тех или иных вопросов тем или иным социальным институтам: власти, церкви, университетам, школам. Данная система представляется логичной и идеальной, где каждый занимается развитием той области, в которой может максимально эффективно применить свои способности.

Проблема заключается в том, что так или иначе у той или иной ветви власти оказываются люди, для которых характерны и достоинства, и недостатки заложенные в природе человека. Бразды правления находятся к руках узкого круга людей, которые в первую очередь преследуют свои личные интересы, которые могут быть чуждыми для основной части общества. В данных условиях происходит процесс своеобразного двойного отчуждения, которое заключается в добровольном делегировании естественных прав и необходимости подчиняться законам и нормам поведения, стилю жизни, продвигаемому правящей элитой государства.

Возникающие противоречия между правящей элитой и народом, доведенные до кризиса, порой приводили к смене власти или существующего государственного строя. В мировой истории есть множество примеров подобных событий, которые проходили как мирным, так и революционным путем. В современном мире можно говорить о трансформации понятия отчуждения в политико-социальной жизни общества. Отчуждение как делегирование своего голоса, естественных прав стало неотъемлемой частью современного развитого, правового общества. Вопрос противоречий власти и общества также является зачастую темой неиссякае-

мых дискуссий, однако в современном российском обществе можно заметить проявление отчужденной позиции человека относительно политической жизни как на федеральном, так и на муниципальном уровне. Заключается это в таких проявлениях, как критика правящей власти без объективного анализа тех или иных решений, отсутствие желания участвовать в выборах, низкая информированность о политических программах партий, поверхностный анализ информации от оппонентов правящей власти [3, с. 71].

Причинами данных поведенческих тенденций является множество факторов, к которым можно отнести стереотипизацию мышления населения о работе политических структур, низкую вовлеченность населения в информированность внутренней и внешней политики, отсутствие самостоятельного критического мышления. Все это во многом способствует подчеркиваемая современными исследователями унификация и стереотипизация в области системы ценностей и установок, в том числе под влиянием западофикации, псевдолиберальной идеологии и общества потребления, формирующей бифуркационное сознание и бифуркационный тип личности в обществе как массовый тип [6, 7, 8].

Отдельной причиной можно выделить то, что большая доля населения нашей страны (современной Российской Федерации) жила и воспитывалась при однопартийной системе и понятие о выборах ассоциируется исключительно с тяжелыми девяностыми.

Преодоление данного проявления отчуждения очень важно для современного общества. Активная гражданская позиция, критическое восприятие и анализ информации западных СМИ, а также вовлеченность в принятие решений могут улучшить качество жизни людей во многих областях. Научно-технический прогресс помогает участвовать в принятии решений в области благоустройства муниципальных объектов, подписании петиций, не выходя из дома. Основная задача – сформировать равнодушное мышление у большей части населения.

Литература

1. Ивин А. А. Социальная философия: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. 336 с.
2. Хохлова А. П. Аксиологическое измерение в обществе потребления: феномен счастья // Общество потребления и потребительские практики как фактор национальной безопасности и устойчивого развития России в глобальном мире: сб. ст. / под. общ. ред. проф. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: Поволж. гос. технол. ун-т, 2015. С. 63–69 с.
3. Хохлова А. П. Информационное пространство в обществе потребления // Общество потребления и потребительские практики как фактор национальной безопасности и устойчивого развития России в глобальном мире: сб. ст. / под. общ. ред. проф. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: Поволж. гос. технол. ун-т, 2015. С. 69–74 с.

4. Шалаев В. П., Хохлова А. П. Феномен отчуждения в обществе глобализации и потребления (по мотивам философии Эриха Фромма) // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 60–71.
5. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 50–60.
6. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time / Социальное время. 2016. № 2 (6). С. 71–81.
7. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
8. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.

References

1. Ivin A. A. *Sotsial'naya filosofiya* [Social Philosophy]. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 336 p.
2. Khokhlova A. P. Axiological measurement in the consumer society: a phenomenon of happiness. *Obshchestvo potrebleniya i potrebitel'skiye praktiki kak faktor natsional'noy bezopasnosti i ustoychivogo razvitiya Rossii v global'nom mire* [Consumer society and consumer practices as a factor of national security and sustainable development of Russia in the global world]. Yoshkar-Ola, Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet Publ., 2015, pp. 63–69.
3. Khokhlova A. P. Information space in a consumer society. *Obshchestvo potrebleniya i potrebitel'skiye praktiki kak faktor natsional'noy bezopasnosti i ustoychivogo razvitiya Rossii v global'nom mire* [Consumer society and consumer practices as a factor of national security and sustainable development of Russia in the global world: a collection of articles]. Yoshkar-Ola, Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet Publ., 2015, pp. 69–74.
4. Shalaev V. P., Khokhlova A. P. The phenomenon of alienation in a society of globalization and consumption (based on the philosophy of Erich Fromm). *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 60–71 (In Russian).
5. Shalaev V. P. Globalization as a Westernization and colonization of the world and the epilogue of the Western axis of world history. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time]. 2015, no. 2, pp. 50–60 (In Russian).
6. Shalaev V. P. Bifurcational person in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2 (6), pp. 71–81 (In Russian).
7. Shalaev V. P. Caution mutation: man and society before the challenges of globalization, Westernization and consumption: the contradictions are mounting. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).
8. Shalaeva S. L., Shalaev V. P. Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global zapadification and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).

Информация об авторе

Хохлова Александра Петровна – ассистент кафедры социальных наук и технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: Hohlvaap@volgatech.net

Information about the author

Khokhlova Alexandra Petrovna – assistant lecturer the Department of Social Sciences and Technology. Volga State Technological University (3, Lenina Sq, 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: Hohlvaap@volgatech.net

Поступила 06.03.2018

УДК 82:1:821.1/9:821.161.3

Т. М. Федарцова

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ПРАБЛЕМА АДЧУЖЭННЯ Ў СУСВЕТНАЙ І БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

У артыкуле разглядаецца сутнасць філасофскага паняцця «адчужэнне» ў кантэксце праблема-тыкі сусветнай і беларускай літаратуры. Змяненне гуманістычных ідэалаў і патэнцыялу сучаснай культуры прывялі грамадства да антрапалагічнага крызісу, заўважанага філосафамі яшчэ ў канцы XIX–XX стст. Ён прымусіў філасофію, а за ёй і літаратуру, якая з эпохі Барока пастаянна сілкуецца набыткамі філасофскай думкі, шукаць першапрычыны падобных абставінаў. Літаратуразнаўцы, пісьменнікі, паэты, драматургі актыўна пачалі не толькі знаёміцца з працамі Зігмунда Фрэйд, Фрыдрых Ніцшэ, Эрыха Фрома, але і выкарыстоўваць іх вучэнні, сутнасць якіх яны, таксама як і філосафы, бачаць у сінтэзе сацыяльнага, біялагічнага і псіхалагічнага аспектаў, у стварэнні цэлай галерэі літаратурных вобразаў, як носбітаў у першаю чаргу маральнага адчужэння, і распрацоўцы па зададзенай схеме характараў герояў сваіх твораў. З «разбажаствленнем» свету знікаюць многія ранейшыя законы, з'яўляецца адчуванне бямежнай свабоды. Але згодна з высновамі Э. Фрома, прыведзенымі ў артыкуле «Бегство от свободы», толькі высокамаральная асоба разумее катэгарычную розніцу ў паняццях «свабода ад...» і «свабода для...».

У грамадстве з рынкавымі адносінамі маральнасць страчвае свой пануючы стан, бо рушацца векавыя традыцыі, іншае гучанне набывае канфлікт пакаленняў, і тут трэба аддаць належнае Эрыху Фрому ў распрацоўцы механізмаў паняццяў «адчужэнне» і «самаадчужэнне», якія з'явіліся ў выніку «рынкавай арыентацыі». Бо чалавек пачаў разглядаць свае сілы як тавар, што існуе свабодна ад яго, не належыць яму, таму што для яго зараз мае сэнс не працэс самарэалізацыі з дапамогай гэтых сіл, не здзяйсненне сваіх сапраўдных здольнасцей, а выгадны іх продаж, чым і вызначаецца далейшы поспех. Пісьменнікі (постмадэрністы ў першую чаргу) заўважылі, што ў дадзенай сітуацыі ўнікальнасць чалавечай асобы страчвае свой сапраўдны кошт і сваю непаўторнасць. Пачынаецца маральнае адчужэнне.

Ключавыя словы: адчужэнне, маральнасць, раз'яднанасць, аспект, сінтэз, сацыяльныя фактары, класічны псіхааналіз, памежная сітуацыя, адзінота, дэструкцыя, тэкст, канцэпт, парадыгма.

T. M. Fedartsova

Belarusian State Technological University

THE PROBLEM OF ALIENATION IN THE WORLD AND BELARUSIAN LITERATURE

The essence of the philosophical concept of “alienation” in the context of the problems of world and Belarusian literature is discussing in the article. Changing of humanistic ideals and potential of modern culture led society to anthropological crisis. Which was seen by philosophers at the end of XIX–XX. Crisis forced philosophy and then literature, to look for root causes of the similar circumstances.

Literary critics, writers, poets, playwrights have actively begun to get acquainted with the works of Sigmund Freud, Friedrich Nietzsche, Erich Fromm. They also have begun to use the teachings of these scientists. The essence of their teachings literary critics, writers, poets, playwrights saw, as well as philosophers, in the synthesis of social, biological and psychological aspects, in the creation of a gallery of literary images and the development of the given scheme of the characters of his works. Which carried firstly moral alienation. Many infallible laws disappeared with the “deification” of the world, a feeling of boundless freedom appeared. But in accordance with the findings E. Fromm, which were given in the article “Escape from the freedom”, only a moral person recognizes a categorical difference in terms of “freedom from...” and “freedom for...”.

In a society with market relations morality loses its dominant importance, because it destroys the age-old traditions. a conflict of generations acquires the otherwise sound, and here we must pay tribute Erich Fromm in the development of mechanisms concepts of “alienation” and “self-alienation”, which was the result of “market orientation”. For this reason, man began to consider his power as a commodity that exists freely from him, but not belong him. Because not the process of self-realization with the help of these forces, not a valid exercise of their abilities, but their best selling makes now sense for him. What determines a further success. Writers (postmodernists in the first place) noticed that in this situation uniqueness of the human person loses its actual price and its originality. The moral alienation starts .

Key words: alienation, morality, separation, dimension, synthesis, social factors, classical psychoanalysis, the boundary situation, the loneliness, the destruction, the text, concept, paradigm.

Уводзіны. Праблема адчужэння – з’ява даволі актуальная і супярэчлівая ў сучасным літаратурным працэсе, які сёння шчодро сілкуецца набыткамі філасофіі, і не толькі ў гэтым кірунку. Асабліва ўрадлівай глебай для стварэння новых, нязнаных раней літаратурных вобразаў з’яўляецца аспект маральнага адчужэння [1]. Бо ўсведамленне маральнасці, як аднаго з галоўных спосабаў быцця чалавека, заключаецца ў тым, што высокамаральная асоба ўтрымлівае ў сабе найважнейшыя кампаненты духоўнасці – гэта еднасць высокаінтэлектуальных, эстэтычных і маральных сіл кожнай асобы, індывідуальная патрэба ў іх пастаянным развіцці, папаўненні, задавальненні і творчым пошуку, якія не даюць магчымасці адчуваць сябе непатрэбным не толькі грамадству, але і самаму сабе [2]. А калі ўзмацняюцца супярэчнасці паміж маральным прызначэннем чалавека і яго сапраўдным жыццём, дзеяннімі, яго ўчынкамі, пачынаецца разлад асобы, ідзе ўнутранае яе разбурэнне, таму і ўзрастае непазбежнасць маральнага адчужэння. Асноўная мэта даследавання заключаецца ў разглядзе асаблівасцей філасофскага паняцця «адчужэнне» для літаратурнага працэсу.

Асноўная частка. Вобраз адзіноты даволі не новы для ўсяго сусветнага літаратурнага працэсу. Да Вікторыі і Юханеса (раман Кнута Гамсуна «Вікторыя») адзінота ўпарта прыходзіць з-за сутыкненняў характараў, а не з-за неспрыяльных абставінаў, шматлікіх прадстаўнікоў роду Буэндзіа (раман Габрыэля Гарсія Маркеса «Сто год адзіноты») з нагоды абьякавасці адзін да аднаго ўсіх членаў сям’і, адсутнасці агульных намаганняў нешта здзейсніць разам, разумець сваіх блізкіх і клапаціцца пра іх.

Вядомы французскі пісьменнік, драматург, публіцыст, лаўрэат Нобелеўскай прэміі Франсуа Шарль Марыяк, стварыўшы яркі вобраз «сям’і-клеткі» ў рамане «Клубок змей», з усіх бакоў паказвае, да чаго прыводзіць «раз’яднаная незалежнасць». Апавед вядзецца ў выгледзе дзённіка старога Луі, што падвышае давер чытача да сказазнага. Луі пражыў вялікае жыццё са сваёй жонкай Ізай без асаблівых разыходжанняў у меркаваннях, быццам бы ціха і мірна. І раптам называе яго «доўгай эрай вялікага маўчання». Бо на працягу ўсяго сямейнага жыцця не асмеліўся ні разу шчыра выказаць свае думкі, выявіць пратэст супраць таго, з чым у душы і думках не пагаджаўся. Марыяк такі стан свайго героя называе «стратай уласнага “Я”». Пасутнасці, маючы пэўныя жыццёвыя перакананні, Луі пражыў не сваё жыццё, бо ён ніколі і не быў самім сабой, а існаваў як цень свайго уладарнай жонкі. Франсуа Марыяк, разважаючы над вытокамі маральнага адчужэння і самаадчужэння свайго героя, выводзіць чытача на больш

глыбінныя філасофскія аспекты, такія як страта градыцыйных каштоўнасцей, абясцэньванне гуманістычнага патэнцыялу грамадства.

Нямецка-амерыканскі ж філосаф, сацыёлаг і псіхалаг Э. Фром, адзін з вядучых прадстаўнікоў неафрэйдызму, у працы «Бегство от свободы» такую пазіцыю «самаадчужанасці» далучае да дэструктыўных і на пытанне, хто ж у гэтым вінаваты, адказвае адназначна: сам чалавек. Бо і Луі разумее, што ён мог змяніць сваё жыццё, пабудаваць адносіны ў зусім іншым рэчышчы, але не хапала рашучасці і смеласці. Выходзіць, што прычына бегства чалавека ад самога сябе, ад уласнай свабоды ўзнікае з-за абьякавасці індывідуума да сябе ў першую чаргу.

Выкарыстоўваючы вучэнне Фрома для стварэння галерэі мастацкіх вобразаў, Франсуа Шарль Марыяк не быў адназначным у сваіх меркаваннях. Так, у рамане «Дарога ў нікуды», напісаным у 1939 г., пісьменнік стварае вобраз героя-ахвяры, які перажывае адчужанасць у грамадстве, і ставіць яго перад выбарам: рэвалюцыйная дзейнасць ці служэнне Богу. Але рэвалюцыянер – гэта бунтар, здольны на ломку старых устояў, традыцый, законаў, а служэнне Богу патрабуе пакорлівасці, самапаглыбленасці, паслушэнства і бездакорнага прызнання догмаў. Адзінае, што сапраўды яднае гэтыя выразныя супрацілегласці, – гэта самаахвярнасць. І ў першым, і ў другім выпадку такая рыса павінна абавязкова прысутнічаць у характары героя.

Безумоўна, актыўна працягваючы традыцыі, закладзеныя А. дэ Бальзакам і Э. Заля, пісьменнік даследуе тонкія нюансы чалавечай псіхалогіі. У цэнтры большасці яго твораў – адносіны ў сям’і. Жыццё пастаянна выпрабуе герояў Марыяка на трываласць, і мала хто з іх з гонарам вытрымлівае гэта выпрабаванне. Таму аўтар стварыў свой асобы, марыякаўскі, тып сацыяльнага рамана: «сям’я-клетка», «сям’я-прывід», «сям’я-пустыня» і г. д.

Некаторыя раманы Марыяка амаль не выходзяць за межы сацыяльна-псіхалагічнага даследавання, у прыватнасці гэта «Дзіця пад цяжарам ланцугоў», «Патрыцыянская тога», «Тэрэза Дэскейру», «Пустыня любові». У іх паказана, як і чаму прыходзіць да людзей адзінота. Спусташэнне душы Раймана Куража – героя рамана «Пустыня любові» – пачынаецца з няўвагі і раўнадушша да блізкіх людзей. Гэту драму чалавечага жыцця не можа аздобіць нават «каханне-ўспышка» да Марыі Крос. Раймана лічаць накіраваным сям’і, бо ён фактычна не ўмее і не жадае нікому падпарадкоўвацца, ніколі не дазваляе сабе пакутваць за іншага чалавека, суперажываць яму, пагардліва ставіцца да родзічаў і сваякоў. І нават калі бацьку хацелася пагаварыць з ім шчыра і

даверліва, сын не жадаў перапыняць маўчанне і адчужанасці. І ў той жа час яму ў глыбіні душы хацелася, каб яго шчыра любілі. І калі старэйшая сястра Мадлена Баск і яе муж нават не звярнулі ўвагу на яго прыход у дом і працягвалі гладзіць сабаку, Райман у роспачы падумаў: «Я для яе значу меней за сабаку» [3].

Марыяк лічыць, што ўсе камунікатыўныя зносіны сапсаваны раўнадушшам. Пустыняй уяўляецца не толькі даволі рэспектабельны дом Куражаў, але і ўвесь сусвет, які атачае жыхароў гэтага дома, заселенага адзінокімі людзьмі. І не псіхалагічная несумяшчальнасць раз'ядноўвае іх, а адсутнасць якіх-небудзь станоўчых пачуццяў адзін да аднаго: паспяховага ўрача, церпялівага і ўважлівага да сваіх пацыентаў Поля Куража раздражняе прысутнасць жонкі Люсі, а ён у сваю чаргу раздражняе некалі горача любімую дачку Мадлену і каханую ім жанчыну Марыю Крос, якая ў яго прысутнасці адчувае толькі сум і роспач. Райман раздражняе ўсіх. І толькі любоў і каханне могуць ператварыць гэту пустыню ў квітнеючы аазіс. Але шчырых пачуццяў няма. Глыбокае адчужэнне ў сям'і напамінае мёртвую дарогу, якая нікуды не вядзе. Героі твора знаходзяцца ў стане псеўдаагрэсіі адзін да аднаго, бо здзяйсняюць неабдуманая дзеянні, у выніку якіх можа быць нанесена шкода [4].

Герой рамана «Млоснасць» французскага філосафа Жан-Поля Сартра Антуан Ракантэн свядома ізаляваў сябе ад людзей і пакутуе ад адзіноты, не жадаючы парушыць усталяваны стан млоснасці пошукамі ці аднадумцаў, ці суб'яднага, бо інакш, на яго думку, ён страціць бязмежную свабоду [5].

Імкненне да асабістай свабоды, уласнай прасторы, часовай адзіноты ў разумных дозах чалавеку не шкодна. Калі аўтар «ізаляе» Ракантэна ў бібліятэцы для напісання кнігі пра жыццё маркіза дэ Ральбанэ, то герой не адчувае сябе ні самотным, ні адвергнутым ад грамадства. Перанасычаны новымі ўражаннямі і знаёмствамі пасля працяглай вандроўкі па-за межамі роднай Францыі, Антуан з радасцю адабляецца, бо справа, за якую ён бярэцца з такім жаданнем і ахвотай, патрабуе ўдумлівасці і засяроджанасці. А бібліятэка, як сукупнасць агульнага чалавечага розуму, павінна была паспрыяць плённаму здзяйсненню творчых задумак нашага героя. Яго захапіла праца, і толькі расчараванне ў ёй пераходзіць пэўную мяжу незалежнасці ад іншых. Думка пра адзіноту ў яго мяжуе з напамінкам пра смерць. Яшчэ больш, смерць уяўляецца часам настолькі абсалютнай свабодай, што хочацца без ваганняў кінуцца ў яе абдымкі.

Улада млоснасці – гэта новы матыў, новая тэма філасофскай прозы. Жан-Поль Сартр вы-

водзіць тыповага для экзистэнцыялізму героя, што існуе па-за сацыяльнымі сувязямі і па-за маральнымі абавязкамі і імкнецца да поўнай адзіноты і абсалютнай свабоды. Сартр будзе свой апавед у выглядзе дзённіка вучонага Антуана Ракантэна, чым пацвярджае шчырае імкненне разабрацца ў стане душы і ўспрыманні жыцця свайго сучасніка, які ўпэўнены, што смерць не натуральны стан чалавека, але і жыццё ўяўляецца як абсурдны фарс. Такі новы вобраз у літаратуры цікавы глыбінёй філасофскага аўтарскага даследавання і паказу жыцця «ў сабе», абвяшчэння свабоды ад грамадства і бессэнсоўнага свету. Сартр-філосаф лічыць, што, такім чынам, і адказнасць за адпаведны выбар цалкам кладзецца на дадзенага героя. А ці здольны ён несці гэту адказнасць па-за сацыяльнай адказнасцю?

Калі ўважліва прааналізаваць паводзіны Мерсо – галоўнага героя рамана «Чужаніца» французскага пісьменніка і філосафа Альбера Камю, то зразумелай стане развага перакладчыка яго творчасці на беларускую мову Зміцера Коласа: Ці не відазмяніў французскі мыслер экзистэнцыялізму вечнае пытанне пра сэнс жыцця? Бо пад пагрозай існавання знаходзяцца традыцыйная эстэтыка і традыцыйная грамадская мараль. А калі гэтыя каштоўнасці неспраўдныя для цэлага пакалення? Яму ў спадчыну дастаюцца адчужанасць ад грамадства эгацэнтрычнымі па-сутнасці ідэямі, раз'яднанне ў самім сабе, так званая ўнутраная ізаляцыя – гэта непазбежны вынік злчынства Мерсо. Таму, што гэта не бунт незвычайнай асобы, такой, як Раскольнікаў у рамана Федара Дастаеўскага «Злчынства і пакаранне», які дакладна рыхтаваў забойства. Мерсо здзяйсняе яго стыхійна. Ужо ў яго імені зашыфраваны словы «смерць» і «сонца». І вось у спякотны дзень на пляжы ён забівае чалавека, які нічога яму не зрабіў і нават не быў з ім знаёмы.

Ахрысціўшы свайго героя «чужаніцай», аўтар паказвае яго неўспрыманне традыцый, рытуалаў, дзяржаўных і грамадскіх законаў, думак, меркаванняў, асуджэнняў і інш.

Мерсо абьякавы да жыцця. Яго нішто не цікавіць акрамя ўласнага існавання. Адзінае, у чым ён упэўнены, што хутка прыйдзе да яго смерць, і ён заключае: «Што мне да смерці іншых, што мне да матчынай любові, да ягонага Бога (*мае на ўвазе святара*), да жыцця і лёсу, які людзі нібыта самі сабе выбіраюць, калі ёсць толькі адзін лёс, адзін, і ён сам абірае мяне і, разам са мной, мільярды іншых выбраннікаў» [6].

Каб падкрэсліць галоўныя прычыны антрапалагічнага крызісу, Габрыэль Гарсія Маркес дэманструе страту даверу да будучыні праз

знішчэнне роду Буэндзіа. Сто год адзіноты (а гэта чатыры пакаленні) не навучылі мудрасці быць не толькі побач, але і разам. Здаецца, што «эра вялікага маўчання» паміж Урсулай і Хасэ Аркадзія пануе і ў гэтым творы. Мы не бачым іх сумеснай працы, абмену думкамі, няма і высвятлення адносінаў, але, у адрозненне ад Луі і Ізы, у кожнага з Маркесаўскіх герояў ёсць невычэрпная асабістая свабода. Урсула, напрыклад, даволі спакойна адносіцца да ўсіх творчых пачынанняў свайго мужа і нават не патрабуе ад яго дапамогі ў такіх «не жаночых» справах, як будоўля. А Хасэ Аркадзія не перашкаджае жонцы заводзіць яе апантаных задумкі да лагічнага завяршэння. Да таго ж, у адрозненне ад Луі, Урсула і Хасэ Аркадзія – асобы дзейсныя, няўрымслівыя, схільныя да здаровага авантурызму. Але знешняя свабода не скасоўвае ўнутранай адзіноты, хаця галоўны герой і здольны пакуль яшчэ рабіць нешта для агульнай справы, бо ў час ліхаманкі забыцця, калі жыхары Маконда нават не пазнавалі адзін аднаго і сноўдалі міма, як маўклівыя цені, галоўны герой Хасэ Аркадзія Буэндзіа пачаў падпісваць хатнія рэчы: «стол», «крэсла», «гадзіннік», «дзверы» і г. д., і рабіў ён гэта таму, што зразумеў жах наступства адзіноты: калі людзі не ўступаюць у маўленчы працэс адзін з адным, назвы рэчаў могуць забыцца, а яшчэ горш, што «можа наступіць день, когда, знакомясь с вещами по названиям, не будешь знать, для чего они предназначены. Тогда он стал давать краткие, но доходчивые объяснения» [7].

Але калі тэма адчужэння ў сусветнай літаратуры разглядаецца шматпланавая, то ў беларускай яна ледзьве абазначана. Так, Мікола Мятліцкі, напрыклад, адзін з нямногіх твораў, хто таленавіта паказвае працэс адчужэння ад грамадства і звычайнага ўкладу жыцця беларусаў у вершы «Пан Юзаф».

Чалавек, які ў маладосці выбраў не зусім правільны шлях, збег некалі са сваёй краіны, пакінуўшы бацькоў, жонку, дзяцей, на чужыне завёў новую сям'ю, але хворым старым вяртаецца на малую радзіму. Ды толькі тут чакае яго адзінота: бацькі памерлі, вёска адселена... І напайнае сэрца шчыmlівая самота:

Ужо праменьчык зоркі ў небнай вышы
Праліўся. І апошняе святло
У цені сосен Віліяй плыло.
Ён здрыгануўся. Ў першабытнай цішы
Адзін – нікога побач не было [8].

Толькі герой дадзенага верша вінаваты сам у тым, што так сталася. Аднавяскоўцы ж паэта да дна выпілі чашу гора і слёз і пакутна панеслі свой чарнобыльскі крыж на Галгофу жыцця па чужой волі. У кнізе выбранай паэзіі «Чаканне сонца» аўтар падзяляе сваю творчасць на два

перыяды: дачарнобыльскі і паслячарнобыльскі. Гэта мяжа прайшла праз яго сэрца, бо грознае ліха адабрала малую радзіму. Згубіўшы галоўнае апірышча, мы становімся самотнымі, бо выразна разумеем, што такое адзінота.

Але калі ўсе названыя вышэй прычыны адзіноты, прыведзеныя з твораў сусветнай літаратуры, маглі б быць лёгка скасаванымі самімі людзьмі пры іх жаданні, то як быць нашаму аўтару і яго аднавяскоўцам, і ўсім тым, хто па волі злога лёсу і чалавечай неабачлівасці раптам стаў выгнанцам з родных мясцін, калі малая радзіма страціла свае пяшчотныя, дарагія з дзяцінства найменні і яны ператварыліся ў адно змрочнае цэлае – «зону адчужэння». Напрыклад, у адным са сваіх прысвячэнняў Аркадзію Куляшову беларускі паэт Юрась Свірка трапна заўважыў, што чарнобыльская навала, якая закрнула вёску Саматэвічы – малую радзіму старэйшага сабрата па пярэ, – гэта і ёсць антысвет жыццярадаснага, сцвярдзальнага свету паэта:

І не пачуецца нідзе
Ні песні нашае, ні слова,
Па Саматэвічах брыдзе
Свет не Аркадзія Куляшова [9].

Так і родныя мясціны Міколы Мятліцкага і многіх іншых паэтаў ператварыліся ў зону смерці. А яе былыя жыхары зведалі горыч выгнання, стаўшы за адну ноч бесхацінцамі, пра што з болей піша творца ў сваім вершы «Кут мой забыты, безабаронна...». У прымусова пакінутым Бабчыне на сталае жыхарства засталася толькі адна дзеючая асоба – адзінота. Гэты вобраз стане скразным у яго паэтычных зборніках «Чаканне сонца», «Горкі вырай», «Бабчын: Кніга жыцця», «Хойніцкі сшытак». З гэтага часу набатам загучыць узрушанае слова Максіма Танка, Сяргея Законнікава, Ніла Гілевіча, Рыгора Барадуліна, Янкі Сіпакова, народжанае асабістай і агульнай бядой, што напоўніла іх чарнобыльскія вершы балючай праўдай пра трагедыю Беларусі.

Перад паэтамі таксама ўзнікае рытарычнае пытанне: як жыць, згубіўшы апірышча, якім заўсёды была малая радзіма? Паэтычнае слова творцаў становіцца горкім і няўцешным...

Калі ўзяць пад увагу тую акалічнасць, што тэма адзіноты стала вызначальнай для сусветнай літаратуры XX ст., то дзіўнага ў яе з'яўленні ў творчасці беларускіх аўтараў мала, бо цалкам ізаляваць творчасць ад агульных сусветных тэндэнцый немагчыма. Іншая справа, што тэма маральнага адчужэння не магла развіцца на беларускай глебе з нагоды таго, што талерантны народ не згубіў пакуль што сваіх традыцый і звычайў. Яшчэ ўмее працаваць «талакой», а значыць разам. Паслаблены, але не парушаны радавыя сувязі. Не зніклі сяброўскія і добрасу-

седскія адносіны, беларусы не развучыліся працаваць, і многім праца прыносіць творчую радасць. Ды і агульных бед і выпрабаванняў у беларусаў было больш, чым у іншых народаў, ім сам лёс дыктаваў трымацца разам.

Заклучэнне. Такім чынам, згодна з вучэннем Э. Фрома, у сусветнай літаратуры мы назіраем змяненне чалавечых адносінаў, у якіх на змену глыбокай любові ці варожаці заступаюць абьякавасць і эгаістычнае жаданне выкарыстаць кагосьці ў сваіх інтарэсах.

Наступны аспект адчужэння: адносіны чалавека да самога сябе. Чалавек страчвае сваё «Я», сваю асабістую ўнікальнасць, свой асабісты патэнцыял, калі адчуваецца ад дзяржавы і грамадства. З’яўляецца здольнасць да хуткага прыстасавання, пастаяннай гатоўнасці мяняцца, падладжвацца пад абставіны, жадаць бязмежнай свабоды без адказнасці, а не вырашаць наспелыя праблемы.

Адчужэнне чалавека ад чалавека, на думку Э. Фрома, прыводзіць да страты ўсеагульных і сацыяльных сувязей, таму людзі трымаюцца разам з эгаістычнай мэтай выкарыстоўваць адзін аднаго, што дасканала паказана ў рамане Франсуа Марыяка «Пустыня любові».

У беларускай літаратуры тэма маральнага адчужэння не развілася ў тым рэчышчы, як гэта паказана ў сусветным літаратурным працэсе. Бо яшчэ існуе моцная сувязь асобы з грамадствам праз сям’ю, працоўны калектыў, сяброўскія адносіны, добрасуседства і інш. Але тэма адзіноты прысвечана шмат твораў, якія звязаны з Чарнобыльскай трагедыяй. Кожны аўтар гэту задачу вырашае з дапамогай індывідуальных мастацкіх прыёмаў. Але галоўная думка пра тое, што беларусы справіліся з немагчымым – выжылі! Яны не адступілі перад наваляй, не здаліся, і зноў чуецца дзіцячы смех там, дзе, здавалася б, яго не магло і быць. І зрабілі яны гэта супольна.

Літаратура

1. Гароди Р. О. О понятии «отчуждение» // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 56–64.
2. Костин А. А. Отчуждение мнимое и реальное // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 67.
3. Мориак Франсуа. Пустыня любви. М.: Борисфен, 1995. 462 с.
4. Фром Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: ООО «Попурри», 1999. 624 с.
5. Андреев Л. Г. Жан-Поль Сартр: свободное сознание и XX век. М.: Гелеос, 2004. 415 с.
6. Камю А. Выбранные творы. Минск: Мастацкая літаратура, 2005. 430 с.
7. Маркес Г. Г. Сто лет одиночества. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 352 с.
8. Мятліцкі М. Кросны // Полымя. 1998. № 8. С. 31–36.
9. Свірка Юрась. У Зоне // Полымя. 1996. № 12. С. 5.

References

1. Garodi P. O. On the concept «alienation». *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1959, no 8, pp. 56–64 (In Russian).
2. Kostin A. A. Alienation, imaginary and real. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological investigations], 1998, no 2, p. 67 (In Russian).
3. Moriyak Fransya. *Pustynya lyubvi* [Desert of love]. Moscow, Borisfen Publ., 1995. 462 p.
4. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Minsk, ООО “Popurri” Publ., 1999. 624 p.
5. Andreev L. G. *Zhan-Pol’ Sartr: svobodnoye soznaniye i XX vek* [Jean-Paul Sartre: Free consciousness]. Moscow, Geleos Publ., 2004. 415 p.
6. Kamyu A. *Vybranyya tvory* [Selected works]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2005. 430 p.
7. Markes G. G. *Sto let odinochestva* [One hundred Years of Solitude]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999. 352 p.
8. Myatlitski M. Krosno. *Polymya* [Fire], 1998, no 8, pp. 31–36 (In Belarusian).
9. Svirka Yuras’. In a sone. *Polymya* [Fire], 1996, no. 12, p. 5 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Федарцова Тамара Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Fedortsova@belstu.by

Information about the author

Fedartsova Tamara Mikalaeuna – PhD (Philology), Assistant Professor, the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Fedortsova@belstu.by

Паступіў 27.02.2018

УДК 101.1:316.6

А. М. Дубравина

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

**МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ**

В данной статье осуществлен философский анализ манипулятивных технологий как способа формирования социальных иллюзий. В рамках работы рассмотрен феномен манипуляции, а также ее взаимосвязь с социальными иллюзиями. Высказана мысль о решающей роли СМИ в процессе манипулирования сознанием. Определены причины «иллюзоризации» массового сознания. Проанализированы приемы манипулятивных технологий, используемые СМИ для создания иллюзий.

Ключевые слова: социальные иллюзии, манипулятивные технологии, манипуляция сознанием, медиакультура, медиабезопасность, массовое сознание.

A. M. Dubravina

Yanka Kupala State University of Grodno

**MANIPULATIVE TECHNOLOGIES
AS A SOCIAL ILLUSIONS FORMING METHOD**

In this article, a philosophical analysis of manipulative technologies as a way to form social illusions is carried out. Besides, the phenomenon of manipulation, as well as its interrelation with social illusions, is considered. The idea about the crucial role of the media in the process of consciousness manipulating is expressed. The reasons for the "illusion expansion" in mass consciousness are determined. The techniques of manipulative technologies used by the media to create illusions are analyzed.

Key words: social illusions, manipulative technologies, manipulation of consciousness, media culture, media security, mass consciousness.

Введение. Манипуляция сознанием людей – одна из наиболее обсуждаемых проблем современности. Рост актуальности связанных с ней вопросов пропорционален тем разрушительным последствиям, которые производят манипулятивные технологии в обществе: деструкция принятых моральных норм, трансформация социальных ценностей и идеалов, распространение насилия, культивирование безмерного потребления и прочее. Решением данных проблем занимаются специалисты различных областей знания: философии, этики, культурологии, политологии, социологии, психологии и т. д.

Одним из инструментов и продуктов манипулятивных технологий выступают социальные иллюзии.

Основная часть. Скрытое воздействие на адресата с целью формирования у него социальных иллюзий может в различных источниках называться по-разному, но чаще всего используются понятия «манипуляция» и «манипулятивные технологии».

Рассуждая о вышеназванных терминах, М. В. Скрипкарь приходит к выводу об их идентичности и дает им следующее определение: «совокупность латентно протекающих процессов, формирующих или изменяющих сознание человека, группы лиц или общества в целом, в направлении, заданном манипулятором, с целью достижения определенных ре-

зультатов в формировании мотивационных установок, этических норм, типа поведения и других психологических свойств объекта манипуляции» [1, с. 288–289].

Мы также будем использовать эти термины как синонимичные (взаимозаменяемые) и рассматривать манипуляцию не как управление или воздействие, а как технологию управления или воздействия.

Говоря о манипуляции, многие отечественные и зарубежные исследователи понимают под ней «скрытое психологическое воздействие отправителя сообщения на получателя с целью изменения его поведения и намерений» [2, с. 4]. Или она представляется как «технология преодоления критической рефлексии индивидов, внушения им заданных манипулятором представлений, целей и ценностей как основы воспроизводства социальных практик» [3, с. 114]. Поскольку получатель часто даже не догадывается о таком воздействии, его поведение зачастую не совпадает с собственными желаниями и интересами.

Однако процесс манипулирования слишком сложен. Он не может быть оценен в рамках дихотомии «хорошо» – «плохо». С точки зрения психолога Р. Гарифуллина, «манипуляция – это искусственный процесс создания субъектом иллюзий об окружающей действительности (или о себе), воспринимаемых как другими субъектами, так и самим производителем ил-

люзий» [4, с. 6]. Данный исследователь рассматривает способность к созданию иллюзий и манипулированию как демаркационный признак человека: «Все мы живем в мире иллюзий и манипуляций. Именно этот мир отличает нас от животных» [4, с. 13]. Российский психолог приходит к выводу о том, что манипуляции являются производными от иллюзий и неотделимы от них. Как «систему психологического воздействия, ориентированного на насаждение иллюзорного мировосприятия», рассматривает манипуляцию и В. Е. Черникова [5, с. 141].

Отметим, что иллюзорная составляющая всегда внутренне присуща человеческому сознанию. Она выполняет здесь определенные функции: компенсаторную, интеграционную, мобилизационную и другие. Однако позитивность выполняемых социальными иллюзиями функций – это только одно из проявлений данного феномена. Значительное место в нем занимают также негативные, отрицательные начала. В частности, они могут играть дезинтегрирующую и демобилизирующую роль.

В результате исследовательской работы мы пришли к следующей формулировке понятия «социальные иллюзии»: «социокультурный феномен, проявляющийся в формировании, существовании либо воспроизводстве неадекватных действительности (усеченных, избыточных, модифицированных, инверсивных) представлений о себе и о социальной реальности в целом со стороны определенного индивида, социальной группы. Этот духовный феномен в значительной степени относится к сфере бессознательного».

Одним из важных факторов формирования социальных иллюзий выступают манипулятивные технологии.

В среде интеллектуалов нравственная оценка их применения не однозначна. Часть исследователей считает, что манипуляции гуманнее открытого подавления властью инакомыслия, так как они заменяют насилие [6]. Но большинство авторов с этим мнением не соглашаются, указывая на коварство манипуляции, видя в ней скрытую форму принуждения. Более того, есть мнение, что манипуляция лишает индивида свободы в большей степени, нежели прямое принуждение. Несмотря на то, что феномен манипуляции может быть рассмотрен как амбивалентное явление, хотелось бы в большей степени обратить внимание на негативную сторону данного явления. Это связано, в первую очередь, с тем, что в современном обществе благодаря специализированным технологиям СМИ, позволившим максимально ускорить передачу любых сведений, а также расширить масштабы охвата целевой аудитории, коренным образом меняются статус и роль информа-

ции. Современный социум становится не только насыщенным информацией и проницаемым для нее, но и зависимым от нее. Поэтому проблема манипуляции в информационном обществе приобретает глобальный масштаб.

По мнению Э. Фромма, воздействие СМИ может подготавливать внутренний мир человека к принятию иллюзий посредством замены индивидуальности на ложные стандарты. В результате восприятия продукции СМИ у личности возникает повышенное стремление к самоутверждению, галлюцинаторное миропонимание, агрессивность. Эти рассуждения подтверждают предположение исследователя о врожденной уступчивости индивидуального сознания человека внешнему влиянию [7].

Э. Фромм называл средства массовой информации специфическим миром общения, который является главной причиной искаженного восприятия действительности. Именно этот мир, по мнению немецкого философа, социолога, психоаналитика, своим воздействием подготавливает человека к восприятию иллюзорного видения [8, с. 39].

Такая мысль очень ценна для исследователей СМИ, но все же стоит заметить, что еще до того времени, когда СМИ имели такое значение в жизни общества, как сейчас, социальные иллюзии существовали и играли немаловажную роль в жизни общества. Способность к созданию иллюзий – свойство не исключительно СМИ. Они воспроизводят общее свойство человеческого сознания преобразовывать информацию в процессе ее передачи. Средства массовой информации, как и традиционное индивидуальное общение, искажают суть сообщаемого, тем самым способствуют созданию иллюзий. Хотя не вызывает сомнений тот факт, что технический потенциал СМИ в значительно большей степени, чем индивидуальное сознание, открывает простор для умышленного искажения видения мира и мышления человека. Массовая коммуникация, действительно, способствует тому, чтобы, поняв внутренний мир человека, искусственно культивировать тот или иной иллюзорный образ.

Иллюзии, продуцируемые и транслируемые посредством СМИ, А. М. Юсупова называет «социальными иллюзиями технологического характера». Под ними она понимает «разновидность манипулятивных технологий, формирование искаженной картины действительности посредством интерпретации в СМИ реальных событий с помощью культурных кодов типа мифа и стереотипа для решения конкретных политических задач и воздействия на общественное мнение» [9, с. 8].

Про подобные же иллюзии, порождаемые СМИ, писал немецкий культурфилософ Ганс

Энценсбергер, исследователь теории массовых коммуникаций. Он ввел в философию культуры новое понятие, которое получило теперь широкое распространение, – «индустрия сознания». Главная цель его исследования – раскрыть феномен современной «фабрики мышления». Индустрия сознания оценивается им как «чудо-вищное явление». Она ничего не производит, так как транслирует готовые мыслительные продукты, тайно проникая во все, что подлежит тиражированию, распространению. Она способна любую мысль превратить в лозунг, любой факт – в вымысел и наоборот [10].

СМИ тиражируют и распространяют информацию, не ведущую к возвышению духовных ценностей, не способствующую социальной ориентации людей, а направленную на достижение иных, чаще всего манипулятивных интересов.

Усиление эффективности воздействия манипуляционных технологий прямо пропорционально увеличению количества и интенсивности влияния технологий предоставления информации. Информационные технологии, передающие сведения в режиме он-лайн, создают иллюзию перманентной коммуникации, сопричастности, устанавливают устойчивые каналы связи, которые требуют постоянной вовлеченности. Все меньше времени у личности остается для рефлексии, осознания, размышления, что приводит к атрофии способности формировать собственное мнение, отстаивать свою точку зрения.

Второй причиной «иллюзоризации» массового сознания, его подверженности влиянию манипулятивным технологиям можно назвать эскапацию склонности к эскапизму (англ. *escapare* – бежать, спастись) – стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий; культивируется массовой культурой; формирует социальную пассивность и конформизм по отношению к существующему обществу [11].

Рассуждая о механизмах формирования социальных иллюзий, нельзя не упомянуть теорию, названную по имени создателя Дж. Овертона «окно Овертона» или «окно дискурса». Она раскрывает суть методологии управления общественным сознанием, описывая технологии изменения отношения общества к некогда абсолютно запретным (находящимся в зоне табу) для этого социума вопросам. Согласно теории Овертона, для каждой идеи или проблемы в обществе существует так называемое «окно возможностей», которое постепенно сдвигают, незаметно для общества переходя от одной стадии десакрализации той или иной темы к другой, уже более приемлемой.

Американский политик Дж. Тревиньо развил идею окна дискурса, предложив следующую шестиступенчатую оценочную шкалу для клас-

сификации идей по степени их допустимости в открытом обсуждении: немислимые, радикальные, приемлемые, разумные, стандартные, действующая норма. Движение по шкале проходит для общества незаметным потому, что оно растянуто на протяжении нескольких лет, десятилетий, но при активном использовании различных манипулятивных технологий СМИ.

О. В. Сладкова выделяет следующие приемы манипулятивных технологий, используемые СМИ для создания иллюзий:

1) дробление информации: заключается в выдаче информации обществу «маленькими порциями». Такая подача информации затрудняет концептуальное восприятие процесса или явления в целом, что приводит к их непониманию и, как следствие, к снижению интереса к ним. Разновидностью дробления может быть чрезмерное обилие информации, в неадекватных реалиям пропорциях, когда несущественные сведения маскируют нежелательную для манипулятора истинную картину. Такой способ коммуникации подавляет индивидуальный выбор и дезориентирует человека;

2) замалчивание. Умалчивать можно не всю информацию, а лишь существенные детали, не выгодные манипулятору. Использование приема «умолчания» дает возможность программировать поведение больших масс людей;

3) прием «прямого комментирования» результатов исследования. Комментарий обязательно опирается на логические и оценочные основания, уже имеющиеся в сознании людей. Манипулятор, комментируя собранные факты, находит эти опоры, преобразуя их во мнения, взгляды на обсуждаемую проблему. Логические структуры, используемые для этого, чаще всего предельно просты и квалифицируют события с позиций «черное – белое», «добро – зло», что соответствует довольно низкому культурному уровню манипулируемых. Но они могут быть и более сложными и приближаться к адекватной оценке проблемы;

4) прием «игра цифрами и фактами» для создания видимости объективности и точности;

5) дезинформация используется в качестве искусственно распускаемого слуха, соответствующего подсознательному желанию общества. Специалисты в области PR-технологий доказали, что влияние популярного дезинформационного сообщения не способно уменьшить даже объективная информация;

6) приемы, основанные на нарушении законов формальной логики: ложная аналогия, подмена причины следствием, вывод без достаточного основания, подмена тезиса, тавтология, диффамация, демагогия, ссылка на «заслуживающий доверие источник», ссылка на авторитеты;

7) прием навешивания ярлыков на политических или иных оппонентов;

8) двойной стандарт. Используя этот прием, манипулятор применяет различные критерии при оценке явлений, событий и позиций, участвующих или заинтересованных в них лиц [2].

Опираясь на исследование А. М. Юсуповой, можно добавить к этому списку еще внушение (повторение, «эффект Геббельса»), формирование образа врага, «эмоциональное заражение» (когда человеком начинают управлять эмоции, он способен на любые, даже самые безрассудные поступки), «одобрение мнимого большинства» [9, с. 147–151].

А. М. Юсупова в качестве отдельной технологии манипулирования общественным мнением называет «создание и тиражирование социальных иллюзий» [9, с. 151].

Л. В. Шукшина, приравнивая технологии конструирования социальных иллюзий к технологиям манипуляции, выделяет: а) материальные (создание институтов); б) знаково-символические (тексты); в) технологии властного действия на личность; г) технологии суггестивного воздействия на личность; д) технологии создания массовых иллюзий [12, с. 11–12].

Представляется ошибочной такая классификация, так как все вышеперечисленные технологии могут служить цели создания как индивидуальных, так и массовых иллюзий.

Приемов, применяемых политехнологами в телевизионных СМИ, согласно различным источникам в литературе и электронной сети, великое множество. Все они условно могут быть разделены на группы: технические, паралингвистические, семантические и комбинированные.

Заключение. Количество и качественное разнообразие перечисленных методов скрытого манипулятивного воздействия СМИ на массовое сознание свидетельствует об их повсеместном распространении. Такое завуалированное воздействие является невидимой технологией управления общественной жизнью, которая пронизывает сегодня буквально все уровни социального взаимодействия, начиная от политико-правовых и заканчивая межличностными. По сути, человек современного общества (особенно представитель молодого поколения) формируется и функционирует в мегаинформационном пространстве, созданном масс-медиа.

Современное информационное изобилие достигается за счет увеличения количества и

снижения качества источников. Доступность и избыток информации приводят к тому, что у личности вырабатывается стойкая зависимость от регулярного получения очередной порции яркой, часто преувеличенной, искажающей реалии иллюзорной информации.

Как правило, регулярно получаемые сведения не способствуют личностному духовному росту, не носят практико-ориентированный характер, не основываются на сколько-нибудь серьезных исследованиях и теориях, вызывают сильные эмоции, нуждаются в постоянном обновлении.

Проблема манипулятивного воздействия на массовое сознание с целью формирования определенных иллюзорных образов посредством СМИ является чрезвычайно серьезной еще и потому, что такое влияние может стать опасным информационно-психологическим оружием в руках деструктивно настроенных сил. Как показывает практика, социальные иллюзии, целенаправленно созданные и внедряемые с помощью манипулятивных технологий в массовое сознание, сказываются самым пагубным образом на функционировании не только отдельных социальных институтов, систем, но и общества в целом.

Совершенствование медиакомпетентности и информационной культуры в целом является на сегодняшний день не желательным, а необходимым аспектом сохранения информационной безопасности (медиабезопасности) и выживания как отдельной личности, так и целых государств и наций.

В качестве механизма, защищающего общество от порабощающего влияния манипулятивных технологий, можно предложить метод формирования в массовом сознании своеобразных «фильтров», позволяющих распознавать манипуляцию и, тем самым, препятствовать формированию нежелательных для общества социальных иллюзий. В основе данного способа лежит просветительно-образовательная деятельность: доведение до населения информации о методах, формах, возможных последствиях как явных, так и скрытых воздействий на массовое сознание, грамотное объяснение внутренних механизмов работы разрушительных для государства, общества и личности технологий, описание форм защиты от подобного рода воздействий на индивидуальном уровне. Что касается вопроса о защите от негативных манипуляций на государственном уровне, то это уже тема отдельного исследования.

Литература

1. Скрипкарь М. В. Манипулятивные технологии кинематографа // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 289–291.
2. Сладкова О. Б. Манипулирование общественным сознанием в информационном обществе // Обсерватория культуры. 2006. № 6. С. 4–12.

3. Козлова О. Н. Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке // Вестник РГГУ. 2010. № 3. С. 113–130.
4. Гарифуллин Р. Р. Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция. Психология обмана, манипуляций, кодирования. Казань: Книга и К, 1997. 404 с.
5. Черникова В. Е. Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 141–144.
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М.: ТОО «ЧеРо», 1997. 343 с.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
8. Фромм Э. По ту сторону порабощающих нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом. М.: АСТ: Астрель, 2011. 253 с.
9. Юсупова А. М. Журналистика как фактор формирования социальных иллюзий: на примере общественно-политических изданий Уральского федерального округа: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2016. 228 л.
10. Энценсбергер Г. М. Индустрия сознания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 96 с.
11. Эскапизм [Электронный ресурс] // Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/eskapizm.html> (дата обращения: 02.12.2017).
12. Шукшина Л. В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Саранск, 2010. 38 с.

References

1. Skripkar' M. V. Manipulative technologies of cinema. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat, state University], 2009, no. 6, pp. 289–291 (In Russian).
2. Sladkova O. B. Manipulation of public consciousness in the information society. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of culture], 2006, no. 6, pp. 4–12 (In Russian).
3. Kozlova O. N. Manipulation of consciousness and subjectivity in the XXI century. *Vestnik RGGU*. [Bulletin of RSUH], 2010, no. 3, pp. 113–130 (In Russian).
4. Garifullin R. R. *Ilyuzionizm lichnosti kak novaya filosofsko-psikhologicheskaya kontseptsiya. Psikhologiya obmana, manipulyatsiy, kodirovaniya* [Personality illusionism as a new philosophical and psychological concept. Psychology of deception, manipulation, coding]. Kazan', Kniga i K Publ., 1997. 404 p.
5. Chernikova V. E. Manipulation of mass consciousness as a phenomenon of information society *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 3, pp. 141–144 (In Russian).
6. Dotsenko Ye. L. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy, zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow, TOO "CheRo" Publ., 1997. 343 p.
7. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Flight from freedom]. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2006. 571 p.
8. Fromm E. *Po tu storonu poraboshchayushchikh nas illyuziy. Kak ya stolknulsya s Marksom i Freydom* [Beyond the Chains of Illusion: My Encounter with Marx and Freud]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2011. 253 p.
9. Yusupova A. M. *Zhurnalistika kak faktor formirovaniya sotsial'nykh illyuziy: na primere obshchestvenno-politicheskikh izdaniy Ural'skogo federal'nogo okruga. Dis. kand. filolog. nauk* [Journalism as a factor of formation of social illusions: by the example of social and political editions of the Ural Federal district. Diss. cand. of philolog. sci.]. Ekaterinburg, 2016. 228 p.
10. Entsensberger G. M. *Industriya soznaniya* [Industry of consciousness]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016. 96 p.
11. *Eskapizm* [Escapism]. Available at: <http://terme.ru/termin/eskapizm.html> (accessed 02.12.2017).
12. Shukshina L. V. *Ekzistentsial'naya tsennost' sotsialnykh illyuziy. Avtoref. dis. dokt. filoz. nauk* [The existential value of social illusions. Doct. Diss.]. Saransk, 2010. 38 p.

Информация об авторе

Дубравина Александра Михайловна – магистр исторических наук, аспирант кафедры филологии. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230003, г. Гродно, ул. Захарова, 32, Республика Беларусь). E-mail: adubravina@ya.ru

Information about the author

Dubravina Aleksandra Mikhaylovna – Master of History, PhD student, the Department of Philology. Yanka Kupala State University of Grodno (32, Zakcharova str., 230003, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: adubravina@ya.ru

Поступила 12.03.2018

УДК 159.9316.6

В. В. Богаченко

Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (Украина)

**ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ
В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Оказалось более просто спроектировать сверхразумных роботов, чем представить облик человеческой индивидуальности.

Б. Г. Ананьев

В исследовании предлагается альтернатива понимания человека через призму феномена телесности. Телесность раскрывается как «топос» столкновения внутреннего психического мира личности с внешним окружающим социальным и природным пространством. То есть феномен телесности представляет собой инструмент восприятия объективного мира. Это своего рода трансмеханизм понимания мира, способ его субъективного отражения человеком в становлении индивидуальности. Отбросив представление о метафизической интерпретации тела, о его ограниченном физиологическом понимании, автор репрезентирует телесность как динамичный и развивающийся процесс, который и формирует основные психические конструкторы личности и раскрывает ее самоидентификационные механизмы в массовой культуре. Телесность представляется как атрибут формирования индивидуальности личности. Проследивая различного рода бодимодификации можно проанализировать алгоритм развития культуры и влияние ее тенденций на личностное становление человека в глобальном обществе, что и отражается в экзистенциале осмысления и понимания мира – человеческой телесности.

Ключевые слова: человек, тело, «телесный образ», телесность, индивидуальность, массовая культура, «мем», меметика, самоидентификация, глобальное общество.

V. V. Bogachenko

Odessa National A. S. Popov Academy of Telecommunications (Ukraine)

**PHENOMENON OF HUMAN CORPOREALITY
IN ASPECT OF GLOBAL CULTURE**

The research suggests an alternative to understanding man through the prism of the phenomenon of corporeality. Corporeality is revealed as a “topos” of a clash between the inner psychological world of the individual and the external surrounding social and natural space. That is, the phenomenon of corporeality is a tool for perceiving the objective world. This is a kind of transmechanism of understanding the world, a way of its subjective reflection by a person in the formation of individuality. Discarding the idea of the metaphysical interpretation of the body, its limited physiological understanding, we can reveal corporeality as a dynamic and evolving process that shapes the basic mental constructs of the personality and reveals its self-organizing mechanisms in popular culture.

Key words: man, body, “corporal image”, corporeality, individuality, mass culture, “meme”, memetics, self-identification, global society.

Вступление. Образ современного человека неуловим и сложен в репрезентации, но понимание и определение главных его черт необходимо для прогнозирования основных стратегий антропообития и тенденций развития глобального общества. При рассмотрении феномена телесности открываются перспективы построения вариативных моделей антропогенеза и его влияние на изменения культурного образа человечества. Этот вопрос становится актуальным в динамике цивилизационных трансформаций, так как происходит популяризация массовых идей,

которые часто являются навязанными для личностного «Я». Культурные образы как вирусы в организме вытесняют личностную сущность и наполняют человеческий разум псевдоцелями и псевдомотивами деятельности. Данная динамика приводит к затруднению самоидентификации личности и деформации ее базовых психических механизмов и, как следствие, к изменениям ее телесных репрезентаций. Под воздействием «мемов» глобального мира происходит модификация ценностей, мотивов и стратегий поведения человека, перестройка направленности лич-

ности в соответствии с социальными стандартами и требованиями. Человек выступает как субстрат развития культуры, который проецирует и эмитирует ее основные идеи механически, как машина, сам того не подозревая. Проанализировать проявления культурных тенденций можно на телесности человека, она является отображением внутренних экзистенций как человека, так и культуры.

Целью данного исследования является презентация феномена человеческой телесности и ее воплощение в глобальных трансформациях. Рассмотрим телесность и представление ее через понятие «феномен».

Основная часть. Природа человека является темой исследований многих философских работ, которые раскрывают ее, начиная от понимания телесности как тождественности «образа тела» и заканчивая дуалистическими воззрениями на данный вопрос как на духовно-телесный базис человека. Еще Платон, рассматривая понятие феномена, считал его материальным воплощением идеи, а что как не тело является воплощением человеческого «Я»? При этом от содержания духовного начала зависит и телесная оболочка. «Что же касается душ “тех, которые всегда обнаруживали общественную и гражданскую добродетель, называемую умеренностью и справедливостью”, то они войдут в тела мирных и кротких животных, как пчелы, осы и муравьи, или даже вернуться в человеческое тело, чтобы создать добродетельных людей» [1, с. 142]. То есть, исходя из этого изречения, тело является воплощением «души», именно она, как идеальное начало, формирует последнее.

У Сенеки же мы находим описание тела как «ничтожной плоти», которая отягощает душу и является для нее тюрьмой. Что противоречит и эллинской школе, да и большей части древнегреческой культуры и искусства, в которых человеческое тело – прообраз богов и воплощение совершенства. В Древневосточной философии вопрос понимания телесности тесно переплетался с гармоничным объединением человека с миром в единое целое посредством телесных и духовных практик (медитация, йога и т.п.), что указывает на телесные изменения в соответствии с духовными поисками, практиками и выражается в психосоматическом экзистенциале телесного бытия. Например, современный исследователь онтологии духовности Осипов А. А. раскрывает духовность через понятие телесности и ее воплощение через знаковый образ во внутреннем мире личности, утверждая, что трансформация телесности – единственный способ развития духовных потенций человека.

Рассматривая ретроспективу человеческой телесности как феномена философско-научных поисков, можно отметить следующих авторов: Ф. Ницше, С. Кьеркегор, Ф. Кафка, З. Фрейд, К.-Г. Юнг, А. Адлер, М. Фуко, Г. Марсель, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Ж. Делез, И. И. Мечников и многие другие. Этот перечень можно продолжать бесконечно, ведь вопрос телесности – это один из пунктов, который позволяет понять человеческую природу в целом, что является одним из фундаментальных вопросов философии. Так, в своей книге И. И. Мечников «Этюды о природе человека», доказывая целесообразность естественного развития живых организмов, вел речь о человеке как о «высшем пределе» развития природы. И в то же время он подчеркивал два диалектических процесса ее развития: гармонию и дисгармонию, которые и являются причиной эволюции одних организмов и деградации и гибели других. Автор задает вопрос: «Если в самом деле наука способна только разрушить веру и научить нас тому, что живой мир приходит к сознанию бедствий, старости и неизбежности смерти, то спрашивается: не лучше ли вовсе остановить науку в ее разрушительном шествии?» [1, с. 185]. То есть сама цель науки еще на заре ее развития обозначается как способ достижения знаний, которые помогут преодолеть человеку его ограниченную природу, его ничтожность перед ликом смерти. Но разве не эта ничтожность и обреченность делает его истинным человеком? Как утверждал Б. Паскаль: «Величие человека тем и велико, что он сознает свое ничтожество. Дерево своего ничтожества не сознает... Человек чувствует себя ничтожным, ибо понимает, что он ничтожен: этим он и велик» [2].

Популярность создания аналогов человеческих способностей и свойств вызвана не только необходимостью решения проблем здоровья, природных недостатков и комфортности существования человека, но и очередной его попыткой утвердить себя как творца и создателя, бежать от смертной природы человеческого тела. Дж. Броновски, рассматривая интеллектуальную историю человечества на примере артефактов культуры и истории, приходит к выводу: «...мы забываем, что человечество – уникальный эксперимент природы, подарившей нам интеллект, который сильнее инстинктов. Знание – наша судьба. Самопознание, которое окончательно соединит опыт искусства и науки, у нас еще впереди» [3, с. 342]. Судя из вышеотмеченного, человек обязан своему «восхождению», интеллектуальной мощи природе, и только она в силах помочь его дальнейшему развитию и эволюции.

Ф. Фукуяма, ведя размышления о постнеклассическом будущем человечества, о его перспективах в эпоху биотехнологий, задается вопросом: «Какие новые возможности возникнут для модификации или контроля человеческого поведения на макроуровне; в частности, насколько вероятно, что в один прекрасный день мы получим возможность сознательно изменять природу человека?» [4, с. 34]. В наше время вопросы бодимодификации, имплантологии, клонирования, создания искусственного интеллекта – индикаторы стремления человека к изменению своей природы, и в то же время – это попытка бегства от природы. А. Камю в своей пессимистической философии говорит о теле как атрибуте бытия: «В привязанности человека к миру есть нечто более сильное, чем все беды мира. Тело принимает участие в решении ничуть не меньше ума, и оно отступает перед небытием. Мы привыкаем жить до того, как привыкаем мыслить. Тело сохраняет это опережение в беге дней, понемногу приближающий наш смертный час» [5, с. 27].

Существует много сфер рассмотрения телесности и как физикалистского концепта – «медицинский взгляд» М. Фуко, и как социально-культурного и феноменологического – М. Мерло-Понти. Последний считает, что «тело представляет собой экзистенциальную основу мира и способ его целостного восприятия человеком. «Уже в первичном восприятии, где восприятие и опыт собственно тела взаимопроникают, тело осуществляет свою функцию субъекта – оно выступает “дифференцированным единством”, благодаря чему спонтанное восприятие (“чувственно воспринимаемый хаос”) обретает целостность. Тело использует свои собственные части для символического выражения мира, именно благодаря телу человек вторгается в мир, понимает его и дает ему значения» [6]. Эта трактовка телесности выводит нас на понимание изучаемого вопроса в психолого-философском континууме.

В психологическом аспекте телесность представляет собой конструктивное начало формирования личности. Например, в психоанализе Фрейд раскрывает телесные мотивы и проявления как основы развития и движущие силы поведения человека, познав которые возможно корректировать различные страхи, комплексы и внутрличностные конфликты.

Понятия тела у постмодернистов представлено как семиотизация образа тела. Как отмечает Ж. Делез: «у телесности “нет ничего общего с собственно телом или образом тела. Это тело без образа”, в котором “ничто не репрезентативно”» [7]. Это полный уход от материалистического понимания тела, что не является

целью нашего исследования. Напротив, данная статья выражает необходимость целостного рассмотрения физического и духовного начала, что приводит к диалектическому изучению индивидуальности как симбиоза этих элементов.

Телесность репрезентируется и как экзистенциальный опыт личности, продолжение физических границ и проявлений в духовном продолжении культуры. Она есть соединение физического и духовного, индивидуального и социального, чувственного и рационального. И, таким образом, это выстраивает определенную модель во взаимодействии человека с культурой. Следовательно, телесность как никакой другой антропологический феномен позволяет нам рассмотреть процесс взаимодействия и раскрытия элементов «человек – культура». З. Бауман дает такое определение: «Тело – это инструмент наслаждения, и поэтому ему должны быть предоставлены все приманки, которые есть в запасе у нашего мира, но тело – это в то же время и наиболее ценное из всего, чем мы обладаем, поэтому оно должно быть любой ценой защищено от мира, стремящегося ослабить и в конце концов уничтожить его» [8, с. 313]. Эта конфронтация между гедонистической позицией, порождающей множество ощущений и чувств человека в его индивидуальности, и в то же время опасностью и страхом прекращения своего существования и становится основой многих личностных кризисов и порождает экзистенциальный образ человека, тем самым способствует выбору основополагающих ценностей.

Когда говорим о себе как об отдельной личности, мы всегда используем «телесный образ», с точки зрения психологии это неотъемлемый механизм самоидентификации человека. Например, Ж.-П. Сартр, определяя онтологическое измерение телесности, приходит к выводу, что телесность – это фактичность восприятия «Я» для Другого. «Я существую своим телом – таково его первое измерение бытия. Мое тело используется и познается Другим – таково его второе измерение. Но поскольку я есть для другого, он раскрывается во мне как субъект, для которого я – объект. Речь идет здесь, собственно, как мы видели, о моем фундаментальном отношении с Другим. Следовательно, я существую для себя как познанный другим, в частности, в самой моей фактичности. Я существую для себя как познанный Другим в качестве тела. Таково третье онтологическое измерение моего тела» [9]. Так называемые «телесная память» или «телесные знания» – это одна из составляющих психических процессов, которые являются основополагающими при деятельности человека. В психологическом срезе речь

идет о перцептивной системе – процессе восприятия, основанном на уже имеющихся знаниях и опыте в сознании человека.

Используя теорию А. Адлера, телесность можно рассмотреть как сложный психологический процесс. По указанной теории, чувство неполноценности и компенсация – это неотъемлемая черта личности, основание структуры личности, которая функционирует через телесность. То есть происходит самоорганизация психического за счет оценивания физических, телесных качеств и особенностей человека. Например, «комплекс Наполеона» – когда невысокий рост мужчины компенсируется высокими достижениями в социальной жизни или карьере. Существует доказанный эффект компенсации физиологических внешних недостатков с помощью психических механизмов. Это напрямую раскрывает функции телесности как способа проекции физического восприятия на его психологическую составляющую и проецирование созданных установок во вне. То есть в этом процессе становления телесности происходит самоидентификация личности, самоопределение ее и становление. Таким образом, телесность – человекомерный феномен, объединяющий материальные и духовные экзистенции бытия человека во всей его сложности.

Исследуя глобальную культуру как среду, в которой человеческая телесность претерпевает множество различных преобразований и изменений, эффективно будет применить наработки «меметики» (С. Блэкмор, Д. Деннетт, Э. Вилсон), которая выдвигает свое видение глобальных процессов через информационный обмен. Так, в конце XX столетия Р. Докинз в работе «Эгоистичный ген», исследуя теорию Дарвина, определил, что именно «мем» является ключевым репликатором в процессе изменений интеллектуальных качеств человечества, что и определяет его эволюцию. То есть мир «мемов», а не гены управляют эволюцией и определяют дальнейшие шаги человечества в целом. «Мем» – это корпускулярное, ячеечное строение информационно-культурной среды. Это идея, которая самоорганизуется в отдельную запоминаемую единицу – «ген» культуры. «Мемы» в соединении порождают мемплексы, т. е. комплексы «мемов». Это, например, естественно-социальные «мемы»: языки, религиозные учения, политические идеологии, мода, научные теории; и искусственные: информационные продукты, социальные сети, веб-сайты и т. п. Последние являются движущими силами глобализации. Исследование их с помощью «меметической» теории сформирует новый взгляд на отражение символично-знаковых единиц взаимодействия – идей различного рода: личностных, обществен-

ных, межкультурных, межцивилизационных и т. д. Некоторые идеи могут выводить человека за пределы его ценностных установок, а иногда и за пределы его тела.

Человек в условиях глобального мира становится заложником массового общества. Его внутренний мир все чаще преобразуется в автоматическую реализацию идей глобального мира и включает его в культурно-исторический обмен как инструмент глобализации, что способствует проблемам самоидентификации и отчуждению. Информационная цивилизация, преследуя цели прогресса и развития человека, приводит его в итоге к превращению в «деталь» сложного механизма, управлять которым он уже не в силах.

В своем произведении «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери раскрывает суть развития современной массовой культуры – поглощение индивидуальности и человека «мыслящего». «Мы все должны быть одинаковыми. Не свободными и не равными от рождения, как сказано в конституции, а просто мы все должны стать одинаковыми. Пусть люди станут похожи друг на друга как две капли воды; тогда все будет счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почтуются свое ничтожество» [10, с. 70], – утверждает действующее лицо произведения, представляющее структуру власти и управления общества. В этом фантастическом, на первый взгляд, произведении можно рассмотреть реалии современного общества. Происходит отчуждение человека от общества, носители массовой культуры и Интернет заменяют личностное общение, часто сводя поглощение информации к простым тега, которые автоматически усваивает человек, лишая себя способности выбора и размышлений. При исключении момента личностного общения происходит и момент выпадения телесности из цепочки самоидентификации личности.

Современные исследователи этнографических аспектов телесности приходят к выводам, что «телесность составляет основу сущностных, ключевых самоидентификаций человека как человека. Человеческое тело является не менее важным конститутивным фактором личности, чем разум, воля или социальная среда» [11, с. 24]. Это своеобразное психосоматическое «Я», которое является основой восприятия и осмысления себя и мира.

Заключение. Исследования феномена телесности в условиях глобальной культуры продемонстрировали разнообразие взглядов на данный вопрос: конструктивный, физикалистский, социально-культурный, феноменологический, экзистенциальный, постмодернистский и т. д. Множество этих концепций, которые рас-

смаатривают телесность в разных срезах философского знания, свидетельствуют об одном – проблема сущности телесности находится в стадии постижения данного вопроса и, можно сказать, переосмысления уже давно волнующей и в последнее время забытой проблемы. Результаты теоретического исследования данной статьи делают возможным вывод о рассмотрении феномена телесности как алгоритма формирования личностной индивидуальности. Телесность – это метамеханизм, соединяющий тело и духовную сферу личности. Различного рода бодимодификации современного мира свидетельствуют о кризисных точках антропогенеза и попытке эскапизма человека от приро-

ды путем виртуализации не только мысли, но и тела. В современном поле философских исследований феномен телесности, как залога ценностного, гуманного существования человека, требует пересмотра и переоценки. Телесность выступает основным конструктом формирования индивидуальности и индикатором стратегий глобальной культуры. Глобальная культура меняет и трансформирует человека, его тело, его телесность и его духовность, но в то же время эти преобразования указывают, что перспектива будущего гуманного общества заключается в сохранении телесности как основного экзистенциала понимания мира и самоидентификации индивидуального «Я».

Литература

1. Мечников И. И. Этюды о природе человека. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 289 с.
2. Паскаль Б. Антропология Паскаля: Трагичность, хрупкость и достоинство человека. Человек как мыслящий тростник. URL: http://gumfak.ru/filos_html/ponas/pon18.shtml (дата обращения: 15.01.2018).
3. Броновски Дж. Восхождение человечества. СПб.: Питер, 2017. 352 с.
4. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.
5. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
6. М. Мерло-Понти: от первичного восприятия к миру культуры. URL: <http://refdb.ru/look/1217688-p35.html> (дата обращения: 15.01.2018).
7. Осмысление тела, как трансплантат для пересадки к голове. URL: <http://dislife.ru/articles/view/11687> (дата обращения: 17.01.2018).
8. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
9. Сартр Ж.-П. Третье онтологическое измерение тела. URL: <https://infopedia.su/8x333b.html> (дата обращения: 20.01.2018).
10. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту. М.: Эксмо; Санкт-Петербург: Домино, 2005. 253 с.
11. Етнографія статевого життя й тілесності: збірник статей / уклад., наук. ред. О. Боряк, М. Маєрчик. Киев: Центр культурно-антропологічних студій, ПАТ «ВІЛОП», 2013. 288 с.

References

1. Mechnikov I. I. *Etyudy o prirode cheloveka* [Etudes on the nature of man]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1961. 289 p.
2. Paskal' B. *Antropologiya Paskalya: Tragichnost', khrupkost' i dostoinstvo cheloveka. Chelovek kak myslyashchiy trostnik* [Anthropology of Pascal: Tragedy, fragility and dignity of man. Man as a thinking reed]. Available at: http://gumfak.ru/filos_html/ponas/pon18.shtml (accessed 15.01.2018).
3. Bronovski Dzh. *Voskhozhdeniye chelovechestva* [The Rise of Humankind]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 352 p.
4. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoye budushcheye: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future: The consequences of the biotechnological revolution]. Moscow, ООО "Izdatel'stvo ACT": ОАО "LUKS" Publ., 2004. 349 p.
5. Camyu A. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebellious Man. Philosophy. Policy. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 415 p.
6. M. Merlo-Ponti: *ot pervichnogo vospriyatiya k miru kul'tury* [M. Merlo-Ponti: from the primary perception to the world of culture]. Available at: <http://refdb.ru/look/1217688-p35.html> (accessed 15.01.2018).
7. *Osmysleniye tela, kak transplantat dlya peresadki k golove* [Comprehension of the body as a transplant for transplantation to the head]. Available at: <http://dislife.ru/view/11687> (accessed 17.01.2018).
8. Bauman Z. *Individualizirovannoye obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.
9. Sartr Zh.-P. *Tret'ye ontologicheskoye izmereniye tela* [The third ontological dimension of the body]. Available at: <https://infopedia.su/8x333b.html> (accessed 20.01.2018).

10. Bradberi R. *451° po Farengeytu* [451° Fahrenheit]. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Domino Publ., 2005. 253 p.

11. *Etnografiya statevogo zhittya y tilesnosti* [Ethnography of sexual life and corporeality]. Ed. O. Boryak, M. Maerchik. Kiev, Tsentr kul'turno-antropologichnikh studiy, PAT "VILOP", 2013. 288 p.

Информация об авторе

Богаченко Валентина Викторовна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (65029, г. Одесса, ул. Кузнечная, 1, Украина). E-mail: dreamsummer1212@gmail.com

Information about the author

Bogachenko Valentina Viktorovna – PhD (Philosophy), Senior Lecturer, the Department of Philosophy and History of Ukraine. Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov (1, Kuznechnaya str., 65029, Odessa, Ukraine). E-mail: dreamsummer1212@gmail.com

Поступила 28.02.2018

УДК [316.6+316.42]:502.1

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются содержание и методологическое значение понятия «поведение» и определяются факторы его формирования в контексте современного социально-экологического развития. Определены наиболее значимые методы исследования поведения – физиологический, психологический, совокупность социальных методов (образовательные, воспитательные, идеологические и др.). Проанализирован ментальный уровень сознания белорусов, влияющий на стереотипы экологического поведения. Выявлена роль социальной установки в поведении, выделена иерархия ее структурных уровней. Показано, что в современных социальных условиях экологическая составляющая является определяющей по отношению к другим факторам поведения человека. Она достигается в результате осуществления эффективной социальной политики формирования гражданина с определенной жизненной мотивацией по отношению к окружающей среде, использованию экологических знаний в повседневной практической деятельности.

Ключевые слова: поведение, экология, менталитет, установка.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

IMPLEMENTATION OF ECOLOGICAL REQUIREMENTS IN SOCIAL LIFE

This article discusses the content and methodological significance of the concept of behavior and determines the factors in its formation in the context of modern social and environmental development. The most significant methods of behavior research are determined – physiological, psychological, a set of social methods (educational, educational, ideological, etc.). The mental level of consciousness of Belarusians influencing stereotypes of ecological behavior is analyzed. The role of social attitudes in behavior is revealed, the hierarchy of its structural levels is highlighted. It is shown that in modern social conditions the ecological component is determining in relation to other factors of human behavior. It is achieved as a result of the implementation of an effective social policy of the formation of a citizen with a certain motivation for life in relation to the environment, the use of environmental knowledge in everyday practice.

Key words: behavior, ecology, mentality, attitude.

Введение. Рост глобальных проблем современности в условиях социальной нестабильности и усиления экзистенциальной напряженности – проблем адаптации человека к темпам социокультурных изменений, расширение сферы «искусственных», технико-технологических посредников жизни вновь актуализируют антропологическую проблематику, переводя ее в плоскость трансформации самой методологии исследования человека. На первое место выходит не познание его сущности, а раскрытие фундаментальных отношений человека к миру и самому себе, проявляющихся в тех или иных формах его поведения и образа жизни.

Основная часть. Понятие «поведение» включает систему внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых сложным объектом; эта система подчиняется определенной логике и направлена на реализацию той или иной функции, присущей данному объекту и требующей его взаимодействия с окружающей средой [1, с. 253]. Представления о поведении сложились главным образом в области физио-

логии по линии развития теории рефлекса и использовались, например, этологами, изучающими поведение животных. Согласно современным представлениям в физиологии, поведение есть сложная иерархическая структура, складывающаяся и реализующаяся одновременно на ряде уровней (напр., как последовательность мышечных сокращений, целенаправленных действий и т. п.) [1, с. 254].

Развитие исследований в области поведения в последние десятилетия привело к дополнению физиологических методов психологическими. Обозначением для описания одного из компонентов поведенческой стороны в них служит ключевой термин «установка» – явление, которое предшествует реальным действиям личности. Социальная установка – это «состояние готовности личности к определенному восприятию и оценке социальных явлений, процессов, поведению в ней» [2, с. 191]. Социальная установка организована иерархически, т. е. она обладает различными уровнями включенности в структуру личности. Первый уровень включает

элементарные фиксированные установки, они формируются на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях [3]. Второй уровень составляют образования, которые формируются на основе потребности человека в общении, в тех ситуациях, которые заданы деятельностью в группе. Это социальные фиксированные установки, или аттитюды. В. А. Ядов считает их трехкомпонентной структурой, имеющей когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Третий уровень образует общая направленность интересов личности относительно конкретной сферы социальной активности, или базовые социальные установки. Они служат выражением отношения человека к значимым областям его активности, таким, например, как работа и досуг. И, наконец, на четвертом уровне располагается система ценностных ориентаций личности. Они регулируют поведение и деятельность личности в наиболее значимых ситуациях, связанных с жизнедеятельностью личности в целом, целями и средствами их достижения. Они детерминированы типом общества, системой его экономических, политических, идеологических принципов [4, с. 195].

Через понятие ценностей происходит наполнение установки социальным содержанием. В них выражаются цели, движущие человеком, и соответствующие способы их достижения. Все вместе они охватывают комплекс отношений личности, которые В. А. Ядов определяет как социально-психологические отношения, вмещающая познавательную, эмоциональную и поведенческую стороны. И. Р. Сушков в качестве иллюстрации приводит ситуацию из популярного в США учебника по психологии: около 90% американцев знают, что курение приводит к сердечным заболеваниям (познавательная сторона), 30% американцев курят (поведенческая сторона), некоторые из них в связи этим даже испытывают отрицательные эмоции (эмоциональная сторона) [2, с. 194]. Существующие знания о иерархии структурных уровней поведения используются в практических целях представителями различных социальных сфер общества, например, сферы торговли в отношении анализа факторов, влияющих на поведение людей как потребителей товаров. В процессе раскрытия темы формирования экологического поведения людей мы будем использовать данные социологии, психологии, т. к. они помогут раскрыть внутренние механизмы данного процесса, включающего в себя различные модели поведения, одна из которых основана на доминирующей антропоцентрической системе ценностей и культуре потребления. Одним из элементов группового сознания является ментальность – глубинный уровень

коллективного и индивидуального сознания, включающий и коллективное бессознательное, – как относительно устойчивая совокупность установок индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом [4, с. 525]. Менталитет характеризует специфику сознания одной группы относительно общественного сознания других групп людей. Содержание менталитета заключается в когнитивной сфере и определяется, прежде всего, знаниями, обычаями и верованиями, которыми владеет общность, задавая иерархию ценностей, характеризующую данную общность. Они становятся критериями выносимых оценок и определяют систему взглядов на мир. Относясь к когнитивной сфере личности, менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь, прежде всего, в стереотипах поведения, означающих на деле выбор одной из поведенческих альтернатив. Применительно к экологическому поведению речь идет о стереотипах взаимосвязи человека и природы.

Существенные результаты по данной проблеме были получены авторским коллективом кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета. На основе анализа текстов были выявлены важнейшие направления развития экосознания в культуре белорусского, украинского и русского народов в характерном для нее разнообразии в аспекте социокультурной детерминации ее исторической динамики [5]. Выявлено, что в нормативно-аксиологических установках восточнославянских народов исторически личность формируется как элемент космического целого, и в ряду ее достоинств на первый план выходит внутреннее совершенствование, основанное на трепете перед гармонией мироздания. В противоположность этому западная культурная традиция отношения к миру имеет характер перманентной экспансии в природу с целью ее преобразования и потребления ресурсов биосферы. Выявленная самобытность и перспективность славянского экологического менталитета заключается в тенденции к открытости белорусов для западных и восточных влияний, способности к их содержательному интегрированию как источнику формирования эффективной и в полном смысле слова современной стратегии преодоления кризисных процессов и явлений в сфере взаимодействия человека и биосферы [5, с. 6].

Действительно, экологическое поведение в повседневной практике становится ключевым моментом на пути реализации концепции устойчивого развития. Наиболее полной является модель экологического поведения, разработанная американским исследователем П. Стерном. Эко-

логическое поведение им рассматривается как «продукт взаимодействия личностных характеристик (внутренних факторов) и контекстуальных (внешних) факторов» [6]. Внутренние факторы связаны с индивидуальными характеристиками личности и включают экологические знания, экологические ценности, мотивацию, контроль и чувство ответственности. Внешние факторы включают в себя экологическую политику государства, экологическое образование, средства массовой информации и др.

Индивидуальные различия по отношению к среде и ее качествам рассматриваются как переменные, позволяющие прогнозировать модели поведения человека в различных типах сред в контексте субъектного подхода в «бытийном пространстве личности». В таких условиях важна позиция самой личности как субъекта экологического поведения, его информированность об экологической ситуации, степень реальной и потенциальной активности, которая выражается в желании позитивного изменения экологической ситуации, в том числе посредством собственного участия в мероприятиях по «оздоровлению» экологии.

В качестве внутренних барьеров на пути к экологическому поведению выступают неэкологические мотивы, которые являются более интенсивными и определяющими для человека по отношению к мотивам экологическим. Чувство *ответственности* определяет меру нравственного отношения человека к окружающему миру в целом. Именно отсутствием чувства ответственности многие исследователи объясняют распространенность пассивной природоохранной позиции, которая характерна для многих людей, рассчитывающих на то, что об улучшении качества окружающей среды могут позаботиться и другие. Феномен «надежды на других» до сих пор является преобладающим в сфере природоохранной деятельности. Используя данные психологии поступка, рассмотренные выше, можно отметить противоречие – при абсолютно положительном отношении к факторам здорового образа жизни, особенно в отношении питания и двигательного режима, в реальности их используют лишь 10–15% [2]. Формирование соответствующего поведения и культуры достаточно сложный процесс, связанный с ломкой сложившихся и закрепленных в обществе стереотипов. Главным тормозом в этом процессе выступают старые модели поведения, основанные на антропоцентрической системе ценностей и культуре потребления. Эколо-

гическое сознание индивида развертывается в ряде психологических феноменов: представлениях о субъективной значимости экологических факторов; переживаниях последствий экологических и природно-климатических изменений как опасных или безопасных для его (его семьи) жизни и здоровья; отношении (оценке) к экологической ситуации в регионе проживания; типе ценностного отношения (установки) к природе; идеалах экологического сознания и поведения; нормах, правилах экологического поведения. Его можно прогнозировать, основываясь на понятиях жизненного цикла – изменения ценностей у человека происходят также с возрастом [7, с. 124].

Формирование необходимого экологического поведения невозможно без создания соответствующей инфраструктуры, т. е. условий, наличие которых способствовало бы претворению в жизнь экологических практик. Их отсутствие может выступить одним из барьеров на пути к формированию экологического поведения. Среди условий, формирующих такую инфраструктуру, можно выделить: наличие велосипедных дорожек, оснащение контейнерами для сортировки отходов, макулатуры, наличие в магазинах био-разлагающихся пакетов для покупок и т. д. Сегодня охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов признаются одним из стратегических направлений политики Республики Беларусь. В нашей стране разработана Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. В соответствии с ее постулатами главной целью всей системы образования на протяжении 2021–2030 гг. является «формирование личности с системным мировоззрением, критическим, социально и экологически ориентированным мышлением и активной гражданской позицией» [8, с. 38].

Выводы. Задача формирования новой культуры поведения человека в условиях экологического кризиса, приобретает характер стратегической программы действия современной цивилизации. Формирование экологического поведения – достаточно сложный процесс, связанный с ломкой сложившихся и закрепленных в обществе стереотипов. Это предполагает формирование гражданина с определенной жизненной мотивацией по отношению к окружающей среде, использованию экологических знаний в повседневной практической деятельности. При решении данной задачи вопросы экологического образования, поведения выходят сегодня на первый план.

Литература

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.
2. Сушков И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Институт психологии РАН, 2008. 410 с.

3. Узнадзе Д. Н. Психология установки // Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Питер, 1961. 321 с.
4. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Эксмо, 2005. 136 с.
5. Антология экологической мысли. Восточные славяне. Минск: Харвест, 2003. 656 с.
6. Stern P. C. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior // J. of Social Issues. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236533664>. New environmental theories Toward a coherent theory of environmentally significant behavior (accessed: 20.12.2017).
7. Маркетинг: вопросы и ответы / под ред. Н. П. Кетовой. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 478 с.
8. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Эконом. бюл. Науч.-исслед. эконом. ин-та М-ва экономики Республики Беларусь. 2015. № 4. С. 38.

References

1. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [A new philosophical encyclopedia]. In 4 vol. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. III. 692 p.
2. Sushkov I. R. *Psikhologicheskiye otnosheniya cheloveka v sotsial'noy sisteme* [Psychological relations of a person in the social system]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2008. 410 p.
3. Uzmadze D. N. The psychology of set. *Ekspierimental'nyye osnovy psikhologicheskoy ustanovki* [The experimental foundations of psychology]. Tbilisi, Piter Publ., 1961. 321 p.
4. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [The psychology of human development]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 136 p.
5. *Antologiya ekologicheskoy mysli. Vostochnyye slavyane* [Anthology of ecological thought. Eastern Slavs]. Minsk, Harvest Publ., 2003. 656 p.
6. Stern P. C. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. J. of Social Issues. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/236533664>. New environmental theories Toward a coherent theory of environmentally significant behavior (accessed 20.12.2017).
7. *Marketing: voprosy i otvety*. Pod red. N. P. Ketovoy [Marketing: questions and answers]. Ed. N. P. Ketova. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2009. 478 p.
8. National strategy of sustainable, socio-economic development of the Republic of Belarus for the period up to 2030. *Ekonomicheskiy byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus'* [Economic Bulletin of the Research economic Institute of the Ministry of economy of the Republic of Belarus], 2015, no. 4, p. 38 (In Russian).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natal'ya Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Senior Researcher, the Center of Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 28.02.2018

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич

Белорусский государственный технологический университет

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИЕПИСКОПА КУРСКОГО
И ОБОЯНСКОГО СТЕФАНА (АРХАНГЕЛЬСКОГО)**

В статье идет речь о социальной роли и статусе Русской православной церкви в российском обществе конца XIX – начала XX в. Показано, что церковь была всецело подчинена государству и не имела возможности самостоятельно решать свои внутренние проблемы. Революционные события 1905 г. вызвали необходимость преобразования многих сфер общественной жизни, в том числе и религиозной. В таком социокультурном контексте рассматривается деятельность и взгляды архиепископа Стефана. Сделаны выводы о том, что этот церковный деятель в вопросах реформирования церкви являлся консерватором-традиционалистом, стремился к сохранению строгого церковного порядка, особое внимание уделял вопросам реформы православного прихода и духовной школы. Несомненной заслугой архиепископа является разработка новой программы преподавания нравственного богословия, которая предполагала отказ от схоластики. Стефан считал, что духовная школа должна иметь воспитательное значение и быть доступной для всех сословий.

Ключевые слова: православная церковь, собор, реформа, приход, духовная школа, нравственное богословие.

N. M. Kozhich

Belarusian state technological university

**LIFE AND ACTIVITY OF THE ARCHBISHOP OF KURSK
AND OBOYAN STEFAN (ARKHANGELSKI)**

In article there is a speech about a social role and the status of Russian Orthodox Church in the Russian society of the end of the XIX beginning of the 20th centuries. It is shown that the church was entirely subordinated to the state and had no opportunity to independently solve the internal problems. Revolutionary events of 1905 caused the necessity of transformation of many spheres of public life including religious. In such sociocultural context activity and views of the archbishop Stefan is considered. Conclusions are drawn that this church figure in questions of reforming of church was conservative traditionalist, sought for preservation of a strict church order; paid special attention to questions of reform of orthodox parish and spiritual school. An undoubted merit of the archbishop is development of the new program of teaching moral theology which assumed refusal of scholasticism. Stefan considered that the spiritual school has to have educational value and to be available to all estates.

Key words: orthodox church, cathedral, reform, arrival, spiritual school, moral theology.

Введение. Архиепископ Курский и Обоянский Стефан (в миру Николай Павлович Архангельский) – известный церковный деятель, доктор богословия конца XIX – начала XX в. Он принял активное участие в обсуждении вопросов, посвященных проблеме реформирования Русской православной церкви, что было связано с попыткой духовенства решить проблему религиозного индифферентизма и повысить авторитет церкви в глазах верующих. Обращение к творческому наследию архиепископа Стефана обусловлено тем, что и в настоящее время вопросы, связанные с преобразованием церкви, духовной школы, прихода и т. д., сохраняют свою актуальность.

Основная часть. В конце XIX в. окончательно завершился процесс огосударствления православной церкви. Это выражалось в идеологизации мировоззренческих ориентиров, на-

правленных на поддержание самодержавного строя, и бюрократизации церковного управления. Церковь не имела возможности решать свои внутренние проблемы и тем более самостоятельно выступать в общественной жизни. По свидетельству церковных историков, «на пороге XX в. церковь была учреждением уже вполне безличным, потерявшим свою нравственную физиономию и как зеркало отражавшим все настроения и зигзаги правительственного политического курса» [1, с. 7]. Обер-прокурор К. П. Победоносцев с целью максимального надзора и управления над церковью закрывал общественно-богословские периодические издания дискуссионного характера, отстранял клириков от земских выборов, ограничивал компетенцию епархиальных съездов. В этой связи священнослужители не могли в полной мере стать духовным авторитетом для

народа. Практически среди всех слоев населения наблюдался рост религиозного индифферентизма и свободомыслия. Именно в такой историко-культурной ситуации формировалось творчество Н. П. Архангельского (Стефана) – церковного иерарха, проповедника, духовного писателя, аскета. Родился он в 1861 г. в Пензенской епархии; после окончания в 1885 г. Казанской духовной академии с присвоением степени кандидата богословия назначен преподавателем Симбирского духовного училища. Будучи студентом, Николай Павлович «отличался высокой религиозной настроенностью и особенной ревностью к охранению строго-церковного порядка жизни. Его смущало сокращенное исполнение утренних и вечерних молитв. Он любил ходить в монастырские и приходские храмы к ранним литургиям и к вечерним богослужениям. Его возмущало легкое нарушение установленных Православной церковью постов, и он еще не будучи монахом, а только болея душой за легкомысленное нарушение церковной дисциплины, предпочел уйти из академического общежития на квартиру, чтобы иметь возможность проводить строгую христианскую жизнь ученого отшельника» [2]. Карьера Н. П. Архангельского развивалась стремительно. С 1896 г. он был преподавателем Кутаисской духовной семинарии, а в следующем – 1897 г. удостоен степени магистра богословия после защиты диссертации на тему «Задача, план системы православного христианского нравоучения». В основе этой работы находились взгляды русского проповедника Иннокентия Херсонского, сочинения которого Стефан изучал всю свою жизнь. В 1899 г. он принимает постриг, затем в 1900 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Тифлисской духовной семинарии. С 29 апреля 1904 по 4 января 1911 г. являлся епископом Могилевской и Мстиславской епархии. Это было сложное время для Российской империи. Под влиянием революционных событий 1905 г. правительство было вынуждено пойти на уступки в решении вопроса о свободе слова, веротерпимости, местном самоуправлении и т. д. Начался пересмотр законодательных актов, регулировавших социально-политическое и национально-государственное устройство страны. В частности, 17 апреля 1905 г. вышел указ «Об укреплении начал веротерпимости», который дал много прав иноверам и сектантам, а главное – переход из православия в другое исповедание перестал преследоваться законом. В таких условиях церковь теряла статус «господствующей», так как опека государства связывала самостоятельность духовенства, делала невозможным для церкви отстаивать свои интересы. На-

чался массовый переход из православия в другие конфессии, особенно в католицизм, что оказалось характерным для белорусских епархий. По этой причине все чаще среди православного духовенства распространялась мысль о восстановлении патриаршества, необходимости возрождения соборного начала в жизни церкви. В итоге Святейший Синод признал необходимость церковных преобразований и высказался за созыв Собора в Москве. Однако Николай II не дал разрешения на его проведение ввиду дестабилизированной обстановки в стране. Тем не менее Синод предложил епархиальным архиереям высказать свои предложения по осуществлению церковной реформы. В оценке взглядов на эту проблему православное духовенство можно условно разделить на два направления – консервативное и либеральное. Первое отвергало идею догматического развития, отстаивало незыблемость церковных устоев, допускало некоторые изменения церковного управления. Либералы, кроме обозначенных выше вопросов, требовали существенных изменений богословской системы и обряда. Патриаршество для них – это необходимое условие христианизации общества, возрождения православия, повышения авторитета духовенства в глазах общества. Также фигурировала мысль об отделении церкви от государства, изменении ее социально-политической направленности, о введении выборного начала, элементов демократизации в церковную жизнь. Епископ Стефан принял активное участие в обсуждении этих вопросов. Большинство иерархов кризисное состояние церкви объясняло неканоничностью синодального строя. Также считал и Стефан, но реформу, по его мнению, следовало начинать с оживления религиозной жизни, что возможно через широкое привлечение мирян к непосредственному участию во всех сферах церковной деятельности. Он подчеркивал, что «желательно христианское воздействие Церкви на жизнь паствы и через обратное участие ее пастырей в различного рода светских общественных коллегиях» [3, с. 216], поэтому первоочередной задачей является реформирование прихода.

6 марта 1906 г. в Александро-Невской лавре в Петербурге открылось Предсоборное Присутствие, на котором обсуждались вопросы, подлежащие рассмотрению на предполагаемом Поместном соборе. В его работе принимали участие наряду с архиереями профессора духовных академий, а также священники и миряне. Присутствие состояло из семи отделов, каждый из которых занимался обсуждением конкретных вопросов. В их числе – это отношение церковной власти к правительству, состав По-

местного собора, преобразование епархиального управления, реформа духовного суда, школы, проблемы миссионерства, взаимоотношения православия с другими конфессиями и др. В частности, Четвертый отдел под председательством епископа Могилевского Стефана сосредоточил внимание на особенностях функционирования православных приходов и епархиальных съездах. Вопрос о возрождении прихода имел крайне важное значение, так как он являлся тем местом, где протекала значительная часть религиозной жизни населения (преимущественно крестьян), сохранялась устойчивая система ценностей. На рубеже XIX – XX вв. приход существовал как формально-территориальная единица и не представлял собой духовную общность людей. Данному обстоятельству способствовал ряд причин. Например, миряне не могли принимать участие в избрании священника, не имели возможности полностью распоряжаться церковными суммами, так как имущество приходского храма могли изъять высшие церковные власти. Кроме того, священники не имели твердого жалования, источниками доходов были плата за требы и земельные наделы, которые часто обрабатывались членами причта. Именно материальная зависимость духовенства от прихожан создавала многочисленные конфликты и отрицательно влияла на церковную жизнь. В конечном счете нарастание процессов секуляризации, развитие товарно-денежных отношений разрушали патриархальную культуру, способствовали безразличному отношению мирян к церкви. В целом духовенство было солидарно в придании приходу статуса юридического лица, однако считало невозможным или преждевременным введение начала выборности. Епископ Стефан подчеркивал, что «право это, когда оно усвоится общиной, ведет иногда к прямым злоупотреблениям со стороны избирателей, всегда – к понижению умственного и нравственного ценза избираемых, устанавливая между вторыми и первыми отношения наемничества и тяжелой материальной зависимости» [3, с. 181]. Итогом работы Четвертого отдела Предсоборного присутствия была разработка проекта Устава православных приходов в России в 109 параграфах, который был принят в качестве подготовительного материала для обсуждения на Поместном соборе.

Особую заинтересованность у Стефана вызывала проблема преобразования духовной школы, которая на рубеже XIX – XX вв. носила сословный, фактически замкнутый характер. Сельское духовенство жило в крайней бедности, и потому не имело возможности дать своим детям светское образование, тем более что

еще в конце 70-х гг. XIX в. выпускникам семинарий было запрещено поступать в университеты. Как отмечает Флоровский, «бегство духовной молодежи из «ведомства православного исповедания» приобретало пугающие размеры. Но еще хуже было то, что многие оставались только по нужде, по принуждению, от страха, без вдохновения, но со скрытой горечью, часто и без веры. <...> Было совсем не целесообразно сохранять устаревший тип школы, уже не соответствовавший ни социальной обстановке, ни церковным потребностям. И нельзя было сливать задачу пастырской подготовки с задачей школьного самообеспечения духовного сословия» [4, с. 480]. К началу XX в. явно ощущался недостаток священнослужителей, поэтому епархиальные архиереи были вынуждены на места священников в сельских приходах назначать кандидатов, богословская подготовка которых оказывалась спорной. Духовенство в своем большинстве считало необходимым разделить общее и специальное, богословское, образование. Епископ Стефан высказался за возможность подготовки к священническому служению представителей из всех сословий. Кроме того, он считал необходимым изменить методику преподавания богословских дисциплин, в особенности нравственного богословия, развитие которого в России получило схоластическое направление. Стефан называет такое преподавание «сухим» и «безжизненным», видит свою задачу в создании новых принципов систематизации нравственного богословия, в раскрытии того, «как совершено и совершается объективно-субъективное спасение человека в земной жизни, имеющее быть основанием его вечного спасения и блаженства в жизни будущей» [5, с. 93]. Еще в 1902 г. он создает новую учебную программу по данной дисциплине. В ее содержании делается акцент не на перечислении обязанностей христианина, а на формировании религиозно-нравственных убеждений семинаристов. Преподавание нравственного богословия мыслилось как восхождение человека к Богу. По мнению Стефана, нравственное богословие должно представлять собой описание пути грешника, который через покаяние, смирение, воздержание достигает «царства добра». Большое значение в этом процессе имеют аскетические добродетели – равнодушие ко всему земному, мужественное отношение к своим страданиям, целомудрие, трудолюбие, раскаяние, самообладание, самоотречение в стремлении к Богу и др. Именно через аскетизм грешник приходит к человеколюбию – основному принципу человеческих взаимоотношений. Такие христианские добродетели, как правдивость, искренность, спра-

ведливость, сострадание, прощение обид, благотворительность, основываются на представлении о том, что любой человек есть образ Божий. Поэтому любовь к человеку была равносильной любви к Богу.

Во время революционных событий 1905–1906 гг. Стефан занимал монархическую позицию, призывал усилить проповедническую деятельность духовенства. В 1909 г. он принял участие в Съезде Русских людей в Москве, где был председателем отдела по школьным вопросам. В октябре 1911 г. был возведен в сан архиепископа и назначен на Курскую кафедру, в 1912 г. получил степень доктора богословия. Архиепископ Стефан «за строгое отношение к духовенству был прозван “лютым”. Святейший

Синод всегда посылал его в качестве ревизора в те епархии, где требовалась строгая ревизия» [2]. Умер вследствие болезни в 1914 г.

Заключение. Жизнь и деятельность архиепископа Стефана отличались высокой религиозностью, стремлением сохранить строгий церковный порядок. В вопросах церковной реформы придерживался консервативных взглядов, направленных на сохранение традиционных православных воззрений. Обращаясь к первоисточникам христианского нравоучения, Стефан отрицал схоластическую традицию в преподавании нравственного богословия, подчеркивал воспитательное значение данной учебной дисциплины, которая призвана формировать человеческую личность.

Литература

1. Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Петроград: Былое, 1924. 196 с.
2. Стефан (Архангельский). URL: <http://ortho-rus.ru> (дата обращения: 25.01.2018).
3. Отзыв преосвященного Стефана, епископа Могилевского по вопросу о церковной реформе // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1906. № 4. С. 179–222.
4. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1991. 599 с.
5. Стефан, епископ. К вопросу о системе православно-христианского нравоучения. Могилев: Типография губернского правления, 1910. 128 с.

References

1. Titlinov B. V. *Tserkov' vo vremya revolyutsii* [Church during the revolution]. Petrograd, Byloye Publ., 1924. 196 p.
2. *Stefan (Arkhangel'skiy)* [Stefan Arkhangelski]. Available at: <http://ortho-rus.ru> (accessed 25.01.2018).
3. The response of His Eminence Stefan, Bishop of Mogilev on the issue of church reform *Pribavleniya k "Tserkovnym vedomostyam"* [Addition to "Church sheets"], 1906, no. 4, pp. 179–222 (In Russian).
4. Florovskiy G. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of the Russian divinity]. Kiev, Put' k istine Publ., 1991. 599 p.
5. Stefan, episkop. *K voprosu o sisteme pravoslavno-khristianskogo nravoucheniya* [To a question of the system of an orthodox and Christian moral]. Mogilev, Tipografiya gubernskogo pravleniya Publ., 1910. 128 p.

Информация об авторе

Кожич Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kogich@belstu.by

Information about the author

Kozhich Natal'ya Mikhaylovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kogich@belstu.by

Поступила 28.02.2018

УДК 328.185-043.865(476)

Е. М. Сергеева

Белорусский государственный технологический университет

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ
С КОРРУПЦИЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Борьба с коррупцией в Республике Беларусь является важнейшей государственной задачей в деле укрепления независимости и суверенитета нашего государства, обеспечения общественной безопасности в современных международных реалиях.

Современные действия общественных и государственных институтов Республики Беларусь направлены на обеспечение и защиту прав и свобод граждан, создание условий неотвратимости юридической ответственности и комплексное применение всех необходимых средств для недопущения причинения вреда общественным отношениям.

В статье проанализированы основные законодательные акты Республики Беларусь, направленные на борьбу с проявлениями коррупции во всех сферах общественной жизни.

Ключевые слова: государственный служащий, правовое регулирование, Беларусь, статус.

Ye. M. Sergeeva

Belarusian State Technological University

**THE LEGAL FRAMEWORK OF STRUGGLE
AGAINST CORRUPTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The fight against corruption in the Republic of Belarus is an important state task in strengthening the independence and sovereignty of our state, ensuring public security in today's international realities.

Modern actions of public and state institutions of the Republic of Belarus are aimed at ensuring and protecting the rights and freedoms of citizens, creating conditions for the inevitability of legal responsibility and comprehensive application of all necessary means to prevent harm to public relations.

The article analyzes the main legislative acts of the Republic of Belarus aimed at combating manifestations of corruption in all spheres of public life.

Key words: civil servant, legal regulation, Belarus, status.

Введение. Так как коррупция стала масштабной проблемой современности, ни одно государство, независимо от его социально-экономического и политического устройства, не имеет абсолютного к ней иммунитета.

Современные действия общественных и государственных институтов Республики Беларусь направлены на обеспечение и защиту прав и свобод граждан, создание условий неотвратимости юридической ответственности и комплексное применение всех необходимых средств для недопущения причинения вреда общественным отношениям.

В 2016 г. Беларусь набрала 40 баллов и заняла 79-е место в рейтинге (по итогам 2015 г. Беларусь занимала 107-е место) по Индексу восприятия коррупции (ИВК) – показателю, отражающему оценку восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями по стабильной шкале. Он составляется ежегодно начиная с 1995 г. Индекс представляет собой оценку от 0 (максимальный уровень коррупции) до 100 (отсутствие коррупции). Опросы показывают, что ни одна из стран не может похвастаться полным отсутствием коррупции. Индекс восприятия коррупции за 2016 г. пока-

зывает, что 69% из 176 стран имеют значение менее 50%, что говорит о довольно высоком уровне коррупции во всем мире.

Основная часть. Борьба с коррупцией в Республике Беларусь является важнейшей государственной задачей в деле укрепления независимости и суверенитета нашего государства, обеспечения общественной безопасности в современных международных реалиях.

Подписание в 2003 г. Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и реализация идеи создания Международной ассоциации антикоррупционных учреждений – результат глубокого осознания мировым сообществом серьезной опасности последствий коррупции. Поддерживая и развивая инициативы по борьбе с коррупцией на национальном, региональном и международном уровнях, Республика Беларусь одной из первых государств-участников ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции [1].

В 1997 г. принят Закон Республики Беларусь «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией», который на протяжении девяти лет служил основополагающим актом, определяющим антикоррупционную политику государства.

В 2001 г. утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, в которой борьба с коррупцией определена в качестве одного из приоритетных направлений деятельности государства.

В 2002 г. принята первая специализированная Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией на 2002–2006 гг.

В развитие реализации организационно-правовых мероприятий данной Программы принят ряд законодательных актов антикоррупционной направленности – законы Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь», «О декларировании физическими лицами доходов, имущества и источников денежных средств», «О мерах по пресечению легализации доходов, полученных незаконным путем, и финансирования террористической деятельности».

Изданы указы Президента Республики Беларусь «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи», «О доверительном управлении принадлежащими государственным служащим долями участия (акциями, правами) в уставных фондах коммерческих организаций», а также указ, касающийся дебурократизации государственного аппарата, упорядочения административных процедур в целях предупреждения коррупционных действий государственных служащих и др.

В 2000–2005 гг. Республика Беларусь ратифицировала ряд важнейших международных конвенций: Конвенцию ООН против коррупции и транснациональной организованной преступности, Конвенцию Совета Европы об уголовной и гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

Выполняя свои международные обязательства, а также учитывая назревшую необходимость в выработке новых методов предупреждения и пресечения коррупции, Республика Беларусь принимает меры по дальнейшему совершенствованию антикоррупционного законодательства. В июле 2006 г. был принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [2]. Данный Закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией и направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции. Обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций государственных должностных и приравненных к ним лиц осуществляется путем предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия правонарушений, создающих условия для коррупции и коррупционных правонарушений, устранения их последствий. В соответствии с Законом: «Борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры,

внутренних дел и государственной безопасности как самостоятельно, так и во взаимодействии между собой, с иными государственными органами и организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь».

Государственные органы и иные организации обязаны передавать государственным органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, информацию, связанную с фактами, свидетельствующими о коррупции. На прокуратуру возложена обязанность координировать деятельность всех правоохранительных и иных государственных органов в борьбе с коррупцией.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. были образованы республиканское, областные и районные координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией. Председателями координационных совещаний являются соответствующие прокуроры. Координационные совещания являются постоянно действующими межведомственными органами.

В целях реализации требований Закона совместным постановлением Прокуратуры Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь утвержден Перечень коррупционных преступлений. Более того, в статье 25 Закона содержится описание правонарушений, создающих условия для коррупции.

1. Вмешательство государственного должностного лица с использованием своих должностных полномочий в деятельность других государственных органов, если это не входит в круг его полномочий.

2. Использование государственным должностным лицом служебного положения при решении вопросов, затрагивающих его личные, групповые и иные внеслужебные интересы.

3. Оказание государственным должностным лицом при подготовке и принятии решений неправомерного предпочтения интересам физических или юридических лиц либо предоставление им необоснованных льгот.

4. Использование государственным должностным лицом во внеслужебных целях информации, распространение и предоставление которой ограничено.

5. Создание государственным должностным лицом препятствий физическим или юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов.

6. Нарушение государственным должностным лицом установленного порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок [2]. Наиболее распространенными коррупционными преступлениями являются хищения, злоупотреб-

ления властью, служебный подлог, получение и дача взятки, получение незаконного вознаграждения госслужащим, не являющимся должностным лицом. На долю этих составов преступлений приходится почти 40% от общего числа выявляемых коррупционных преступлений и сохраняется в данной динамике практически ежегодно.

С учетом необходимости дальнейшего создания прочной законодательной базы 15 июля 2015 г. в Республике Беларусь принят Закон «О борьбе с коррупцией» № 305-З.

В целом борьба с коррупцией в Республике Беларусь осуществляется на основе комплексного применения мер, в полном объеме согласующихся с Конвенцией ООН против коррупции. Основными из них являются:

- криминологические исследования преступлений коррупционной направленности в целях выявления причин коррупции, их оценки и прогноза развития ситуации для своевременного принятия эффективных мер по предупреждению коррупции;
- планирование и координация деятельности правоохранительных и иных государственных органов по борьбе с коррупцией;
- выработка и реализация экономических мер борьбы с коррупцией с устранением предпосылок ее существования.

Система национальных мер борьбы с коррупцией:

- планирование и координация деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией;
- установление ограничений, а также специальных требований, направленных на обеспечение финансового контроля в отношении государственных должностных лиц в целях предотвращения проявлений коррупции и их выявления;
- обеспечение правовой регламентации деятельности государственных органов и иных организаций, государственного и общественного контроля и надзора за этой деятельностью;
- совершенствование системы государственных органов, кадровой работы и процедуры решения вопросов, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц;
- восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, ликвидация вредных последствий правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных преступлений;
- установление правовых запретов в целях разграничения служебных (трудовых) обязанностей и личных, групповых и иных внеслужебных интересов государственных должностных и приравненных к ним лиц;
- предоставление в установленном законодательными актами Республики Беларусь по-

рядке государственным должностным и приравненным к ним лицам гарантий и компенсаций, связанных с ограничениями, установленными Законом «О борьбе с коррупцией» и иными законодательными актами Республики Беларусь в сфере борьбы с ней;

- недопущение финансирования или предоставления других форм материального обеспечения деятельности государственных органов и организаций из источников и в порядке, не предусмотренных законодательством Республики Беларусь;
- проведение криминологических исследований коррупционной преступности в целях ее оценки и прогноза для выявления предпосылок и причин коррупции, своевременного принятия эффективных мер по ее предупреждению и профилактике;
- сочетание борьбы с коррупцией и создания экономических предпосылок для устранения ее причин.

Вместе с тем вся система мер борьбы с коррупцией базируется на системе установленных государством и принятых в обществе принципов данной борьбы, что обеспечивает ее эффективность.

Заключение. Комплексный подход к выработке национальной стратегии противодействия коррупции основывается на сочетании таких мер, как установление прозрачных критериев карьерного роста государственных служащих, учреждение механизмов учета общественных интересов при принятии властных решений, жесткое разграничение службы и коммерческой деятельности, общественный контроль над доходами и расходами должностных лиц, внедрение этических принципов и норм, развитие прозрачных процедур проведения закупок и т. д.

Выявление и устранение причин коррупции осуществляется путем воспитания у населения нетерпимости к коррупционному поведению, проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, установления особых требований к лицам, претендующим на занятия государственных должностей, введение в действие порядка освобождения от замещаемой должности лиц, представивших недостоверную информацию о структуре своих доходов, расходов и имущества.

Центральное место в системе законодательного противодействия коррупции имеют ограничения и запреты, отражающие особенности статуса лиц, замещающих государственные должности.

В большинстве предприятий и организаций, вне зависимости от формы собственности, созданы и постоянно действуют антикоррупционные комиссии.

Таким образом, в Республике Беларусь применяется целый комплекс необходимых мер для борьбы с общемировым злом – коррупцией.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 192. 2/1093.
2. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 20.07.2006 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2006. № 122. 2/1262.
3. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Минск: Пересвет, 2013. 123 с.
4. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 192. 2/1093.
5. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 61. 2/948.
6. Государственная программа по борьбе с коррупцией на 2007–2010 гг.: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 07.05.2007 № 220 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. №118. 1/8577.

References

1. United Nations Convention against Corruption. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2004, no. 192, 2/1093.
2. The Law of the Republic of Belarus of 20.07.2006 "On Combating Corruption". *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2006, no. 122, 2/1262.
3. *Kommentariy k Zakonu Respubliki Belarus' "O bor'be s korruptsiyey"* [Commentary on the Law of the Republic of Belarus "On Combating Corruption"]. Minsk, Peresvet Publ., 2013. 123 p.
4. Convention on Civil Liability for Corruption. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2004, no. 192, 2/1093.
5. Convention on Criminal Responsibility for Corruption. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2003, no. 61, 2/948.
6. The State Program for Combating Corruption for 2007–2010, approved by the Decree of the President of the Republic of Belarus of 07.05.2007 No. 220. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2007, no. 118, 1/8577.

Информация об авторе

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент, кафедра философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: sergeeva@belstu.by

Information about the author

Sergeeva Yevgeniya Mikhaylovna – assistant, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sergeeva@belstu.by

Поступила 22.03.2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Козляков В. Е. Концепция «Русская цивилизация» в постсоветской историософии.....	5
Шолков К. В. (протоиерей Кирилл Шолков). Исторические традиции попечения в Белорусской православной церкви.....	11
Дамарад А. А. Сацыяльна-прававы статус носьбітаў дваранскіх тытулаў Рэчы Паспалітай у канцы XVIII – сярэдзіне XIX ст.	16
Матвеев О. В. Уроженцы белорусских губерний в развитии российского военного кавказоведения.....	21
Острога В. М. Социально-правовой статус учителей духовных семинарий и училищ Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	26
Семенчик Н. Е. Солдаты в Февральской и Октябрьской революциях в Беларуси.....	31
Рыжанкоў І. М. Актывізацыя прадпрымальніцкай ініцыятывы вяскоўцаў беларускіх губерняў на этапе разгортвання Лютаўскай рэвалюцыі.....	37
Райченко А. А. Проблемы белорусской государственности накануне и в первые годы образования СССР.....	42
Коваль В. У. Асаблівасці адаптацыі і акультурацыі беларускіх эмігрантаў у ЗША (1918–1939 гг.)	47
Крючек П. С. Миграционные процессы с территории Беларуси в Россию в 20–30-х гг. XX столетия.....	52
Каляда І. У. Нацыянальныя працэсы на беларускіх землях у лёсе беларускай інтэлігенцыі (1920-я – 1930-я гады)	57
Дрожжа Л. Ч. Мюнхенскае пагадненне 1938 г.: урокі мінулага (гістарыяграфія пытання).....	62
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Обеспечат ли ядерные бомбы США безопасность Европы?	67
ФИЛОСОФИЯ	71
Шалаев В. В. Общество перед вызовами сложности: на путях антикризисного управления	71
Кирвель Ч. С., Водопьянов П. А. Диалектика «исторической необходимости» и осознанного выбора путей развития общества	77
Бурак П. М. Козэволюцыйная стратегія в фарміраванні ценностных ориентаций современного общества.....	83
Пунченко О. П., Цыра А. В. Структура матрицы образования информационной цивилизации	91
Сидоренко И. Н. Конфликтологический подход к сущности социального насилия как деструкции.....	96
Хохлова А. П. Трансформация феномена отчуждения в социально-политическом контексте философского знания.....	101
Федарцова Т. М. Праблема адчужэння ў сусветнай і беларускай літаратуры	105
Дубравина А. М. Манипулятивные технологии как способ формирования социальных иллюзий.....	110
Богаченко В. В. Феномен человеческой телесности в аспекте глобальной культуры	115
Лазаревич Н. А. Факторы формирования экологического поведения	121
Кожич Н. М. Жизнь и деятельность архиепископа Курского и Обоянского Стефана (Архангельского)	125
Сергеева Е. М. Правовые основы борьбы с коррупцией в Республике Беларусь.....	129

CONTENTS

HISTORY.....	5
Kazliakou U. Ye. “Russian civilization“ concept in post-soviet historiography.....	5
Sholkov K. V. Historical traditions of care in the Belarusian Orthodox Church	11
Damarad A. A. Noble titles carriers of the Rech Pospolitaya social and legal status in the late XVIII – middle of XIX century	16
Matveev O. V. Belarusian provinces natives in the development of Russian military Caucasiology	21
Ostroga V. M. Socio-legal status of teachers of theological seminaries and colleges of Belarus in the second half of XIX – early XX century	26
Semenchuk N. Ye. Soldiers in February and October Revolutions in Belarus.....	31
Ryzhankou I. M. Revitalization business initiative villagers belarusian provinces on the stage the deployment of the February Revolution	37
Raychenok A. A. Problems of Belarusian statehood before the first years of education of the USSR	42
Koval V. U. Features of adaptation and acculturation of the Belarusian emigrants in the USA (1918–1939).....	47
Kruchek P. S. Migration processes from the territory of Belarus to Russia in the 20–30th of the XX century.....	52
Kolyada I. U. National processes in the Belarusian lands in the fate of the Belarusian intelligentsia (1920–1930)	57
Drojja L. Ch. Munich agreement 1938: lessons of the past (historiography of problem).....	62
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. Will the nuclear bombs of the United States guarantee Europe’s security?	67
PHILOSOPHY	71
Shalaev V. V. Society before complexity calls: on the ways of crisis management.....	71
Kirvel’ Ch. S., Vodop’yanov P. A. Dialectics of “historical necessity“ and conscious choice of ways of society development	77
Burak P. M. Co-evolution strategy forming valuable orientations of the modern society	83
Punchenko O. P., Tsyra A. V. Structure of the matrix of education of information civilization	91
Sidorenko I. N. Conflictological scientific direction about the nature of social violence as the destruction.....	96
Khokhlova A. P. Transformation the phenomenon of alienation in the socio-political context	101
Fedartsova T. M. The problem of alienation in the world and belarusian literature.....	105
Dubravina A. M. Manipulative technologies as a social illusions forming method	110
Bogachenko V. V. Phenomenon of human corporeality in aspect of global culture	115
Lazarevich N. A. Implementation of ecological requirements in social life	121
Kozhich N. M. Life and activity of the archbishop of Kursk and Oboyan Stefan (Arkhangelski).....	125
Sergeeva Ye. M. The legal framework of struggle against corruption in the Republic of Belarus	129

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *Е. В. Ильченко, О. А. Солодкевич*
Корректор *Р. М. Рябая*

Подписано в печать 15.06.2018. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 15,7. Уч.-изд. л. 16,7.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.